

м.л. я к у б

показания
свидетелей
и
потерпевших

М. Л. ЯКУБ

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

(Оценка показаний свидетелей и потерпевших
на предварительном следствии
и в суде первой инстанции)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1968

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая. Общие положения.	3
1. Показания свидетелей и показания потерпевших — источники доказательств	3
2. Установление истины как задача доказывания	5
3. Оценка доказательств	10
Глава вторая. Оценка показаний свидетелей и показаний потерпевших и значение данных о факторах, влияющих на их полноту и достоверность.	22
Глава третья. Факторы, влияющие на полноту и достоверность показаний	46
Глава четвертая. Особенности показаний свидетелей	82
Глава пятая. Особенности показаний потерпевших	107

1—10—2

67—67

ЯКУБ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ

Показания свидетелей и потерпевших

(Оценка показаний свидетелей и потерпевших на предварительном
следствии и в суде первой инстанции)

Тематический план 1967 г. № 67

Редактор В. М. Карабут

Переплет художника М. М. Носовой

Технический редактор Н. А. Рябикина

Корректоры С. В. Игошина, Л. С. Клочкова

Сдано в набор 8/VI 1967 г.
Л-96615 Формат 60×90/16
Уч.-изд. л. 8,78 Изд. № 242

Подписано к печати 19/II 1968 г.
Физ. печ. л. 8,0 Бум. типогр. № 3
Зак. 199 Тираж 10 500 Цена 44 коп.

Издательство Московского университета Москва, Ленинские горы
Административный корпус

Типография Изд-ва МГУ, (филиал), Москва, проспект Маркса, 20

Глава первая

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОКАЗАНИЯ ПОТЕРПЕВШИХ — ИСТОЧНИКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Показания свидетелей и показания потерпевших являются источниками доказательств, средствами установления фактических обстоятельств дела. Свидетели и потерпевшие сообщают известные им сведения о событии преступления и участии в нем тех или иных лиц, а также о других относящихся к делу фактах. Показаниями свидетелей и потерпевших органы расследования и суд, как и другими источниками доказательств, устанавливают фактические данные, имеющие значение для разрешения дела.

В советском уголовном процессе показания свидетелей и потерпевших являются эффективным средством установления истины. Доверие к органам расследования и к суду, высокий уровень сознательности и чувства ответственности советских людей определяют отношение свидетелей и потерпевших к своим обязанностям. Стремясь помочь следствию и суду в укреплении законности, в борьбе с преступностью и охране прав граждан, свидетели и потерпевшие, как правило, добровольно и охотно дают показания, правдиво и обстоятельно сообщают все известные им сведения. В показаниях свидетелей и потерпевших сообщаемые данные являются обычно объективно правильным отражением действительности.

Для советского уголовного процесса неприемлемо получившее развитие в реакционной буржуазной юриспруденции отрицательное отношение к свидетельским показаниям как к ненадежному средству доказывания. Представители такого взгляда, используя некоторые данные экспериментальной психологии, утверждают, что, ввиду самой природы челове-

ческой психики, ее несовершенства, показания свидетелей отражают действительность неполно, односторонне, искаженно, ошибочно. И поэтому они не могут рассматриваться как достоверный источник сведений, на который может опираться суд в своих выводах. Показаниям свидетелей они противопоставляют в этом смысле вещественные доказательства — «нелгущих», «немых свидетелей». Эти взгляды — их политический смысл и несостоятельность — получили должную оценку в нашей правовой науке. Свидетели из числа трудящихся и других слоев общества, не поддерживающих реакционные стремления буржуазии, несмотря на запугивание и полицейский террор, всегда могут создать затруднения в обосновании репрессии в отношении политически неугодных лиц. И поэтому, прибегая к лжесвидетельству полицейских шпиков, провокаторов и разложившихся, деклассированных элементов, реакционные круги вместе с тем стремятся избавиться от неотвечающих их интересам свидетелей (заменяя их «немыми свидетелями») в одних случаях или опорочить показания таких свидетелей — в других. Теоретическим обоснованием такого рода стремлений и служат эти взгляды.

Отношение к свидетельским показаниям как к недостоверному источнику доказательств научно необоснованно и практически несостоятельно. Гносеологической основой такого взгляда является отрицание способности человеческого сознания объективно правильно отражать действительность, события и явления окружающего мира. Общеизвестно, что это опровергнуто марксистско-ленинской теорией познания и практикой, являющейся критерием истины в познании. Нет оснований отрицать и доступность для свидетелей и потерпевших объективно правильного отражения воспринятых ими фактов, имевших место в действительности, о которых они дают показания. Если отношение к свидетельским показаниям как к недостоверному средству доказывания несостоятельно в условиях буржуазного уголовного процесса, то тем более оно неприемлемо для советского уголовного процесса. В нашем обществе нет социальных причин для одностороннего, предвзятого, тенденциозного отношения советских людей к тем или иным общественным группам или к тем или иным событиям и явлениям (могущим быть предметом показаний), которые могли бы отрицательно повлиять на полноту и объективность отражения их в сознании свидетелей и потерпевших и в показаниях этих лиц. Вместе с тем высоким уровнем сознательности и активности советских людей определяется их интерес и внимание к явлениям и событиям общественной жизни, в частности к охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями, а отсюда и к обстоятельствам, связанным с преступлением. А это благоприятствует восприятию и порождает особую тщательность свиде-

лей и потерпевших в исполнении своих обязанностей и тем самым способствует полноте и точности их показаний.

Но сказанное, разумеется, не означает, что показания свидетелей и потерпевших могут приниматься на веру, что они могут быть положены в основу выводов следствия или суда без тщательной и всесторонней проверки и без надлежащей оценки. Показания свидетелей и потерпевших в силу тех или иных причин могут неполно или искаженно отражать действительность, в них могут вкратиться неточности, ошибки, привнесения. Возможны случаи и недобросовестных, заведомо ложных показаний. Вместе с тем необходимо определить значение для разрешения дела фактов, установленных показаниями свидетелей и потерпевших, и сделать из них в совокупности со всеми материалами правильные выводы о доказанности или недоказанности обвинения и других обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Всем этим определяется значение оценки показаний свидетелей и потерпевших для объективно правильного установления фактических обстоятельств дела.

2. УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ КАК ЗАДАЧА ДОКАЗЫВАНИЯ

Оценка доказательств, как и вся деятельность по исследованию фактических обстоятельств дела, направлена на достижение задач, стоящих перед доказыванием в советском уголовном процессе, призвана обеспечить их осуществление.

Необходимым условием разрешения задач уголовного судопроизводства, предусмотренным ст. 2 УПК РСФСР является установление истины по делу, установление обстоятельств дела в полном соответствии с действительностью, с тем, что было на самом деле. Без этого нельзя обеспечить, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Задача доказывания определяется законом, во-первых, по объему обстоятельств, подлежащих исследованию и установлению, и, во-вторых, по тем требованиям, которым должны отвечать обвинительные выводы следствия и суда. Она выражена в следующих двух процессуальных требованиях: 1) в обязанности органов расследования, прокурора и суда, принять все предусмотренные законом меры к полному раскрытию преступления (ст. ст. 2 и 3 УПК), т. е. к установлению всех эпизодов преступной деятельности, всех имеющих значение обстоятельств каждого эпизода и всех виновных в преступлении и 2) доказанности вины обвиняемого как условия постановления обвинительного приговора, т. е. достоверности обвинительных выводов (а

значит, их несомненности, истинности). «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если... виновность подсудимого... доказана» (ст. 309 УПК). В то же время вывод о недоказанности события преступления или виновности обвиняемого должен быть обоснован (ст. ст. 301, 314 и 209 УПК).

Суд в своих обвинительных выводах не может довольствоваться той или иной степенью вероятности вины осужденного. Закон не допускает постановление обвинительного приговора на основе предположений. А вероятность, сколько бы ни была высока ее степень, выражает предположительный характер суждения, которое в одних случаях может соответствовать, а в других не соответствовать действительности. Выводы о виновности осужденного относительно каждого обстоятельства, поставленного ему в вину, должны быть достоверны, т. е. доказаны с бесспорностью и не вызывать сомнений в своей истинности. Советский суд не вправе признать гражданина виновным в преступлении, если его вина лишь вероятна, т. е. если выводы о его виновности недостоверны и вызывают сомнения в их истинности. Это было бы несовместимо с задачами социалистического правосудия и требованиями социалистической законности.

Вместе с тем условием привлечения лица в качестве обвиняемого и предания его суду является, согласно закону, наличие достаточных доказательств, подтверждающих обоснованность этих актов (ст. ст. 143 и 227 УПК).

Задача установления истины состоит, таким образом, в том, чтобы изобличить всех лиц виновных в преступлении и вместе с тем, чтобы был привлечен к уголовной ответственности и осужден только тот, кто действительно виновен в данном преступлении и только в тех пределах, в которых он виновен и подлежит ответственности.

В тех же случаях, когда не удастся установить с несомненностью обстоятельства преступления во всей их полноте и всех виновных в нем лиц, следствие и суд, принимая решение по делу, должны отсеять все то, что вызывает сомнение в своей истинности. В основу обвинительных выводов они должны положить только достоверно установленные факты.

Определяя задачи доказывания и пути их осуществления наш законодатель основывается на положениях марксистско-ленинской теории познания об объективной истине, об относительной и абсолютной истине и их соотношении, о доступности абсолютного знания исследуемых событий и явлений. Но закон определяет задачи доказывания не посредством этих философских категорий, а при помощи названных выше процессуальных требований.

В этих требованиях находит выражение единство того общего, что присуще всем областям познания и того особенного, специфического, что свойственно исследованию обстоятельств дела в уголовном процессе.

Если несомненная доказанность обвинения, его достоверность является безоговорочным требованием, предъявляемым к обвинительному приговору, то к оправдательному приговору (как и к постановлению о прекращении дела) не всегда может быть предъявлено требование несомненной доказанности невиновности обвиняемого. Практически нередко такая ситуация, когда имеющиеся в деле данные не дают оснований для бесспорного вывода о виновности лица, но и не устанавливают его невиновности. Возможность такой ситуации предусмотрена законом. В тех случаях, когда материалы дела не дают оснований для несомненного вывода о доказанности события преступления и виновности обвиняемого, а все предусмотренные законом меры к установлению истины исчерпаны, закон обязывает суд вынести оправдательный приговор (ч. 3 ст. 309 УПК), а следователя — прекратить дело (п. 1 ст. 5 и п. 2 ст. 208 УПК). Но выводы следователя и суда о том, что событие преступления не установлено или что участие обвиняемого в совершении преступления не доказано, должны быть обоснованными и мотивированными. Требования закона об обоснованности приговора (ст. 301 УПК) и о мотивировке его (ст. 314 УПК) относятся как к обвинительному, так и к оправдательному приговору. В постановлении о прекращении дела должны быть приведены основания прекращения (ст. 209 УПК). Причем в случаях прекращения дела за недоказанностью участия обвиняемого в преступлении или постановления оправдательного приговора по этому основанию должны приниматься меры к обнаружению виновного, т. е. задачи доказывания (как и процесса в целом) законом считаются еще не выполненными.

*

*   *

В соответствии с действительностью должны быть установлены не только фактические обстоятельства дела, но и правовая природа и сущность исследуемого действия, т. е. является ли оно противоправным и общественно опасным, подлежит ли оно вменению в вину совершившему его лицу, степень вины и общественной опасности преступника. Все это входит в предмет, содержание истины в уголовном процессе. Иначе говоря, установление истины в уголовном процессе означает не только объективно правильное отражение в выводах следствия и суда фактической стороны дела, но и правильное решение вопросов: содержит ли рассматривае-

мое деяние состав преступления, о квалификации преступления и о степени вины обвиняемого.

Общественная опасность и противоправность, а равно другие юридические признаки деяния, характеризующие его как преступление, являются свойственными ему чертами не- независимо от познающего сознания — от данной судом оценки деяния. Совершенное деяние либо преступно, либо не- преступно, обвиняемый либо виновен в нем, либо невиновен не- независимо от того, признал ли суд это деяние преступлением, а обвиняемого виновным в нем. Оценка деяния на основе уголовного закона — это средство познания его юридической природы. Если законные действия суд ошибочно признал преступными, то они от этого не становятся преступлениями. А если суд в преступном деянии не нашел состава преступления и не признал совершившее его лицо виновным, то это значит, что преступление осталось нераскрытым, а преступ- ник ушел от ответственности. Но от этого деяние не утрати- ло характера преступления, а лицо, совершившее его, не стало невинным.

Конечно, свойства деяния зависят от условий, места и времени. Одно и то же действие в одних условиях является преступлением, в других — не преступно. Изменение обста- новки может вызвать изменение закона; вместе с тем обще- ственная опасность деяния зависит от обстановки, в услови- ях которой оно совершено. Но деяние, совершенное в опре- деленных условиях места и времени, является для данных условий по свойственным ему признакам либо преступным, либо не преступным независимо от той оценки, которую дал ему суд, могущей оказаться правильной или неправильной. С изменением обстановки преступное деяние может к мо- менту расследования или судебного рассмотрения дела утра- тить свойство преступления, потеряв свою общественную опасность. Но и в этих случаях идет речь о свойствах дея- ния, которые изменяются с изменением обстановки, но не о субъективистской оценке его судом. Сказанное соответствен- но относится и ко всем тем обстоятельствам, которые могут иметь значение для определения степени вины преступника, его общественной опасности.

Задача следствия и суда состоит в том, чтобы, руковод- ствуясь законом и социалистическим правосознанием, иссле- довать, познать юридическую природу и характер деяния и отразить ее в своих выводах в полном соответствии с дейст- вительностью. Приговор суда в этом смысле имеет значение акта только констатирующего, но не конституирующего пра- воотношения. (Иное значение имеет приговор суда примени- тельно к отношениям, связанным с наказанием. Здесь он имеет значение акта конституирующего правоотношения.)

Применительно к гражданскому судопроизводству ска-

занное прямо выражено в законе: «Суд обязан... принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон» (ст. 16 Основ гражданского судопроизводства). Правовую природу рассматриваемых судом отношений закон относит, таким образом, к предмету, подлежащему выяснению в процессе. Какого-либо различия в этом смысле между гражданским процессом и уголовным процессом, конечно, нет.

Вопросы права и вопросы факта, исследуемые в процессе установления истины, неразрывно связаны между собой. Необходимым условием правильного применения закона является установление фактических обстоятельств дела в полном соответствии с действительностью. В свою очередь, правильное понимание и применение уголовного закона необходимо в процессе исследования фактических обстоятельств дела; без этого нельзя обеспечить полноту и всесторонность его. Фактическая сторона дела исследуется в целях правильного применения уголовного закона и предмет доказывания должны составлять обстоятельства, имеющие значение в этом смысле. Расследуемые события и действия должны исследоваться в их юридических, существенных чертах и свойствах.

Разумеется, что посредством доказательств устанавливается фактическая сторона дела, что задачей доказывания является установление истины в части фактических обстоятельств дела.

*
*   *   *

Задача установления истины обусловлена интересами социалистического государства, подлинно демократической природой и сущностью советского уголовного процесса, и является выражением принципа социалистической законности. Установление истины обеспечивает как права и законные интересы граждан, привлеченных к суду, так и задачи успешной борьбы с преступностью, полноту раскрытия преступлений, меткость и справедливость судебной репрессии.

Осуществление этой задачи обеспечивается всей системой процессуальных гарантий, основу которых составляют подлинно демократические принципы советского уголовного процесса, в том числе начала, лежащее в основе доказывания. Значение принципов процесса прежде всего в том и состоит, что они являются гарантиями установления истины.

Задаче установления истины соответствует предусмотренный законом принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению суда, прокурора и лиц, производящих расследование, как и все другие лежащие в основе доказывания на-

чала — законности, презумпции невиновности и полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела. Последовательное осуществление этих начал в процессе доказывания является необходимым условием и гарантией разрешения задачи установления истины¹.

Всем этим определяются задачи и значение оценки как доказательств по делу в целом, так и каждого отдельного источника доказательств. Каждое показание свидетеля и потерпевшего должно получить оценку следствия и суда. Оценка их должна способствовать полноте раскрытия преступления и обеспечивать объективность, полноту и всесторонность исследования обстоятельств дела и достоверность выводов следствия и суда.

В основу обвинительных выводов могут быть положены только такие сведения о фактах, которые не вызывают сомнений в своей истинности и связь которых (равно как и форма ее) с обстоятельствами преступления бесспорна. А с другой стороны, сообщаемые в показаниях данные не могут быть отвергнуты без надлежащей проверки и достаточных оснований.

3. ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Оценка доказательств — это определение их качества и значения.

Доказательствами являются любые фактические данные, содержащиеся в предусмотренных законом источниках (ч. 2, ст. 69 УПК), полученных в результате проведения регулируемых законом следственных (в том числе судебно-следственных) действий или представленных следствию и суду, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Оценка доказательств состоит, следовательно, в определении качеств и значения их как средств установления указанных обстоятельств данного дела, т. е. их доказательственной силы.

Оценка доказательств возложена законом на суд, прокурора, следователя и лиц, производящих дознание. Каждый из них в соответствующей стадии процесса должен дать

---

¹ Более подробное изложение соображений автора о природе истины в уголовном процессе, а также по освещаемым далее вопросам о внутреннем убеждении и о презумпции невиновности см. «Вестн. Моск. ун-та», сер. VIII «Экономика, философия», 1963, № 4, стр. 60 и сл.; М. Л. Якуб. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Изд-во МГУ, 1960, стр. 98 и сл., 114 и сл., 126 и сл.

оценку как каждому отдельному доказательству, так и всей совокупности доказательств. Разумеется, что оценка доказательств включает оценку их источников.

Рассмотрим, что представляет собой оценка доказательств, производимых этими органами и должностными лицами.

Оценить каждое отдельное доказательство — это значит в предусмотренных законом процессуальных условиях решить вопрос (если нет оснований отвергнуть данное доказательство за недопустимостью) о его достоверности и значении, т. е. признать доказательство достоверным или недостоверным и определить его значение для дела или признать неотносящимся к делу.

Оценить все доказательства — это значит в предусмотренных законом процессуальных условиях решить вопрос о том, исследованы ли обстоятельства дела с необходимой полнотой, всесторонностью и объективностью и приводят ли все имеющиеся в деле фактические данные к выводу о доказанности обстоятельств, подлежащих установлению, т. е. признать доказанным или недоказанным преступное деяние, участие в нем обвиняемого и все обстоятельства, влияющие на степень его вины и ответственности.

Оценка доказательств дается в форме категорического ответа на указанные вопросы и получает выражение в соответствующих процессуальных документах — в приговоре или в определении суда, в обвинительном заключении или в постановлении о прекращении дела и т. д.²

Оценкой доказательств заканчивается исследование фактических обстоятельств дела в каждой стадии процесса. Однако под оценкой доказательств понимается не только то итоговое решение по указанным вопросам, которое принимается судом при постановлении приговора и выражается в нем (а в стадии предварительного расследования — следователем и прокурором), но и процесс разрешения этих вопросов и формирования решения (выводов) по ним. Этот процесс развивается по мере накопления и проверки информации, ее исследования и обсуждения. Он идет от предположительных суждений, возникающих при рассмотрении тех

² Следователь и прокурор, направляя дело в суд с обвинительным заключением, как известно, не правомочны признать обвиняемого виновным и в том числе признать обвинение доказанным. В частности, полномочия прокурора при утверждении обвинительного заключения (п. «и» ст. 213 УПК) определяются законом как решение вопроса о том, «обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами». Однако несомненность обвинительных выводов предварительного следствия (в объективно возможных пределах для данной стадии процесса) и убежденность следователя и прокурора в доказанности обвинения являются необходимым условием привлечения к уголовной ответственности и направления дела в суд с обвинительным заключением.

или иных доказательств и проверяемых дальнейшим исследованием обстоятельств дела, к окончательному решению (выводу). Оценкой доказательств проникнута вся деятельность по исследованию фактических обстоятельств дела, по собиранию доказательств, их рассмотрению и проверке.

Под оценкой доказательств понимается, таким образом, как процесс, развивающийся на протяжении всего исследования обстоятельств дела, так и завершающий его акт оценки, выражаемый в соответствующих процессуальных документах.

Оценка доказательств, как и вся деятельность по исследованию фактических обстоятельств дела, является процессуальной деятельностью. Она осуществляется судом, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, в силу возложенных на них законом (ст. 71 УПК) процессуальных полномочий и в предусмотренных законом процессуальных условиях. Завершающий ее акт связан с определенными правовыми последствиями, влечет за собой соответствующие права и обязанности.

Полномочиями по оценке доказательств наделены суд, прокурор, следователь и лица, производящие дознание, как представители государства, на которых возложено расследование уголовных дел и привлечение к ответственности виновных в преступлении, осуществление прокурорского надзора и отправление правосудия по уголовным делам. Оценка доказательств является составной частью, неотъемлемым элементом этих функций и, оценивая доказательства, они выступают как представители государства, осуществляющие эти функции власти.

Оценка доказательств (как и вся деятельность по исследованию и разрешению дела в уголовном процессе) является логической, мыслительной деятельностью, причем в отличие от собирания, проверки и рассмотрения доказательств она не включает в себя каких-либо следственных действий (допросов, осмотров, назначения и проведения экспертизы и т. п.)³.

Важное значение в процессе оценки доказательств имеет вместе с тем и его волевая сторона. Оно определяется, во-первых, тем, что результаты оценки доказательств могут послужить основанием привлечения лица к уголовной ответст-

---

³ См. И. Л. Петрухин, А. Р. Ратинов. Оценка доказательств. В кн. «Теория доказательств в советском уголовном процессе» (часть Общая), под ред. Н. В. Жогина. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 331 и сл., стр. 347 и сл. См. также Р. С. Белкин. Собираание, исследование и оценка доказательств. М., «Наука», 1966, стр. 65 и сл.; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 165.

венности и признания его виновным в преступлении, а в соответствующих случаях — в тяжком преступлении. И, во-вторых, тем, что суд, прокурор, лица, производящие расследование, должны в оценке доказательств противостоять каким бы то ни было попыткам влияния, возможным со стороны весьма авторитетных органов и лиц. Не случайно закон обязывает оценивать доказательства по внутреннему убеждению. Это требование со всей очевидностью показывает, какое значение закон придает волевой стороне в оценке доказательств. Если бы оценка доказательств была бы только мыслительным процессом, то не было бы необходимости и в предусмотренных законом условиях совещания судей — в тайне совещательной комнаты. В оценке доказательств должны проявляться не только высокий уровень мышления следователя, прокурора, судьи, но и их принципиальность, высокая идейность, волевые качества.

Процесс оценки доказательств в своей завершающей фазе является итоговым, решающим, а вместе с тем самостоятельным этапом доказывания, наступающим после окончания следственных (судебных) действий по проверке и рассмотрению доказательств. Наиболее четко этот этап очерчен в судебном разбирательстве дела, в котором совещание судей является его самостоятельной частью и проводится в особых процессуальных условиях, а речь прокурора составляет самостоятельную часть судебных прений. Но и в стадии предварительного следствия окончательное решение (вывод) о доказательствах может быть сделано лишь после проведения всех следственных действий по исследованию их необходимых соответственно либо для привлечения лица в качестве обвиняемого, либо для направления дела в суд или для его прекращения. Закон, правда, не предусматривает специальной процедуры обсуждения следователем исследованных доказательств. Но это не значит, что следователь вправе сформировать свои выводы о доказательствах до окончания всех следственных действий по собиранию и проверке их, что он не обязан по окончании всех этих следственных действий произвести оценку доказательств. Требования закона об оценке доказательств на основе полного, всестороннего и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности в одинаковой мере относится как к суду, так и к следователю и к прокурору.

Оценка доказательств является вместе с тем неотъемлемой стороной процесса доказывания на всех его этапах. Она сопутствует всей деятельности по собиранию, проверке и рассмотрению доказательств и является необходимым условием ее. Оценка доказательств на завершающих этапах доказывания, в частности в совещательной комнате, — не изолированный акт. Она подготовлена всем ходом исследова-

ния доказательств и теми суждениями о доказательствах, которые возникают соответственно у судей в процессе судебного разбирательства и у лиц, производящих расследование, — по ходу его.

Без оценки доказательств в самом процессе расследования и судебного разбирательства дела было бы невозможно ни собирание, ни проверка и рассмотрение доказательств. Не входя в оценку доказательств, нельзя определить круг обстоятельств, подлежащих установлению по делу и наметить объективно возможные версии, пути и пределы их проверки. Вместе с тем нельзя ни отказаться от тех или иных версий, ни положить в основу расследования какую-либо версию в результате проведения намеченных следственных действий. Без оценки доказательств нельзя определить и круг источников доказательств, подлежащих исследованию, в том числе круг лиц, подлежащих допросу, и решить вопрос о производстве тех или иных следственных действий (обыска, выемки, вызова на допрос и т. п.); нельзя и удовлетворить или отклонить ходатайство кого-либо из участников процесса об истребовании тех или иных доказательств, и в частности о вызове свидетелей. С оценкой доказательств связан и ряд других решений, принимаемых в ходе производства по делу, например об объединении или выделении дел, об избрании меры пресечения, об изменении обвинения и возбуждения дела против нового лица в стадии судебного разбирательства.

Нельзя однако не учитывать различий между оценкой доказательств на завершающем этапе доказывания и оценкой доказательств по ходу собирания и проверки их. Эти различия выражаются в значении оценки и ее последствиях, в характере суждений, с которыми она связана и в процессуальных условиях.

Оценкой доказательств на завершающем этапе доказывания разрешаются вопросы о достоверности каждого из доказательств и о доказанности обвинений, причем оценка доказательств составляет основное содержание доказывания на данном его этапе. Иное значение имеет оценка доказательств в процессе их собирания и рассмотрения. Здесь она является лишь сопутствующим (хотя и неотъемлемым) условием собирания, рассмотрения и проверки доказательств; она способствует полноте, всесторонности и объективности исследования как всей совокупности обстоятельств дела, так и каждого отдельного доказательства.

Если при постановлении приговора или при окончании предварительного следствия оценка доказательств приводит соответственно суд, прокурора и следователя к несомненному выводу по указанным выше вопросам, то суждения о доказательствах, возникающие по ходу собирания и проверки их,

носят предположительный характер. Они имеют характер версий, подлежащих проверке в ходе дальнейшего расследования⁴. Предположительный характер оценка доказательств носит и в тех случаях, когда она кладется в основу каких-либо решений, принимаемых по ходу производства по делу: о соединении или выделении дела, о возбуждении дела по новому обвинению или против нового лица и т. п. Закон не требует и не может требовать окончательного вывода о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности тех или иных доказательств при принятии таких решений, ибо ими не разрешаются эти вопросы.

Оценка доказательств на завершающем этапе доказывания отличается и по условиям, в которых она происходит. Она производится на основе полного, всестороннего и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела и тогда, когда не производится никаких следственных (судебных) действий по собиранию и исследованию доказательств (что также имеет значение для объективности оценки). Наконец, оценка доказательств судом на этом этапе происходит в специфических процессуальных условиях совещательной комнаты.

Ввиду всего сказанного было бы неправильно умалять значение завершающей фазы в процессе оценки доказательств как самостоятельного и вместе с тем итогового, решающего этапа доказывания, растворять этот этап оценки доказательств в процессе оценки доказательств, развивающемся на протяжении всего исследования обстоятельств дела. Нельзя недооценивать значения совещания судей как необходимого условия объективно правильной оценки доказательств и постановления законного и обоснованного приговора.

Не случайно закон, предусматривая условия и принципы оценки доказательств, определяет их применительно к итоговому, решающему этапу доказывания в каждой стадии процесса. Это видно из того, что ст. 71 УПК предусматривает, во-первых, оценку доказательств по внутреннему убеждению, «основанному на всестороннем, полном и объективном рас-

---

⁴ Предположительный характер суждения о значении для дела того или иного доказательства носят как в тех случаях, когда принимается решение об истребовании какого-либо доказательства, так и в тех случаях, когда этот вопрос разрешается отрицательно, в частности при отклонении соответствующего ходатайства. Оценивая доказательства при постановлении приговора или при окончании предварительного следствия, необходимо прежде всего решить вопрос о полноте, всесторонности и объективности проведенного исследования доказательств, а следовательно, решить вопрос и о том, обоснованно ли были отклонены ходатайства об истребовании тех или иных доказательств и не привело ли это к неполноте или односторонности следствия. По этим же причинам неокончательный характер имеют и принятые в процессе исследования дела решения о недопустимости тех или иных доказательств.

рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности», и, во-вторых, оценку доказательств не судьями, а судом. УПК РСФСР 1923 года относил эту норму к условиям постановления приговора (ст. 319).

Оценивая доказательства, суд, прокурор, лица, производящие расследование, учитывают соображения о доказательствах, суждения об их значении и силе, которые высказываются участниками процесса, в частности защитником. Это способствует полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела и объективно правильной оценки доказательств при принятии тех или иных решений по делу. Суждения о доказательствах, высказываемые участниками процесса, по своей логической природе тоже могут быть названы оценкой доказательств. Вместе с тем участие этих лиц в процессе исследования доказательств, в том числе в судебном следствии, было бы невозможным, если бы они мысленно не оценивали доказательства. Однако оценка доказательств, даваемая участниками процесса, в частности защитником, как по юридической природе, так и по процессуальному значению отличается от оценки доказательства, даваемой судом, прокурором, лицами, производящими расследование. В отличие от последней она дается не органами государства и должностными лицами, на которых возложены соответствующие функции власти, и не в осуществление таких функций. Она не влечет за собой процессуальных последствий, с которыми связана оценка доказательств, даваемая указанными государственными органами и должностными лицами.

*

*   *

В соответствии с законом «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием». При этом «никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы» (ст. 71 УПК).

По внутреннему убеждению оцениваются как вся совокупность доказательств, так и каждый отдельный источник доказательств, в частности показания каждого свидетеля и потерпевшего.

Этот принцип означает, что: 1) суд, прокурор, лицо, производящее расследование, в оценке доказательств свободны от каких бы то ни было предустановленных правил, определяющих силу доказательств, и оценивают доказательства

не по каким-либо заранее определенным признакам, а по существу, сообразно с обстоятельствами рассматриваемого дела; 2) названные органы и должностные лица самостоятельны в оценке доказательств и не связаны какими-либо указаниями с чьей-либо стороны — закон обеспечивает судьям независимость и подчинение только закону, а прокурору и следователю — процессуальную самостоятельность в оценке доказательств; 3) условием принятия решения по делу является твердая, несомненная уверенность суда, прокурора, лица, производящего расследование, в достоверности своих выводов о доказательствах.

Начало оценки доказательств по внутреннему убеждению должно обеспечить объективно правильное отражение действительности в выводах следствия и суда. Оно органически связано с лежащими в основе доказывания принципами законности, презумпции невиновности и полноты, всесторонности и объективности исследования. Последовательное осуществление этих начал в доказывании является необходимым условием формирования убеждения.

Внутреннее убеждение не безотчетно и бесконтрольно. Оно должно отвечать предусмотренным законом требованиям. Рассмотрим эти требования применительно к оценке показаний свидетелей и потерпевших:

1. Соблюдение закона в исследовании доказательств. Нарушения же закона, будь то понуждение к показаниям свидетеля или потерпевшего или постановка им наводящих вопросов, подкашивание и т. п., являются обстоятельствами, ставящими под сомнение достоверность показания и, более того, могущими дать основание признать его недопустимым.

2. Обоснованность убеждения рассмотренными данными. Недопустимо ни некритическое отношение к показаниям свидетелей или потерпевших, ни огульное недоверие к ним. Вывод о достоверности или недостоверности показаний должен быть основан на материалах дела.

3. Полнота, всесторонность и объективность исследования обстоятельств дела. Без этого нельзя не только сделать вывода по делу в целом, но и учесть все те данные, которые указывают на качество и значение каждого отдельного показания свидетеля или потерпевшего.

4. Убеждение должно быть основано на всех обстоятельствах в их совокупности. Каждое показание свидетеля и потерпевшего должно быть проверено посредством других доказательств, сопоставлено со всей совокупностью данных дела. Таким путем должно быть проверено, подтверждается ли оно другими доказательствами и, в частности, возможны ли в условиях данной обстановки те события и действия, о которых сообщается в показаниях или они невероятны и

возможно ли знание их лицом, дающим показания. В совокупности со всеми обстоятельствами должны оцениваться и индивидуальные свойства показаний, факторы, могущие повлиять на их полноту и достоверность. Ни одно показание свидетеля или потерпевшего не может быть оставлено без оценки.

5. Внутреннее убеждение в достоверности показания свидетеля или потерпевшего, положенного в основу обвинения, должно быть тем единственным выводом, который с несомненностью вытекает из материалов дела, исключающим всякую иную версию.

Процесс оценки доказательств есть вместе с тем и процесс формирования внутреннего убеждения. Формирование убеждения завершается вместе с окончанием процесса оценки доказательств, совпадает во времени с его окончанием (конечно, если такое убеждение сложилось в результате этого процесса).

Внутреннее убеждение, посредством которого оцениваются доказательства, является твердым безусловным, не вызывающим сомнения в своей правильности убеждением, и оно должно быть основано согласно закону на полном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. В процессе же оценки доказательств у судей, следователя и прокурора могут быть лишь предположительные (большей или меньшей степени вероятности) суждения о качестве или значении доказательств⁵. Но у них не может быть сложившегося внутреннего убеждения по этим вопросам. В противном случае это было бы не убеждением, а предубеждением, приводящим к односторонности, тенденциозности в оценке доказательств и препятствующим установлению истины⁶.

Оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, суд, прокурор, следователь, лица, производящие дозна-

⁵ Иного мнения по изложенным вопросам придерживаются И. Л. Петрухин и А. Р. Ратинов. Они считают, что внутреннее убеждение является не только результатом процесса оценки доказательств, но и действует в самом процессе оценки (И. Л. Петрухин, А. Р. Ратинов. Ук. соч., стр. 365). По мнению же И. Л. Петрухина, ст. 71 УПК имеет в виду оценку доказательств не только на завершающем этапе доказывания в каждой стадии процесса, но и в ходе собирания и проверки доказательств — при разработке следственных версий, при рассмотрении ходатайств, при избрании меры пресечения (стр. 339—340). Это не только противоречит буквальному тексту ст. 71, но и дает основания считать, что, по мнению И. Л. Петрухина, внутреннее убеждение может сформироваться и до того, как по делу рассмотрены все доказательства, т. е. в процессе их собирания и проверки.

⁶ Как правильно пишет в этой связи Л. Т. Ульянова, в оценке доказательств не может быть «двух убеждений» (Л. Т. Ульянова. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., Госюриздат, 1959, стр. 76).

ние, должны руководствоваться законом и социалистическим правосознанием.

Закон 1) определяет принципы, лежащие в основе доказывания, и, в частности, условия, которым должно отвечать внутреннее убеждение, и предусматривает гарантии осуществления этих принципов; 2) устанавливает порядок исследования всей совокупности доказательств и проведения следственных действий по собиранию и проверке каждого доказательства; 3) предусматривает условия, которым должны отвечать фактические данные, служащие доказательствами; 4) определяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу; 5) устанавливает формы тех процессуальных документов, в которых излагаются результаты исследования и оценки доказательств (приговора, обвинительного заключения, определения и постановления о прекращении дела), обязывая следствие и суд мотивировать, почему они приняли или отвергли те или иные доказательства.

Все эти установленные законом требования являются необходимыми условиями и важнейшими гарантиями установления истины. Они призваны обеспечить полное, всестороннее и объективное исследование всей совокупности обстоятельств дела и каждого отдельного доказательства, его доброкачественность.

Важное значение в оценке доказательств имеет и социалистическое правосознание, ибо оно способствует правильному пониманию и применению закона и объективно правильному отношению к каждому доказательству⁷.

Если ст. 71 УПК регулирует оценку доказательств на завершающем этапе доказывания, то закрепленным в ней началом определяется подход к оценке доказательств, в частности показаний свидетелей и потерпевших, и в процессе их исследования. В оценке их недопустимы какие бы то ни было заранее выработанные шаблоны, формализм и предубежденность, как и нарушение требования закона о самостоятельности следователя, прокурора, суда. Они оценивают показания по существу, сообразно с обстоятельствами данного дела, направляя свои усилия к полному, всестороннему и объективному исследованию каждого показания с тем, чтобы обеспечить формирование объективного правильного убеждения.

*

*   *

В основе оценки доказательств лежит презумпция невиновности, которая находит свое выражение в следующем.

⁷ О роли закона и правосознания в оценке доказательств см. «Теория доказательств в советском уголовном процессе», под ред. Н. В. Жогина (часть Общая), стр. 372 и сл.; М. С. Строгович. Ук. соч., стр. 178.

1. Условием признания лица виновным в преступлении является наличие доказательств, положительно и несомненно подтверждающих обвинение, но не отсутствие доказательств невиновности его.

2. Обязанность доказывания не может быть возложена на обвиняемого, и поэтому то обстоятельство, что обвиняемый не представил реабилитирующих его доказательств и не доказал своей невиновности, не может служить основанием для обвинения.

3. Сомнения (разумные, основанные на материалах дела) в доказанности обвинения или какого-либо отдельного обстоятельства, поставленного в вину обвиняемому, или в достоверности того или иного доказательства, положенного в основу обвинения, должны толковаться в пользу обвиняемого.

4. При отсутствии доказательств, дающих основания для несомненного вывода о виновности лица, оно должно быть признано невиновным (если, конечно, исчерпаны все законные средства к дальнейшему исследованию вопроса о его виновности). В таких случаях лицо подлежит полной реабилитации: недоказанная виновность (недоказанное обвинение) равнозначна доказанной невиновности.

В связи с этим при оценке показаний необходим дифференцированный подход к содержащимся в них данным в зависимости от того, являются ли они обвинительными и доказательствами или оправдательными.

Фактические данные, являющиеся обвинительными доказательствами, могут быть положены в основу выводов следствия и суда, если с несомненностью установлена их достоверность. Данные же, вызывающие сомнения в своей достоверности, не устраненные в результате проверки на основе всей совокупности обстоятельств дела (хотя бы и не была установлена их недостоверность), не могут быть положены в основу обвинительных выводов. Они должны быть отвергнуты как доказательства обвинения. Обвинение не может быть признано обоснованным, если оно опирается на доказательства, вызывающие сомнения в своей истинности.

Иного отношения требуют к себе сообщаемые свидетелем или потерпевшим данные, являющиеся оправдательными доказательствами. Сомнения в достоверности таких данных не дают основания их отвергнуть. Такие данные нуждаются, конечно, в проверке. Но если результаты проверки не дают оснований в совокупности со всеми обстоятельствами дела сделать бесспорный вывод о недостоверности их (хотя и не устраняют возникших сомнений), то такие данные не могут быть отвергнуты как доказательства, говорящие в пользу обвиняемого.

Важнейшей, неотъемлемой стороной оценки доказательств является оценка их источников. Для того чтобы разрешить вопрос о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, необходимо, во-первых, проверить его посредством других доказательств и установить, подтверждается ли оно или, наоборот, опровергается (или ставится под сомнение) исследованным по делу доказательственным материалом в его совокупности. И, во-вторых, оценить тот источник доказательств, из которого оно получено, учитывая его особенности и индивидуальные свойства. Разумеется, что источники доказательств должны оцениваться сообразно с обстоятельствами данного дела, на основе совокупности их.

Круг источников доказательств, как указывалось, определен законом и в качестве доказательств могут использоваться только такие данные, которые установлены предусмотренными законом источниками. Сведения, полученные каким-либо другим путем, не допускаются в качестве доказательств.

Вместе с тем каждый из предусмотренных законом источников доказательств имеет свои специфические черты, является особым, самостоятельным видом их. Эти особенности различных источников доказательств необходимо учитывать при их оценке.

Глава вторая

ОЦЕНКА ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШИХ И ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ О ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ИХ ПОЛНОТУ И ДОСТОВЕРНОСТЬ

Показания свидетелей и показания потерпевших, как и любой источник доказательств, обладают своими особенностями и занимают самостоятельное место в системе доказательств. Они отличаются как от заключений эксперта, вещественных доказательств и документов, так и от показаний подозреваемых и обвиняемых, а равно друг от друга. Но эти особенности не лишают значения те общие свойства, которые характеризуют показания любого лица, независимо от его процессуального положения, т. е. показания свидетелей и потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. Вне связи с этими общими свойствами нельзя дать полную характеристику показаний каждого из указанных лиц и уяснить их особенности как источника доказательств.

Показания свидетелей и потерпевших (как и показания подозреваемых и обвиняемых) являются теми источниками, из которых следствие и суд устанавливают сведения о расследуемых событиях и действиях, сохранившиеся в памяти людей. Этим определяется отличие показаний свидетелей и потерпевших, как и иных лиц, от других источников доказательств — их особенности и вместе с тем общность показаний всех этих лиц.

В связи с этим находятся и все другие черты, в одинаковой мере свойственные показаниям свидетелей и потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. Сведения, содержащиеся в показаниях любого из них, воспринимаются следователем и судом из устных, как правило, сообщений этих лиц. Фактические сведения, получаемые из показаний, поступают на предварительное и судебное исследование в том ви-

де, в котором они получили отражение в сознании и в изложении дающего показания, т. е. преломленными через его сознание и речь, изложенную в условиях допроса, либо — при недобросовестных показаниях — имеют характер преднамеренно искажающих действительность вымышленных сведений. И при всех особенностях каждого из видов показаний процесс формирования их, независимо от правового положения лица в рассматриваемом деле, характеризуется общими для человеческой психики закономерностями. Одинаковы по своему характеру и те психологические факторы, которые влияют на достоверность показания.

Специфические черты различных видов показаний (то или иное положение в процессе их субъекта и другие особенности их) могут отразиться на возникновении и развитии факторов, влияющих на достоверность показаний, на форме и степени их влияния, но они не могут отразиться на тех закономерностях, которые свойственны процессу формирования показаний и на характере факторов, могущих обусловить их недостоверность.

Причем предметом показаний всех указанных лиц обычно являются сведения, которыми дающие показания располагают до привлечения к делу для информации о них. В этом одно из отличий показаний от заключения эксперта. В заключении эксперта сообщаются сведения, полученные им в результате выполнения экспертных функций в процессе и которыми он до этого не располагал⁸.

Общей чертой, свойственной всем видам показаний (также отличающей их от заключения эксперта), является *н е з а м е н и м о с т ь* их субъекта. Было бы неправильно в незаменности видеть отличительную особенность свидетельских показаний как источника доказательств. Незаменность отличает свидетельские показания от заключения эксперта, но не является отличительной чертой их в сравнении с показаниями других лиц. Совершенно ясно, что незаменность характеризует показания не только свидетелей, но и подозреваемых, обвиняемых и потерпевших⁹.

⁸ Возможность сообщения свидетелем, потерпевшим или обвиняемым наряду с прочим каких-либо иных сведений, полученных ими после вызова, конечно, не исключается, но это не устраняет указанного отличия показаний от заключения эксперта.

⁹ Нельзя согласиться с М. И. Бажановым, который, характеризуя особенности свидетельских показаний, пишет, что любое участвующее в деле лицо, кроме свидетеля, «может быть заменено другим лицом, если к тому возникнет необходимость» (М. И. Бажанов. Свидетели, их права и обязанности по советскому уголовно-процессуальному законодательству. М., Юриздат, 1955, стр. 10). Такого же мнения придерживается Р. Д. Рахунов, указывающий, что, «выясняя особенности свидетельских показаний, следует прежде всего указать на незаменность свидетеля» (Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., Юриздат, 1955, стр. 8).

При всех различиях между показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых по их содержанию (по предмету) все они обладают общей свойственной им как источникам доказательств чертой: доказательственное значение в показаниях любого лица имеют только содержащиеся в них фактические данные, имеющие отношение к делу. Объяснение же событий и своих действий, приведенное в показаниях обвиняемого или подозреваемого, версии, доводы и ходатайства, содержащиеся в показаниях как обвиняемых и подозреваемых, так и потерпевших, хотя и могут существенно отразиться на исследовании обстоятельств дела, в частности на его пределах, однако не имеют значения доказательств.

При этом значение доказательств имеют только те фактические данные, которые восприняты лицом, дающим показания, либо непосредственно, либо из указанного им источника. Сведения же, в отношении которых дающие показания не могут указать источника своей осведомленности, не являются доказательствами. Это предусмотрено законом в отношении показаний свидетелей (ст. 74 УПК) и показаний потерпевшего (ст. 75 УПК). В равной мере не могут служить доказательствами такого характера сведения, сообщаемые в показаниях подозреваемого или обвиняемого.

Общность показаний всех указанных лиц не теряет своего значения в связи с различиями в их субъекте. Конечно, это различие наиболее существенно для дифференциации показаний, ибо от того или иного процессуального положения лица, дающего показания, может зависеть его отношение к делу. Заинтересованность же — ее форма, направленность и степень — является, как известно, важным фактором, влияющим на достоверность показаний. Однако процессуальное положение лица является далеко не единственным обстоятельством, могущим обусловить его отношение к делу, его заинтересованность.

Практике известны самые различные причины, обуславливающие заинтересованность свидетеля, которая может отразиться на достоверности его показаний. Причем в ходе исследования органы следствия и суд далеко не всегда распознают данными, отражающими полно и достоверно отношение свидетеля к делу. Встречаются и такие случаи, когда свидетель, дающий показания, уличающие обвиняемого, сам оказывается участником этого преступления и даже единственным виновником его. Не может служить критерием, определяющим отношение к делу лица, и процессуальное положение потерпевшего. Формы отношения к делу потерпевшего, направленность и степень его заинтересованности весьма многообразны. Наконец, встречаются и такие, правда весьма редкие и нетипичные, случаи, когда обвиняемый заинтересо-

ван в своем осуждении. Например, когда он этим стремится оградить интересы близкого ему лица или когда осуждение его за данное преступление устраняет возможность привлечения его к уголовной ответственности за другое, более тяжкое преступление.

Если же то или иное отношение дающего показания к делу презюмируется тообразно с его процессуальным положением и этим определяется подход к оценке показаний, то это неизбежно связано с формализмом и предубежденностью в оценке доказательств: с предвзятым недоверием к показаниям обвиняемого, отрицающего свою вину, с априорным отношением к показаниям свидетелей как к источнику доказательств, внушающему большее доверие, чем показания обвиняемого и потерпевшего, с некритическим отношением к сознанию обвиняемого и т. д.

Вопрос об отношении к делу свидетеля и потерпевшего, имеющий важное значение при оценке их показаний, может быть решен лишь в зависимости от конкретной ситуации, в результате тщательной и всесторонней проверки показаний и на основе всей совокупности имеющихся в деле данных. Привлечением лица в качестве свидетеля или потерпевшего этот вопрос не предрешается.

*

*   *

Давая оценку показаний свидетелей и потерпевших, необходимо прежде всего от содержащихся в них фактических данных, имеющих значение для дела и известных дающему показания благодаря восприятию, отделить все то, что не может служить доказательством, а именно: 1) все не относящееся к делу; 2) сведения, сообщенные в показаниях лиц, не допускаемых в качестве свидетелей (пп. 1 и 2 ст. 72 УПК), если таковые были допрошены, и сведения, источник которых неизвестен дающему показания; 3) предположения и догадки.

Предположения (версии), выдвинутые потерпевшим, как участником процесса, должны быть проверены следствием и судом в процессе исследования обстоятельств дела, а предположения свидетелей могут быть использованы при построении следственных версий; при построении версии могут быть учтены и сведения, источник которых неизвестен свидетелю или потерпевшему, если они имеют почву в материалах дела. Однако ни то, ни другое не является доказательством и не может быть положено в основу выводов следствия и суда.

Вместе с тем нельзя забывать, что вопрос об относимости к делу тех или иных данных далеко не всегда может быть

решен в процессе производства по делу, — до тех пор пока обстоятельства дела не исследованы полно, всесторонне, объективно и не дана оценка их на основе всей совокупности материалов дела. Поэтому нередко те или иные неотносящиеся к делу данные оказываются возможным отсечь лишь при формировании выводов по делу, но не в процессе производства по нему. Вопрос о недопущении к даче показаний лиц, указанных в пп. 1 и 2 ст. 72 УПК, должен быть решен в процессе исследования дела. А если они были вопреки закону допрошены, то сообщенные им сведения не могут быть положены в основу выводов по делу и должны быть отсеяны. Однако показания таких лиц могут оставить впечатление у следователя и судей и отразиться на формировании их убеждения. Поэтому допрос таких лиц, несмотря на то что следователь и суд в своих выводах не ссылаются на их показания, может при соответствующих обстоятельствах послужить основанием к отмене приговора.

Оценивая содержащиеся в показаниях фактические данные, надо, во-первых, решить вопрос о их достоверности или недостоверности; во-вторых, определить значение выясненных из показаний фактов для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 68 УПК), и сделать из них, в совокупности со всеми материалами дела, вывод о доказанности или недоказанности этих обстоятельств.

Разумеется, что специфические черты показаний как источников доказательств проявляется в решении лишь первого из этих вопросов. Оценка же фактов, устанавливаемых при помощи показаний, не имеет каких-либо особенностей в сравнении с оценкой фактов, установленных другими источниками доказательств. Для решения вопроса об относимости к делу тех или иных фактов и о значении их, а равно для процесса формирования выводов из этих фактов по существу дела, безразлично, установлены ли они посредством показаний или каких-либо других источников доказательств. Все эти вопросы решаются по существу фактов путем умозаключений, покоящихся на одних и тех же логических основах и характеризующихся одной и той же логической структурой, независимо от того, при помощи каких источников доказательств они выяснены.

Но специфические особенности показаний свидетелей и потерпевших, как источников доказательств, должны учитываться при решении вопроса о полноте и достоверности показаний. Это является необходимым и важнейшим условием объективно правильной оценки их. Необходимо учитывать индивидуальные свойства оцениваемого показания, условия, в которых протекал процесс его формирования и факторы, могущие повлиять на его полноту и точность.

При оценке показаний свидетеля или потерпевшего должно учитываться его отношение к делу и к участвующим в деле лицам. Это может иметь значение для достоверности показаний. В частности, заинтересованность свидетеля или потерпевшего в деле может быть причиной как заведомо ложных показаний, так и произвольной односторонней окраски тех или иных событий и явлений, тенденциозности в освещении их.

Существенное значение могут иметь полнота, детальность и конкретность показаний — степень конкретности как сообщаемых сведений, так и характеристики источника их и условий формирования показаний. Чем конкретнее, детальнее и полнее показание, тем больше оно содержит доказательственного материала. Вместе с тем полнота, конкретность и детальность показаний благоприятствуют их проверке.

Так, по делу об ограблении и убийстве, имевшем место 28 марта 1961 г., полнота и детальность показаний лица, привлеченного в качестве обвиняемого, явились необходимым условием проверки его алиби. Обвиняемый был допрошен подробнейшим образом о том, где, у кого и с кем он находился с 23 марта по 7 апреля.

Например, говоря о том, что 24 марта он был в колхозе им. Коминтерна, где ночевал у знакомой Б-овой, обвиняемый по просьбе следователя назвал фамилии нескольких человек, которых он видел в этой деревне. Для уточнения же даты посещения им деревни обвиняемый показал, что в день, когда он пришел в деревню, колхозники сносили один дом под пасеку, а на другой день утром, т. е. 25 марта, кладовщик колхоза дал наряд В. на работу по открытию колхозного бурта с картофелем.

Сообщенные обвиняемым подробные сведения о своем времяпрепровождении дали возможность проверить его показания посредством показаний других лиц и иных доказательств и удостовериться в достоверности их¹⁰.

С другой стороны, расплывчатость и неполнота показаний могут быть поводом для сомнения в их достоверности. Это нередко является либо результатом опасения свидетеля или потерпевшего изобличения во лжи, либо отсутствия у них достоверных и точных сведений о сообщаемых фактах. В связи с этим выяснение причин неполноты и расплывчатости показаний, их конкретизация и детализация могут способствовать распознаванию недобросовестности или ошибоч-

¹⁰ В работе использованы практические материалы следственных и судебных органов Бауманского, Дзержинского, Киевского, Пролетарского и Свердловского районов г. Москвы, Новопромышленного района г. Калинина, Вышневолоцкого и Осташковского районов Калининской области, а также следственная практика органов прокуратуры.

ности показаний. Конкретизация и уточнение показаний могут привести к обнаружению их внутренних противоречий, а равно способствовать результативности проверки их путем сопоставления с другими данными дела.

При оценке показаний того или иного свидетеля или потерпевшего нельзя оставить без внимания противоречивость содержащихся в них сведений, если таковая имеет место. Противоречия могут быть как между показаниями того или иного лица, данными им на различных этапах следствия (например, в случае изменения им показаний), так и в сведениях, сообщенных им в одном и том же показании.

Противоречивый характер могут иметь различные по своему значению данные, сообщаемые свидетелем или потерпевшим: сведения относительно существа обвинения и других обстоятельств, предусмотренных ст. 68 УПК, сведения относительно доказательственных фактов; и, наконец, сведения относительно такого рода обстоятельств, сопутствующих расследуемым событиям и действиям, которые сами по себе не имеют ни правового, ни доказательственного значения, но которые именно в силу противоречивости их могут приобрести значение при оценке показаний.

Так, Верховный Суд СССР, отменяя приговор по делу осужденного П., мотивировал свое определение, в частности, тем, что положенные в основу обвинения показания свидетеля Н. «об обстоятельствах дачи взятки противоречивы: в своем заявлении от 3 марта 1963 г. Н. утверждала, что деньги в сумме 50 руб. для дачи взятки она заняла у соседки, положила их в конверт, который и передала П. На допросе от 5 марта 1963 г., то есть через три дня, Н. пояснила, что у соседки она одолжила «20 или 30 руб.». В судебном же заседании она заявила, что «одолжила у соседки 20 руб., а 30 руб. взяла из своих сбережений»¹¹.

Имеющиеся в показаниях противоречия, в одних случаях, касаясь тех или иных, большего или меньшего значения обстоятельств, не отражаются на общей направленности показаний; в других случаях, в противоречивых показаниях, содержатся взаимоисключающие друг друга сведения по существу обвинения. Последнее имеет место, например, в тех случаях, когда свидетель, уличавший обвиняемого, на последующих допросах изменяет показания, утверждая, что обвиняемый не участвовал в преступлении. Или, например, когда потерпевший, утверждавший в первоначальных показаниях, что он не совершал каких-либо действий, могущих вызвать реакцию обвиняемого, в последующих показаниях сообщает сведения, указывающие на то, что обвиняемый совершил преступление в состоянии аффекта или превышения пределов необходимой обороны.

¹¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 4, стр. 31—32.

Противоречия в показаниях являются обстоятельством, ставящим под сомнение их достоверность. Они являются результатом либо преднамеренного искажения действительности свидетелем или потерпевшим, либо произвольных неточностей или ошибок: неполноты и неточности восприятия, забывания, восполнения пробелов восприятия и памяти за счет домыслов и внушенного со стороны и тому подобных обстоятельств.

Поэтому противоречия в показаниях не могут быть оставлены без проверки. Необходимо выяснение причин противоречий, имеющих в показаниях, и, в частности, в соответствующих случаях, причин, побудивших свидетеля или потерпевшего к изменению показаний. Не установив, чем вызваны противоречия в показаниях, и в частности изменения показаний, нельзя дать им оценку: нельзя сделать бесспорного вывода ни о достоверности или недостоверности показаний, ни о том — в случаях, когда показания содержат взаимоисключающие сведения по существу обвинения — какие из этих сведений соответствуют действительности, а какие не соответствуют.

В связи с изложенным следствие и суд не могут, оставив без оценки показания, ранее данные свидетелем или потерпевшим, основывать свои выводы на измененных, новых показаниях, не проверив причин изменения показаний и не считаясь с совокупностью имеющихся в деле доказательств.

Так, Верховный Суд РСФСР, отменяя приговор, которым Ш. и Б. признаны виновными в ограблении З., а Ш. — также в убийстве ее, дал следующую оценку показаниям свидетеля «очевидца» М., положенных в основу приговора.

В протесте правильно указывается на существенные противоречия в показаниях М. Так, на первых допросах М. показывала, что она не была очевидицей происшествия. На последующих допросах она заявила, что была очевидицей происшествия. Причем давала показания о таких деталях происшедшего, что возникли сомнения в их достоверности. В связи с этим следственным органам надлежало тщательно проверить показания М.

Из имеющихся в деле материалов неясно, почему М., зная, что в 100 м от нее находится милицкий пост, не сообщила постовому о происшествии, более того, когда на место прибыли работники милиции, М. в беседах даже со знакомыми ей работниками милиции, а позднее с комендантом дома категорически утверждала, что она ничего не видела и не знает, кто убил З.¹².

¹² «Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957—1959». М., Госюриздат, 1960, стр. 335.

Одним из оснований к отмене приговора по делу З-ва, осужденного за разбойное нападение, послужило, как указывается в протесте заместителя Генерального Прокурора, «существенные противоречия... в показаниях свидетелей, которые на первых допросах пояснили, что не видели З-ва возле места происшествия, а потом стали утверждать, что он был поблизости»¹³.

Если противоречия в показаниях свидетеля или потерпевшего не могут быть оставлены без внимания и обязывают к выяснению их причин, то само по себе наличие противоречий, в частности те или иные изменения или дополнения показаний при повторных допросах, не дает еще оснований сделать вывода об их недостоверности. Те или иные изменения или дополнения показаний, если они не связаны с стремлением свидетеля или потерпевшего ввести в заблуждение следствие и суд, могут объясняться причинами, не колеблущими их достоверность. Поэтому наличие в показаниях тех или иных противоречий, при отсутствии оснований сомневаться в правдивости этих показаний, не предопределяет решение вопроса об их недостоверности.

Так, отменяя приговор по делу осужденных Г. и В., Верховный Суд СССР указал, в частности, что «суд без убедительных доводов признал, что показания свидетелей Х., данные в суде, противоречат показаниям, данным при выезде суда на место. Показания этого свидетеля опровержены, по мнению суда, на том основании, что он в двух показаниях не вполне идентично определял «на глаз» приблизительное место, откуда его наняли для перевозки овчин: ближе или дальше на 100 м. Между тем совершенно очевидно, что свидетель не мог вспомнить того или иного своего клиента или маршрута перевозки по истечении двух лет. Суд же, установив неточность в показаниях Х., отверг его показания»¹⁴.

Вопрос о том, приводят ли имеющиеся в показаниях противоречия к выводу о недостоверности показаний, должен решаться сообразно с обстоятельствами данного конкретно-го дела, при этом обязательно должны учитываться характер противоречий в показаниях и причины, их обусловившие.

При сопоставлении показаний одного и того же лица, одновременно данных на различных этапах производства по делу, необходимо учитывать особенности первоначальных и повторных показаний, к которым относятся, в частности, следующие.

Первоначальные показания, если свидетель или потерпевший был допрошен вскоре после восприятия, отделены от него обычно значительно меньшим сроком, чем повторные,

¹³ «Социалистическая законность», 1966, № 1, стр. 91.

¹⁴ «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР». М., Юриздат, 1955, стр. 155.

что может иметь значение для сохранения в памяти воспринятого. При первоначальном допросе дающему показания обычно неизвестно, на каких вопросах будет заострено внимание следствия, то есть эти вопросы являются для него в той или иной степени неожиданными, что может способствовать его откровенности. Давая повторные показания, свидетели и потерпевшие могут чувствовать себя связанными показаниями, данными на первом допросе, независимо от того, верны ли они в правильности их; вместе с тем на повторных показаниях может отразиться внушенное на первом допросе, если вследствие неправильного проведения его свидетелю или потерпевшему было что-либо внушено. От этого свободны первоначальные показания.

На показания свидетелей и потерпевших, даваемых в суде, в большей мере вероятно влияние заинтересованных в деле лиц, чем на их показания на предварительном следствии, так как обвиняемый знакомится с делом по окончании расследования. Вместе с тем и потерпевший, давая показания в суде, может быть знаком с делом. В тех же случаях, когда свидетель и потерпевший дают показания при повторном расследовании или рассмотрении дела после отмены приговора, на их показаниях может сказаться влияние материалов ранее состоявшегося судебного разбирательства дела.

В повторных показаниях, таким образом, в большей мере вероятна реконструкция воспринятых свидетелем или потерпевшим сведений, чем в первоначальных как вследствие забывания, так и восполнения пробелов памяти привычными представлениями, домыслами, внушенным со стороны.

С другой стороны, повторные показания могут иметь и свои преимущества перед первоначальными. В тех случаях, когда первый допрос производится немедленно после восприятия, «по горячим следам», повторные показания, как и вообще отсроченное воспроизведение, отражает воспринятое более полно, систематизированно, осмысленно. Это свойство воспроизведения называется реминисценцией¹⁵. В связи с этим в подобных случаях то обстоятельств, что данные, поддерживающиеся в повторных показаниях свидетеля или потер-

¹⁵ Д. И. Красильщикова. Реминисценция в воспроизведении. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. XXXIV. Л., 1940, стр. 271 и сл. На основе экспериментальных данных Д. И. Красильщикова показала, что реминисценция является весьма распространенным явлением. Большая полнота повторного воспроизведения нашла свое подтверждение и в экспериментах А. К. Давлетова. См. А. К. Давлетов. Некоторые вопросы психологии свидетельских показаний. «Известия Академии наук Киргизской ССР», сер. общественных наук, 1961, т. 3, вып. 1, стр. 129 и 132. См. также литературу, указанную в сноске на стр. 55.

певшего, не были указаны в первоначальных показаниях, не дает основания умалять доказательственное значение их.

В тех же случаях, когда первые показания были даны спустя большой промежуток времени после восприятия, свидетель или потерпевший могут не все вспомнить с достаточной полнотой и детальностью. Процесс дачи показаний активизирует память и в ходе допроса много вспоминается. Но процессы памяти, начавшиеся на допросе, продолжаются и по окончании его. И нередко в памяти свидетеля и потерпевшего после дачи показаний сведения о сообщенных им обстоятельствах уточняются и конкретизируются, а также дополняются забытыми при допросе обстоятельствами. Поэтому естественны соответствующие изменения показаний при повторном допросе.

Вместе с тем важное значение как причины уточнения и изменения показаний могут иметь условия, в которых происходил повторный допрос. Уточнения и дополнения тех или иных данных в повторных показаниях нередко обусловлены тактическими приемами, примененными при повторном допросе, в частности постановкой дополняющих и уточняющих вопросов, ознакомлением допрашиваемого в процессе допроса с имеющимися в деле данными. При первоначальном же допросе этого могло не быть как ввиду того, что следствие не располагало еще многими данными, так и потому, что необходимость уточнения и дополнения показаний возникла после допроса, что и послужило причиной повторного допроса. Еще большее значение для уточнения и дополнения показаний могут иметь условия допроса в судебном заседании.

Следует также иметь в виду, что противоречия между показаниями свидетеля или потерпевшего на повторном допросе и зафиксированными в протоколе ранее данными показаниями могут быть результатом неправильной записи их. Поэтому по возможности необходимо выяснить, объясняются ли противоречия между новыми показаниями и зафиксированными в протокол тем, что свидетель (или потерпевший) действительно изменил показания или неправильным протоколированием. Это два различных случая и их нельзя обнимать общим понятием «изменение показаний».

И если свидетель или потерпевший заявляет, что запись в протоколе не соответствует данным им показаниям, то такое заявление должно быть проверено. Конечно, не всегда представляется возможным установить, соответствует ли оно действительности; с несомненностью подтвердить или опровергнуть его. Однако, как показывает практика, возможны и такие ситуации, когда заявление о неправильном протоколировании показаний находит объективное подтверждение. Между тем протокол, неправильно отражающий показания того или иного лица, лишен доказательственного значения; и в

таких случаях содержащиеся в них показания могут рассматриваться как «ранее данные показания», а следовательно, нельзя говорить и об изменении показаний.

Если противоречия в показаниях дают повод подвергнуть их сомнению, то отсутствие противоречий в одновременно данных показаниях, их последовательность не является, разумеется, подтверждением достоверности сообщаемых сведений. Причем сказанное относится не только к тем случаям, когда свидетель или потерпевший, давая первое ложные показания или добросовестно заблуждаясь, последовательно придерживается одной версии во всех ее деталях как на первом, так и на последующих допросах. Последовательность неточных, ошибочных показаний может быть обусловлена и другими причинами. Упущения, ошибки, привнесения, имевшие место в первых показаниях, вследствие ли произвольного заблуждения свидетеля и потерпевшего или вследствие имевшего место внушения в результате неправильно проведенного допроса, могут отразиться на содержании сохраняемых в их памяти сведений, закрепившись в их памяти. В таких случаях они могут непроизвольно повторяться в последующих показаниях. Вместе с тем давая повторные показания, свидетель или потерпевший может чувствовать себя связанным ранее данными показаниями и стремиться дословно повторять их, направляя усилия памяти не столько на то, чтобы вспомнить действительное развитие событий, сколько на содержание сообщенного им на первом допросе. Наконец, полное совпадение разновременно данных показаний может быть результатом встречающихся иногда в практике неправильных методов допроса. Встречаются случаи, когда на повторном допросе, раньше чем выслушать показания свидетеля или потерпевшего, допрашивающий напоминает ему ранее данные показания.

Не могут быть оставлены без внимания и противоречия, имеющиеся между показаниями различных лиц. Предметом противоречий здесь могут быть такого же характера обстоятельства, что и в противоречивых показаниях одного лица. Противоречия между показаниями различных лиц, в частности противоречия, касающиеся обстоятельств, сопутствующих сообщаемым действиям (при согласованности показаний относительно самого факта преступления), могут послужить основанием для сомнения в их достоверности. Так, по делу об убийстве Лидии О. три лица — ее муж, мать мужа и его отец, бывшие очевидцами происшествия, дали противоречивые показания об его обстоятельствах. Отец показал, что, поужинав во дворе, он, его жена, сын и Лидия направились в комнату. Как только Лидия вошла в комнату, раздался выстрел и она упала. Оказалось, что охотничье ружье свалилось с оленьих рогов и от удара его об

пол произошел выстрел. Муж же погибшей показал, что вечером, подойдя с Лидией к дому, они в освещенном окне увидели, что его мать с отцом скандалят и что отец наставил ружье на мать. Тогда он вбежал в комнату, выхватил ружье у отца и ударил ружье о пол, отчего произошел выстрел, который ранил Лидию. Иначе описала событие мать. Вечером, будучи дома, она услышала какой-то стук и подняв голову увидела, что сын разбивает ружье отца. Она бросилась к сыну, продолжавшему ударять ружье о пол. В этот момент произошел выстрел, которым была ранена вошедшая в комнату Лидия. Такие противоречия в показаниях трех человек, каждый из которых утверждал, что являлся очевидцем происшествия, вызвали сомнение в правдивости их показаний, и, как было установлено по делу, потерпевшую убил ее муж.

Однако наличие противоречий в показаниях само по себе не дает еще оснований отвергать их. Как отмечал дореволюционный русский юрист Е. М. Кулишер, свидетели, «общая о происшествии, очевидцами которого они были и которое обратило на себя их внимание, ...обыкновенно будут показывать согласно о том, что составляет остов этого происшествия; но показания их могут существенно различаться касательно времени, места и иных сопутствующих обстоятельств»¹⁶.

Необходимым условием оценки показания свидетеля или потерпевшего, находящегося в противоречии с показаниями другого лица, также является выяснение причин, имеющих между ними противоречий. Без выяснения этих причин проведенное исследование обстоятельств дела не может быть признано полным и всесторонним, а следовательно, и не может быть дана оценка каждого из показаний на основе всей совокупности обстоятельств дела.

Но если наличие противоречий в показаниях является обстоятельством, ставящим их под сомнение, то было бы глубоко ошибочным делать отсюда вывод, что отсутствие противоречий, т. е. согласованность показаний, является свидетельством их достоверности. Нельзя забывать, что согласованные показания нескольких лиц могут быть результатом их сговора, а также результатом внушения или иных факторов, одинаково отрицательно воздействующих на процесс формирования показаний различных лиц.

Если названные свойства показаний необходимо учитывать при их оценке, то было бы совершенно неправильно рассматривать их как признаки, предопределяющие доказательственную силу показаний, их достоверность или недостоверность. Ни отсутствие данных, указывающих на заинтере-

¹⁶ Е. М. Кулишер. Психология свидетельских показаний и судебное следствие. «Вестник права», 1904, № 8, стр. 177.

ресованность свидетеля, ни авторитетность его положения в обществе, ни конкретность и полнота показаний, ни согласованность показаний нескольких лиц, ни какие иные признаки показаний не могут расцениваться как условия, априорно определяющие достоверность их. Точно так же ни заинтересованность дающего показания или характер его взаимоотношений с обвиняемым, ни неполнота и расплывчатость показаний, ни их противоречивость, ни аморальный, антиобщественный облик свидетеля, ни какие-либо иные признаки их показаний не дают основания подходить с предубеждением к ним и отвергать их.

Каждое показание должно быть оценено не по предустановленным признакам, не по заранее выработанным шаблонам, а по существу, сообразно с конкретными обстоятельствами данного дела. Причем в силу специфических особенностей показаний как источников доказательств, для того чтобы дать объективно правильную оценку их, необходимо учитывать психологические закономерности, действующие в процессе формирования показаний; условия, в которых протекал этот процесс, и факторы, могущие повлиять на достоверность показаний. Без этого нельзя, в частности, выяснить, чем объясняются расплывчатость и неконкретность тех или иных показаний, наличие противоречий в показаниях одного и того же лица или между показаниями различных лиц.

С исследованием вопроса о факторах, влияющих на достоверность свидетельских показаний, как и в целом психологии свидетелей, в буржуазной криминалистике и психологии было связано развитие взгляда на свидетельские показания, как на ненадежное средство установления истины, на которые не может опираться правосудие в своих выводах. Важное значение в развитии такого взгляда имели данные экспериментальной психологии. Если ранее буржуазные авторы строили свои выводы на личных наблюдениях и на материалах следственной и судебной практики, то с увлечением экспериментальной психологией психологические опыты стали применяться и в исследованиях свидетельских показаний¹⁷. В 1902 г. вышла работа философа В. Штерна, в кото-

¹⁷ См. А. И. Елистратов, А. В. Завадский. К вопросу о достоверности свидетельских показаний. Казань, 1903; и х же. О влиянии вопросов без внушения на достоверность свидетельских показаний. Казань, 1905; Е. М. Кулишер. Психология свидетельских показаний и судебное следствие. «Вестник права», 1904, № 8 и № 9; «Проблемы психологии», вып. 1, «Ложь и свидетельские показания», под ред. О. Б. Гольдовского и др. Б. м. и г.; А. В. Скопинский. Свидетели по уголовным делам. М., 1911, стр. 12—15; В. Штерн. Психология свидетельского показания. «Вестник права», 1902, № 2 и № 3.

В советской литературе об этом см. А. Брусиловский. Психология показаний малолетних и несовершеннолетних свидетелей. В кн. В. Внуков, А. Брусиловский. Психология и психопатология сви-

рой он осветил результаты своих экспериментов по психологии свидетелей. Вслед за Штерном эксперименты по психологии свидетелей проводились и многими другими юристами и психологами как за рубежом, так и в дореволюционной России.

Эксперименты привели большинство авторов к самому отрицательному отношению к свидетельским показаниям, суть которых, по словам Штерна, состояла в том, что «безошибочное воспоминание есть не правило, а исключение»¹⁸. Такой взгляд на свидетельские показания, как указывалось, методологически неправилен и служит реакционным интересам буржуазного правосудия.

К тому же указанные опыты не могут рассматриваться как эксперименты по психологии свидетелей. Обстановка, в которой проводились опыты, не воспроизводила и не могла воспроизвести тех жизненных условий, в которых протекает тот или иной этап формирования показаний. Они проводились в большинстве случаев в студенческой аудитории и в лабораторных условиях. Между тем важнейшее значение для психологии свидетелей имеет то, что предмет их восприятия и показаний являются обстоятельства преступления, а в связи с этим и те конкретные условия, в которых протекают процессы восприятия и памяти, а также процессуальные условия допроса, в обстановке которых даются показания. Поэтому указанные опыты скорее могут рассматриваться как эксперименты по психологии восприятия и памяти, чем эксперименты по психологии свидетелей.

Однако некоторые данные, полученные в результате этих опытов, могут быть использованы при исследовании свиде-

---

детельских показаний малолетних и несовершеннолетних. Харьков, 1929; его же. Судебно-психологическая экспертиза. Харьков, 1929; П. Гладышевский. Повторные показания. «Право и жизнь», 1927, кн. 6—7, стр. 104 и сл.; Я. А. Канторович. Психология свидетельских показаний. Харьков, 1925; А. Р. Лурья. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле. «Советское право», 1927, № 2, стр. 84 и сл.; С. В. Познышев. Доказательства в уголовном процессе. М.—Л., 1929.

К. А. Вачеишвили. Значение свидетельских показаний в суде первой инстанции по советскому уголовному процессу. Изд-во Тбилисского ун-та, 1966, стр. 87 и сл.; О. А. Гаврилов, А. Р. Ратинов. Использование данных психологии в буржуазной криминалистике. «Вопросы криминалистики». М., 1963, вып. 8—9; А. К. Давлетов. Некоторые вопросы психологии свидетельских показаний. «Известия АН Киргизской ССР», т. 3, вып. 1, 1961; его же. О некоторых вопросах судебной психологии. «Труды отделения правоведения Киргизского ун-та», вып. 2, 1964, стр. 256 и сл.; Имре Кертэс. Тактика и психологические основы допроса. М., «Юридическая литература», 1965; Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в советском уголовном процессе, стр. 146 и сл.; М. А. Чельцов-Бебутов. Советский уголовный процесс, вып. 2. Харьков, 1929, стр. 136 и сл.

¹⁸ О проведенных В. Штерном и его последователями опытах и о результатах их см. Я. А. Канторович. Ук. соч., стр. 6 и сл.

¹⁹ В. Штерн. Ук. соч., стр. 119.

тельских показаний, например данные о том, что в свободном рассказе допускается меньше ошибок, чем в ответе на вопросы; о значении формулировок вопросов и об их чувствительности в связи с возрастом, профессией, привычками воспринимающего; о типичных для большинства тенденциях к преувеличению малых и преуменьшению больших величин и другие. Вместе с тем привилегия и сама идея использования экспериментальных методов при исследовании тех или иных вопросов психологии свидетеля.

Вопрос о факторах, влияющих на полноту и точность показаний, изучается в советском уголовном процессе на основе научного, теоретического и экспериментального исследования психологических закономерностей, свойственных процессу формирования показаний и материалов следственной и судебной практики²¹. Гносеологической основой исследования этого вопроса, как и в целом теории доказательств, является марксистско-ленинская теория познания.

Обязательность выяснения ряда обстоятельств, могущих повлиять на достоверность показаний, т. е. могущих быть причиной недобросовестности дающего показания или его заблуждения, предусмотрена законом.

Закон обязывает в начале допроса свидетеля установить его отношение к обвиняемому и потерпевшему (ст. ст. 158, 283 УПК); это же правило распространяется на допрос потерпевшего (ст. ст. 161, 287). Вместе с тем к предмету показаний свидетелей закон относит его взаимоотношения с обвиняемым и потерпевшим (ст. 74), а для потерпевшего — его взаимоотношения с обвиняемым (ст. 75). Точно так же при проведении очной ставки закон обязывает до допроса по существу выяснить отношения лиц, между которыми проводится очная ставка (ст. 163). При предъявлении для опознания лица или предмета опознающие предварительно должны быть допрошены об обстоятельствах, при которых они наблюдали соответствующее лицо или предмет (ст. 164). А в тех случаях, когда возникает сомнение в способности свидетеля или потерпевшего, правильно воспринять обстоятельства, имеющие значение для дела, или дать о них правильные показания, закон обязывает провести соответствующую экспертизу его психического или физического состояния (ст. ст. 74 и 79).

²⁰ См. А. К. Давлетов. Некоторые вопросы психологии свидетельских показаний. «Известия Академии наук Киргизской ССР», стр. 123 и сл. В этой статье автор сообщает о результатах проведенных им опытов.

²¹ Знание закономерностей процессов восприятия, памяти и мышления имеют важное значение и для тактики допроса. См. Имре Кертэс. Ук. соч.

Данные, указывающие на те или иные факторы, могущие повлиять на достоверность показаний, относящиеся как к обстоятельствам, выяснение которых предписано в приведенных нормах УПК, так и ко всем иным обстоятельствам, имеющим значение в этом смысле, должны быть учтены при проверке и оценке показаний. В этой связи представляет интерес соответствующая норма УПК Чехословакии, предусматривающая, что «в начале допроса свидетелю должны быть заданы вопросы об отношении к разбираемому делу и к сторонам и, смотря по надобности, о других обстоятельствах, имеющих значение для установления достоверности его показаний» (п. 2 ст. 101)²².

Значение этих данных весьма различно: оно зависит от характера данных и от обстоятельств конкретного дела. В одних случаях данные об этих факторах дают основания отвергнуть показания, т. е. имеют решающее значение в их оценке, так как ими устанавливается недостоверность показаний²³. В других случаях они ставят под сомнение достоверность показания. В-третьих, объясняют причины недостоверности показаний, опровергаемых другими доказательствами.

Недостоверность показаний всегда обусловлена теми или иными причинами. В связи с этим наличие в деле данных, опровергающих те или иные показания, обязывает исследовать вопрос о том, какими причинами может быть обусловлена их недостоверность. Нельзя отвергнуть показания за недостоверность, не выяснив, почему свидетель или потерпевший сообщает не соответствующие действительности сведения. В частности, версия обвинения не может быть признана доказанной, если не выяснены причины недостоверности показаний, противоречащих этой версии.

С другой стороны, данные о факторах, которые способствуют полноте и точности восприятия или памяти, могут быть обстоятельствами, укрепляющими доверие к показаниям. Таковыми могут быть, например, профессиональные познания свидетеля, преднамеренный характер его восприятия, интерес свидетеля к тем или иным обстоятельствам и другие факторы.

Так, по делу о наезде грузовой машины на двух граждан, шофер Ф., участвовавший в ремонте машины (имевшего место после наезда), в своих показаниях детально охарактери-

²² «Бюллетень чехословацкого права», 1962, № 3—4, стр. 243.

²³ Это может иметь место, например, в тех случаях, когда в силу условий восприятия исключается возможность восприятия свидетелем или потерпевшим сообщаемых ими сведений или когда устанавливается, что показания являются результатом внушения или каких-либо мотивов, побуждающих к ложным показаниям.

зовал имевшиеся на ней повреждения. То обстоятельство, что показания были даны лицом, компетентным в данном вопросе и участвовавшим в ремонте машины, укрепляло доверие к полноте и точности его показаний, поскольку не было оснований сомневаться в его добросовестности.

По делу о наезде автомашины, такси, шофер утверждал, что объехать потерпевшего, а равно остановить управляемую им автомашину было невозможно, так как этому мешал проезжавший автотранспорт. Между тем свидетель, схавший в этом такси, сообщил в своих показаниях, что никакого столкновения транспорта вокруг. Преднамеренный характер восприятия свидетеля (являющегося к тому же по профессии штурманом авиации) должен быть учтен как фактор, положительно влияющий на точность показаний.

По делу об убийстве, по которому труп потерпевшей был обнаружен в реке, допрошенный в качестве свидетеля лодочник опознал в подозреваемом гражданина, которому он 8 сентября (т. е. накануне обнаружения трупа) дал лодку № 15. При этом свидетель сообщил, что ввиду позднего времени он не хотел давать лодку и дал ее лишь после настоячивых уговоров. Кроме того, он указал, что месяца за два до этого подозреваемый со своими приятелями устроил скандал на пристани и ударил его сына. Оба эти обстоятельства должны быть учтены как факторы, положительно отражающиеся на точности опознания, так как заострили внимание свидетеля на подозреваемом.

Такое же значение могут иметь факторы, влияющие на правильность запоминания и воспроизведения.

Так, по делу, возбужденному в связи с обнаружением трупа гр. Л. с признаками насильственной смерти, свидетели были допрошены в октябре 1963 г. о том, когда они последний раз видели Л. Свидетель Ш. — соседка Л., и свидетель Ф. — сторож колхоза, утверждали, что это было 9 июля. При этом первая указала, что она запомнила дату, так как ей дали в этот день телеграмму для вручения Л., а вторая — так как она получила указанную телеграмму и передала ее Ш. для Л. Другие же свидетели, утверждая, что они видели Л. 9 июля, не указали, почему они запомнили эту дату. Если запоминание даты свидетелями Ш. и Ф. имеет свое объяснение, то показания других свидетелей в отношении этой даты крайне неубедительны, поскольку прошло три с половиной месяца и непонятно, почему им запомнилась эта дата.

Значение, которое имеет для оценки показаний выяснение данных о факторах, могущих отразиться на их достоверности, со всей очевидностью выступает при исследовании противоречивых показаний. Выяснение данных о таких фак-

торах является необходимым условием оценки так противоречивых показаний того или иного свидетеля или потерпевшего, так и противоречивых показаний различных лиц.

Установление таких факторов, в частности, необходимо для оценки показаний в случаях изменения показаний свидетелем или потерпевшим. Нельзя сделать бесспорного вывода о том, какие из показаний являются достоверными, не выяснив, какими факторами вызвано изменение показаний. Например, в тех случаях, когда свидетель или потерпевший, не дававшие изобличающих показаний против того или иного лица, на последующих допросах изменяют показания и уличают обвиняемого или, наоборот, когда свидетель или потерпевший отказывается от ранее данных показаний, изобличающих обвиняемого. Изменения показаний вполне объяснимы, например, в тех широко известных практике случаях, когда они вызваны предъявлением свидетелю или потерпевшему доказательств, устанавливающих утаиваемые ими сведения, или иными тактическими приемами допроса, разоблачающими ложность показаний. Убедившись в несостоятельности и бесперспективности своей позиции свидетель или потерпевший изменяют показания²⁴. В тех случаях, когда изменения показаний вызываются причинами такого характера, который указывает на достоверность новых показаний и последние находят подтверждение во всей совокупности обстоятельств дела, то они могут быть положены в основу выводов следствия и суда. Но новые показания не могут быть убедительными и не могут быть признаны достоверными; хотя бы они находили подтверждение в других материалах дела, если не установлено, какими факторами обусловлено изменение показаний.

В равной мере органы следствия и суд не могут не считаться с данными о тех факторах, которые указывают на недостоверность новых показаний, и основывать на них свои

---

²⁴ Ограничимся приведением одного примера, интересного по способу проверки показаний. По делу о хищениях, осуществляемых путем заключения фиктивных договоров с различными лицами на выполнение проектных работ, ряд свидетелей, подтверждавших сперва выполнение ими соответствующих работ и получение за них оплаты, изменили показания и уличили обвиняемых. В частности, один из свидетелей изменил свои показания при следующих обстоятельствах. Ему было предложено сделать набросок чертежа, который он, по его показаниям, выполнил по одному из трудовых соглашений... Через полчаса он заявляет, что не может на память выполнять эту работу, он требует, чтобы ему представили чертеж. Тогда следователь предлагает ему начертить простую гайку... Проходит еще полчаса. Вместо чертежа гайки ему удалось набросать какой-то детский рисунок, напоминающий игрушечного волчка. После этого свидетель изменил показание: никаких работ он не выполнял, а по просьбе обвиняемого, его личного знакомого, неоднократно расписывался в платежных ведомостях. Деньги он отдавал обвиняемому, оставляя себе за «услуги» 20% полученной суммы.

выводы, игнорируя эти данные. Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу I. (осужденного за изнасилование В., не достигшей половой зрелости) привел следующие мотивы к отмене надзорного определения Верховного Суда РСФСР, которым дело было прекращено за недоказанностью обвинения в связи с тем, что потерпевшая отказалась от показаний, učinивших III: «Кроме показаний самой потерпевшей в материалах дела имеется еще ряд доказательств, уличающих III в совершении указанного преступления и свидетельствующих о достоверности изменения показаний потерпевшей IV. В ходе расследования дела Щ. первоначально утверждал, что В. он никогда не видел, однако затем был вынужден признать, что он подвозил ее на своей автомашине до города. Щ. далее признал, что из камеры предварительного заключения ему удалось написать своей жене записку, в которой он указал фамилию и адрес потерпевшей, просил «не жалеть денег» и добиться изменения показаний. Жена Щ. признала, что такую записку она получила и что у потерпевшей дома она была дважды. Отец В. в судебном заседании также подтвердил, что Щ. просила его и В. простить ее мужа и за изменение показаний обещала деньги и легковую автомашину²⁵.

Выяснение данных о факторах, влияющих на полноту и точность показаний, способствует и объективно правильной оценке противоречивых показаний разных лиц. Так, по делу о столкновении двух грузовиков свидетелями были даны разноречивые показания. Грузчик повозки, которую обогнал один из грузовиков, а также два пассажира встречного грузовика утверждали, что грузовик, объехавший повозку, выехал на левую проезжую часть шоссе, вследствие чего и произошла авария и что лишь после аварии он, проехав метров 20, остановился на правой стороне шоссе. Свидетели же, ехавшие в кузове этого грузовика, дали другие показания — один из них утверждал, что их грузовик, обогнав повозку, выехал на правую сторону шоссе, а другой, что они выехали на середину шоссе.

Суд, исследовав все обстоятельства дела на основе свидетельских показаний, осмотра места происшествия и заключения эксперта, отверг показания этих двух свидетелей. Суд установил, что они неправильно восприняли обстоятельства происшествия в результате того, что находились в кузове грузовика, покрытого брезентом, и один из них смотрел в верхнее переднее окно, имевшееся в брезентовом кузове, а другой — в левое окно.

²⁵ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса». М., «Юридическая литература», 1964, стр. 87, 88.

Данные об условиях формирования показаний и о факторах, могущих повлиять на их достоверность, должны отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе; и рассмотрение их подлежит общему для всех доказательств процессуальному режиму.

Сведения, указывающие на те или иные факторы, могущие повлиять на достоверность показаний, подлежат проверке с двух точек зрения: 1) соответствуют ли они действительности и 2) есть ли причинная связь между указанными факторами и оцениваемыми показаниями. Разумеется, что вопросы как о наличии или отсутствии этих факторов, так и влиянии их на показания, должны решаться на основе совокупности всех обстоятельств дела.

При этом нельзя забывать, что условия, при которых показания могут быть отвергнуты, различаются, как ранее указывалось, в зависимости от того, являются ли данные, содержащиеся в показаниях, обвинительными или оправдательными доказательствами.

Если результаты проверки данных об указанных факторах и оценки доказаний на основе всех обстоятельств дела в их совокупности не устраняют сомнения в достоверности показаний, содержащих обвинительные доказательства (хотя и не дают оснований для бесспорного вывода об этом), то такие показания должны быть отвергнуты как доказательства обвинения. Обвинительные выводы не могут быть признаны бесспорными, отвечающими объективной истине, если они основываются на показаниях, вызывающих сомнение в своей истинности.

Так, Пленум Верховного Суда СССР отменил приговор по делу осужденной М., поставив под сомнение достоверность показаний основного свидетеля Д. как в виду их противоречивости, так и потому, что между М. и Д. «уже длительное время были ненормальные взаимоотношения, словесные, инициатором которых была Д.»²⁶.

Верховный Суд РСФСР отменил приговор по делу М-ва, осужденного за то, что в результате небрежного обращения с огнем уничтожил по неосторожности здание школы, так как положенные в основу приговора показания свидетеля Б. вызвали сомнение в своей достоверности, ибо «свидетель Б. является лицом, заинтересованным в исходе дела. Материалами дела установлено, что непосредственно перед пожаром в школе были только два человека — Б. и М-в. Оба они курящие. Перед М-вым в школу заходил Б. Если исходить из версии обвинения относительно причины пожара, то подоз-

²⁶ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 85.

рение в неосторожном поджоге школы в равной мере падает как на Б., так и на М-ва»²⁷.

Иное дело, когда речь идет о показаниях, содержащих оправдательные доказательства. Сомнения в достоверности таких показаний не дают оснований отвергать их как доказательства защиты. Оправдательные доказательства не могут быть отвергнуты, если не установлена с бесспорностью их недостоверность. Так, отменяя приговор в отношении осужденного С., Верховный Суд СССР мотивировал это, в частности, следующим: «Суд отверг объяснения Г., отрицавшего участие С. и показания свидетелей Б. и А. только по родственникам С.».

«Подобные мотивы не могут быть признаны обоснованными, так как наличие родственных или соседских отношений свидетелей к подсудимому при отсутствии других доказательств, подтверждающих неправдоподобность их показаний, не являются достаточным поводом для признания их показаний ложными»²⁸.

Другой пример. По протесту Заместителя Генерального Прокурора СССР Президиум Луганского областного суда отменил приговор по делу Л. и Е., осужденных за разбой, мотивом к чему, наряду с прочим, послужило то обстоятельство, что «судом и следствием не было надлежащим образом проверено заявление осужденных об их алиби. Показания свидетеля К., который подтвердил объяснения Л., суд отверг лишь по причине родственных отношений между ними»²⁹.

Результаты проверки данных о факторах, могущих повлиять на достоверность показаний, содержащих оправдательные доказательства, дают основание отвергнуть их при следующих двух условиях:

1. Если установлено, что такие факторы действительно имеют место; предположительного же характера сведения о заинтересованности свидетеля, об условиях восприятия, об обстоятельствах, влияющих на сохранение и воспроизведение, здесь недостаточны.

2. Если установлена причинная связь между этими факторами и оцениваемыми показаниями — их причинная обусловленность этими факторами, в противном случае вывод о недостоверности показания будет иметь предположительный характер. Так, сам по себе факт попытки внушения свидетелю или заинтересованность свидетеля не дают

²⁷ «Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР». М., «Юридическая литература», 1964, стр. 373.

²⁸ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1953, № 3, стр. 13.

²⁹ «Социалистическая законность», 1966, № 11, стр. 90.

оснований сделать вывод о недостоверности этих показаний. Для того чтобы сделать такой вывод, необходимо установить, что данные показания обусловлены внушением (в первом случае) или заинтересованностью свидетеля (во втором), а не иными причинами.

Ясно, что причинная связь между факторами, могущими повлиять на достоверность показаний, и содержанием показаний может быть установлена лишь путем опосредственного познания, путем умозаключения, на основе совокупности фактов, связанных с процессом формирования показаний и с самим содержанием показаний.

Условия и пути установления такой причинной связи весьма многообразны, они зависят от обстоятельств каждого конкретного дела. Возможны случаи, когда такая причинная связь выступает со всей очевидностью. Это может иметь место, например, в случае, когда установлен подкуп свидетеля или потерпевшего или внушение им³⁰.

Однако такие ситуации относительно редки. В большинстве случаев установление такой причинной связи значительно сложнее. Влияние одних и тех же факторов на содержание показаний может быть весьма различно в зависимости как от всей совокупности условий, в которых протекает процесс формирования показаний, так и от индивидуальных свойств личности. Психологическая же реакция лица на те или иные факторы и связанное с ней развитие психологических процессов далеко не всегда уловимо со стороны. Более того, само лицо, допускающее произвольное извращение фактов, обычно не отдает себе отчета в этом. А лицо, дающее преднамеренно неправильное показание, далеко не всегда признается в этом и, следовательно, его показания не могут быть источником сведений о причинах, побудивших его к ложным показаниям.

Вопрос о такой причинной связи должен исследоваться на основе всей совокупности обстоятельств дела. При этом в одних случаях это исследование идет от факторов, могущих обусловить недостоверность показаний, к проверке содер-

³⁰ Так, отменяя приговор по делу осужденного Б., в основу которого были положены показания потерпевшей Л., Верховный Суд СССР в своем определении указал, что «органы следствия применяли неправильный метод допроса малолетней». «Вместо того, чтобы зафиксировать только то, что сама допрашиваемая рассказывает об обстоятельствах дела, Л. задавали наводящие вопросы, на которые, как правило, получали положительные ответы, противоречившие показаниям, данным при непосредственном изложении».

«Как видно из материалов дела, органы следствия и суд не учли того, что девочка легко поддается внушению, показания против Б. она дала лишь после настойчивых расспросов ее матери и после неоднократных вопросов со стороны защитника на первом судебном заседании» («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР», стр. 100).

жащихся в них сведений посредством других доказательств. В других случаях, наоборот, от данных, указывающих на не- достоверность показаний или хотя бы на их сомнительность, к выяснению причин, обуславливающих такой характер их.

Вывод о причинной обусловленности не соответствующих действительности показаний теми или иными факторами должен быть основан на имеющихся в деле данных. Здесь, как и вообще в доказывании, фактические данные не могут под- меняться догадками и предположениями. Вывод следствия и суда должен быть основан на всей совокупности обстоя- тельств дела.

Проиллюстрируем это следующим примером. По делу по обвинению Ш. и К. в покушении на изнасилование гр. Г., имевшем место в номере гостиницы, потерпевшая в своих первоначальных показаниях изобличала обоих обвиняемых, а впоследствии стала утверждать, что К. не участвовал в по- кушении. Новые показания потерпевшей не внушали дове- рия не только потому, что изменение показаний было безмо- тивно, но и в силу характера взаимоотношений между К. и потерпевшей (они намеревались вступить в брак). Однако эти данные, ставящие под сомнение достоверность новых по- казаний потерпевшей, следствие и суд не могли признать до- статочными для того, чтобы отвергнуть их. Вывод о причин- ной обусловленности этих показаний отношением потерпев- шей к обвиняемому: ее стремлением, как указано в пригово- ре, «облегчить участь К.» следствие и суд сделали лишь в результате проверки их посредством других данных. Они бы- ли проверены показаниями свидетелей, пришедших на кри- ки потерпевшей и видевших, в каком положении находилась она и обвиняемые, и заключением экспертизы. Данные, сооб- щенные свидетелями, подтверждали первоначальные пока- зания потерпевшей. Экспертиза же установила, что Ш., вследствие имевшейся у него травмы левой руки, не мог один без посторонней помощи, при сопротивлении потерпевшей, совершить инкриминируемые ему действия. И только сово- купность этих данных позволила с бесспорностью объяснить причину изменения показаний потерпевшей и признать досто- верными ее первоначальные показания.

Глава третья

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОЛНОТУ И ДОСТОВЕРНОСТЬ ПОКАЗАНИЙ

Недостоверность показаний свидетеля или потерпевшего является результатом либо преднамеренной недобросовестности, либо заблуждения. Соответственно с этим, при оценке показания каждого потерпевшего и каждого свидетеля, относящихся к делу, необходимо решить, во-первых, являются ли данные показания правдивыми или преднамеренно неправильными, ложными и, во-вторых, соответствуют ли действительности показания, не вызывающие сомнения в своей правдивости, т. е. не являются ли они результатом заблуждения, ошибки.

Но речь, конечно, идет не о раздельном, обособленном исследовании каждого из этих вопросов. Такое исследование их было бы практически неприемлемо. Многие способы проверки показаний, в частности проверка их посредством других доказательств, способствуют в соответствующих случаях обнаружению недостоверности их, независимо от того, являются ли они результатом лжи или добросовестного заблуждения дающего показания. Точно так же и проверка условий восприятия и сохранения в памяти дающего показания сообщаемых им обстоятельств, его индивидуальных свойств, а равно допрос его относительно этих условий способствуют выяснению истины в одинаковой мере как при произвольном, так и при преднамеренном извращении действительности. Причем одни и те же причины, например заинтересованность, в одних случаях могут обусловить ложность показаний, а в других — одностороннюю окраску, направленность в освещении фактов, произвольные ошибки, т. е. повлечь добросовестное заблуждение дающего показания. Наконец, показания одного и того же лица в отношении одних фактов могут быть правдивыми, а в отношении других — ложными.

Показания должны быть оценены одновременно: и с точки зрения их правдивости, и с точки зрения их объективной достоверности. И при оценке их необходимо учитывать как факторы, могущие быть причиной ложных показаний, так и факторы, могущие вызвать произвольные ошибки, заблуждение.

В советском уголовном процессе свидетели и потерпевшие, как правило, правдиво сообщают все им известное и, для того чтобы сделать вывод о достоверности показания, далеко не всегда необходимо выяснение факторов, обусловивших добросовестность показаний. Если сведения, содержащиеся в показаниях, подтверждаются всей совокупностью обстоятельств дела и нет оснований сомневаться в их правдивости, то выяснение таких факторов обычно излишне. Данные же о факторах, могущих вызвать сомнение в правдивости показаний, требуют исследования. Не убедившись в отсутствии данных о таких факторах, нельзя признать показания правдивыми. А при наличии таких данных, не проверив их, нельзя решить вопроса о том, являются ли показания правдивыми или ложными.

Правдивость или, наоборот, преднамеренная недобросовестность показания зависит прежде всего от личности свидетеля или потерпевшего. Определяющее значение в этом смысле имеют идейно-политический и моральный облик свидетеля или потерпевшего, уровень его сознательности и отношение к государственным и общественным интересам, к своим обязанностям. Никакие мотивы не могут побудить свидетеля или потерпевшего к недобросовестным показаниям, если его моральный и общественно-политический облик, его отношение к государственным и общественным интересам, чувство долга и ответственности соответствуют правовым, моральным, этическим принципам нашего общества.

Заведомо ложные показания, в отличие от правдивых показаний, не являются ни продуктом восприятия сообщаемых данных, ни сохранения в памяти воспринятого и воспроизведение его. Они являются результатом решения свидетеля или потерпевшего о целесообразности в силу тех или иных мотивов либо воспрепятствования установлению истины по делу в целом, либо сокрытия тех или иных обстоятельств путем сообщения (на допросе) не соответствующих действительности фактических данных.

Ложность показаний может выражаться в преднамеренном утаивании каких-либо сведений, имеющих значение для дела, в искаженном, не соответствующем действительности освещении тех или иных фактов, имевших место, в сообщении заведомо вымышленных сведений. Причем возможно в одних и тех же показаниях сочетание указанных форм недобросовестности, т. е. когда утаивание одних фактов соче-

тается с неправильным осуждением с сообщением вымышленных сведений. Позиция, которую занял свидетель или потерпевший, определяется тем, какой из способов воспрепятствования установлению истины он найдет для себя наиболее целесообразным, исходя как из сложившейся по делу ситуации, так и из своих индивидуальных свойств и наклонностей.

Ложные показания могут даваться как лицом, не располагающим никакими сведениями об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, так и лицом, располагающим такими сведениями. В последнем случае, давая ложные показания, свидетель или потерпевший могут использовать сведения, известные им благодаря восприятию и памяти, извращая эти сведения или учитывая их при сообщении вымышленных данных. Но, разумеется, и в этих случаях ложность показаний обусловлена не восприятием и сохранением в памяти, а, как указано, решением свидетеля или потерпевшего сообщить, в силу тех или иных мотивов, не соответствующие действительности сведения.

Показания свидетеля или потерпевшего могут быть ложными, в одних случаях, в целом, в других — в той или иной части. Поэтому ложность одних сведений, сообщенных данным лицом, не дает сама по себе еще основания для вывода о ложности других им же сообщенных сведений. При этом хотя показания в правдивой своей части являются результатом восприятия, сохранения в памяти и воспроизведения, нельзя забывать, что они даны лицом, принявшим решение ввести в заблуждение следствие и суд. И следовательно, правдивое сообщение им тех или иных данных обусловлено его умозаключением о том, что это либо целесообразно с точки зрения принятого им решения, либо не имеет значение в этом смысле. Вместе с тем правдивость свидетеля или потерпевшего может быть иногда обусловлена, как далее указано, непониманием значения тех обстоятельств, о которых он дает показания, для раскрытия преступления и установления истины. Поэтому правдивые сведения, сообщенные свидетелем или потерпевшим, могут в ряде случаев способствовать распознаванию ложности других сведений, сообщенных этим же лицом.

В ложных показаниях несоответствующие действительности сообщения могут относиться к любому из обстоятельств, подлежащих доказыванию, и к доказательственным фактам (в том числе и таким фактам, которые имеют значение для оценки других доказательств), а также к обстоятельствам, способствующим совершению преступления, условиям, благоприятствующим им.

Сообразно с целью, преследуемой лицом, дающим ложные показания, направленность их может быть различна.

Они могут содержать ложные сведения. 1) обвинительного характера; 2) оправдывающего характера; 3) одновременно обвинительного характера в отношении одних лиц и оправдательного — в отношении других; 4) ложные сведения о событиях преступлений, в действительности не имевшем места (без указания на конкретное виновное в нем лицо).

Мотивы, побуждающие к ложным показаниям, весьма различны как по своему содержанию, так и по психологической природе. Укажем такие мотивы, не ставя, разумеется, задачу привести их исчерпывающий перечень.

К ним относится личная заинтересованность свидетеля или потерпевшего в исходе дела. Причиной ее может быть опасение ответственности, причем оно может иметь место не только в тех случаях, когда дающий показание виновен в совершенном преступлении, но и если он полагает, что на него может пасть подозрение или если расследование преступления может пролить свет на его неблагоприятные поступки. Личная заинтересованность может быть обусловлена также корыстью или иными материальными соображениями, желанием избавиться от обвиняемого, как от мешающего в чем-либо человека, боязнь мести со стороны обвиняемого и его близких, чувством стыда и многими другими причинами.

Таковыми мотивами могут быть также дружественные или наоборот враждебные взаимоотношения с обвиняемым или другими заинтересованными в деле лицами, чувство жалости к обвиняемому или его семье или сострадания к потерпевшему, стремление избежать обременительные обязанности, связанные с участием в процессе и «не ввязываться в чужие дела» и многие другие мотивы, в том числе не связанные с расследуемым преступлением (например, когда свидетель или потерпевший не хочет обнаруживать своего пребывания в том или ином месте из-за опасения огласки своих интимных связей).

Мотивы, побуждающие свидетеля или потерпевшего к ложным показаниям, могут возникнуть у них как без какого-либо вмешательства со стороны, так и в результате воздействия на них других лиц — уговоров, угроз, подкупа, шантажа.

Причиной ложных показаний свидетеля или потерпевшего могут быть и мотивы более общего характера — круговая порука и профессиональная солидарность, национальные и религиозные пережитки³¹, неправильно понимаемые общест-

³¹ Интересны с точки зрения влияния религиозных пережитков дела о сектантских организациях. Свидетели по этим делам нередко отказываются давать показания по поводу преступной деятельности руководителей секты. Так, например, в деле по обвинению по ст. 227 УК руководителей секты пятидесятников некоторые свидетели, состоявшие в

венные интересы, в частности отрицательные отношения к судебной репрессии по тем или другим причинам и недоверие к следственным и судебным органам. Мотивом, побуждающим к недобросовестным показаниям, могут быть «обычай и нравы» преступной среды³².

Ложные показания всегда обусловлены теми или иными мотивами, но нельзя забывать, что такие мотивы не всегда выявляются и само по себе обнаружение их не дает еще оснований сделать вывод о правдивости показаний.

С другой стороны далеко не каждый советский человек, дающий показания в качестве свидетеля или потерпевшего, при наличии у него даже самых веских личных мотивов к сокрытию истины, становится на путь ложных показаний. У советского гражданина обычно чувства долга и ответственности за свои действия и слова не только преобладают над личными мотивами, но и исключают возникновение борьбы мотивов. Ложные показания свидетеля или потерпевшего являются продуктом пережитков и влияния чуждой нам идеологии, в конечном счете пережитков капитализма в сознании людей.

Правдивые показания свидетелей и потерпевших, несмотря на их заинтересованность в исходе дела или другие мотивы к сокрытию истины, широко известны нашей практике. В то же время правдивость показаний заинтересованных в деле лиц может быть связана с тем, что дающий их не понимает значения сообщаемых им обстоятельств для раскрытия истины по делу. В практике нередко встречаются случаи, когда ближайшие родственники обвиняемого (или подозреваемого) — родители, муж или жена — дают обстоятельные и точные показания относительно предметов, принадлежащих ему, времени его пребывания дома и ухода из дома и т. п.³³.

этой секте и посещавшие проводимые религиозные мероприятия, отказались от дачи показаний. Одна сектантка на вопрос о деятельности секты ответила: «Показаний я давать не буду, так как не нахожу в этом нужды и не хочу быть Иудой». Другая сектантка на вопрос о том, знаете ли вы обвиняемых, ответила: «Я знаю только Иисуса Христа и стараюсь знать только его, а человек я не знаю». На вопрос о том, что ее привело на молитвенные сборы сектантов и кто ее пригласил туда, она ответила: «Меня пригласил на них Господь Иисус Христос. Отвечать на эти вопросы отказываюсь».

³² Так, по делу о нанесении тяжких телесных повреждений потерпевший отказался назвать виновных, объясняя это впоследствии тем, что государственные суды «им не нужны», что у них «свои суды». Когда же он выздоровел, он учинил «суд и расправу», нанеся тяжкие телесные повреждения своим обидчикам, в связи с чем он был осужден.

³³ Так, по делу о краже из магазина для изобличения подозреваемого Г. важное значение имел вопрос: была ли накануне кражи обнаруженная у него при обыске рубашка запачкана глиной и сажей или чистой. Допрошенная по этому вопросу жена Г. категорически утверждала,

И, наконец, возможны и такие ситуации, когда заинтересованность в исходе дела не только не порождает недобросовестность свидетеля или потерпевшего, а, наоборот, побуждает его к правдивости и к особой тщательности в сообщении сведений. Недружелюбное отношение свидетеля к обвиняемому, вызванное им чувство раздражения или гнева, жеросовестные, изобличающие обвиняемого, показания, в то время как при отсутствии таких мотивов свидетель, в силу близких отношений с обвиняемым, сострадания, профессиональной солидарности или иных причин, стремился бы утаить известные ему сведения, обличающие обвиняемого³⁴.

Например, по делу по обвинению В. в краже у своего отца облигации госзайма, на которую наш крупный выигрыш, отец и брат обвиняемого сообщили о преступлении и дали правдивые показания лишь после того, как обвиняемый купил дом и отказался делить с ними выигрыш. До этого они не собирались разоблачать преступление В., а хотели решить вопрос по-семейному.

По делу о хищениях денежных средств муж одной из виновниц преступления написал обличающее ее письмо, объяснив это тем, что он желал избавиться от жены, так как совместная с ней жизнь у них не ладилась, и рассчитывал, что ее арестуют, а он обзаведется новой семьей.

Отношение свидетелей и потерпевшего к показаниям далеко не всегда определяется одним мотивом, абсолютно доминирующим над всеми остальными мотивами или исключаящим их. Нередко отношение к показаниям находится под воздействием двух или нескольких мотивов. Так, добросовестные показания, изобличающие преступника, могут быть обусловлены одновременно и чувством долга, ответственности и недоброжелательным отношением к виновному. И наоборот, утаивание тех или иных данных или сообщение заведомо вымышленных сведений может быть вызвано одновременно как личной заинтересованностью (опасением ответственности, боязнью мести, чувством стыда), так и желанием оградить от ответственности виновного или отомстить невиновному.

Так, по делу А., осужденного по ч. 1 ст. 119 УК РСФСР, потерпевшая Л. (14-ти лет) в своих первоначальных показа-

---

дала, что эта рубашка была чистой. Она это хорошо запомнила, так как, уезжая в командировку (а это было накануне кражи), муж хотел одеть чистую рубашку и как раз эту. Этим она разоблачила ложность утверждения ее мужа о том, что рубашку он загрязнил давно на работе, и тем самым способствовала изобличению его в краже.

³⁴ Следует также иметь в виду, что повышенный интерес лиц в силу тех или иных мотивов к каким-либо обстоятельствам повышает продуктивность восприятия и памяти.

ниях в органах расследования утверждала, что ее изнасиловал неизвестный гражданин, описала его внешние признаки, заявив, что сможет его опознать. Это показание оказалось вымыслом, и лишь в последующих показаниях она рассказала правду, а именно, что она в течение месяца сожительствовала с гр. А. Ложность первоначальных показаний потерпевшей объяснялась как тем, что она стыдилась связи с обвиняемым, так и опасениями за его судьбу.

Мотивы, воздействующие на показания, могут быть и противоречивыми, когда одни мотивы побуждают к утаиванию каких-либо данных, к извращению действительности или сообщению вымышленных сведений, а другие, наоборот, — к правдивым показаниям. В этих случаях возможна борьба мотивов, в результате которой может возобладать мотив, побуждающий к добросовестным показаниям. В одних случаях это чувство долга, честность и другие моральные побуждения, в других — опасения ответственности и другие соображения личной безопасности, в-третьих, соображения личной заинтересованности, когда лицо, взвесив ситуацию, приходит к выводу, что ему выгоднее дать правдивые показания и другие мотивы.

Так, по делу об убийстве Б. жена заподозренного В. в своих свидетельских показаниях ничего существенного не сообщила. Между тем следствие располагало данными о том, что свидетель пользуется репутацией очень правдивого человека. В связи с этим в ходе повторного допроса ей было указано на ее моральный долг помочь следствию разоблачить действительного убийцу, на сложившееся о ней мнение, что она никогда не лжет. В результате этого свидетель дала правдивые показания, сообщив, что муж рассказал ей о совершенном им убийстве, но просил никому не говорить об этом³⁵.

Все изложенное говорит о том, что наличие у свидетелей и потерпевших тех или иных мотивов к ложным показаниям вовсе еще не предопределяет характер его показаний, и априорный, предубежденный подход к ним как к ложным показаниям неправилен. Вопрос о правдивости или ложности показаний должен решаться, как указано выше, на основе совокупности всех обстоятельств дела.

Вызванное теми или иными мотивами решение свидетеля

---

³⁵ По делу об убийстве З. свидетель, упорно утверждавший, что ему ничего не известно о преступлении, будучи уличен на нескольких очных ставках во лжи, показал, что действительно кое-что знает. Но он просил учесть, что если о его показаниях станет известно в селе, то ему несдобровать. Поэтому он и не хотел раньше говорить правду. Опасение ответственности за ложные показания возобладало в этом случае над другими мотивами, побуждающими свидетеля к недобросовестным показаниям.

или потерпевшего дать ложные и заведомо ложные показания в результате умозаключения.

Умозаключения свидетеля и потерпевшего имеют важное значение в формировании ложных показаний.

Роль умозаключений многоаспектна. Они определяются решением лица о целесообразности дать ложные показания, выбор той или иной формы их (утаивания сведений, извращения фактов, сообщение вымышленных сведений) и конкретное содержание сообщаемых сведений.

Ясно, что умозаключения по всем этим вопросам тесно связаны между собой, представляют собой единую цель умозаключений. Обдумывая вопрос о том, следует ли откровенно сообщить следствию и суду известные ему сведения или же уклониться от этого, свидетель и потерпевший одновременно обдумывают и форму уклонения от такого сообщения, и само содержание показаний. И их решение в значительной мере зависит от того, насколько удачны, по их мнению, намеченные ими ложные показания.

Роль умозаключений в формировании ложных показаний со всей наглядностью проявляется во всех тех встречающихся в практике случаях, когда свидетели и потерпевшие, по предъявлению им данных, разоблачающих их ложь, приходят к выводу о неразумности дальнейшего извращения действительности и дают правдивые показания.

При исследовании показаний важно выяснить соображения, которыми руководствовался дающий показания по каждому из этих моментов: по каким соображениям он пришел к выводу о целесообразности воспрепятствовать раскрытию истины, по каким соображениям он утаил такие-то факты и правдиво сообщил о других, по каким соображениям он сообщил такие-то вымышленные сведения. Выяснение таких соображений по каждому из этих моментов в отдельности может способствовать правильной оценке показаний и, в частности, могут иметь значение для результативности допроса.

Так, по делу об отравлении подозреваемая дала ложные показания о несущественных на первый взгляд обстоятельствах. Она утверждала, что потерпевший пришел к ней (в ночь, когда он был отравлен) в пьяном состоянии и попросил кофе. Между тем было установлено, что во внутренних органах трупа потерпевшего не было винного спирта. Перед следствием возникли вопросы: чем объясняется эта ложь подозреваемой? Не понадобился ли этот вымысел для того, чтобы объяснить, почему она угощала потерпевшего черным кофе? не в кофе ли она дала яд? Выяснение причин ложности показаний подозреваемой по этому вопросу способствовало правильной оценке ее показаний и расследова-

нию дела. Было установлено, что именно в этой чашке к... она дала яд потерпевшему.

Важное значение в формировании недобросовестных показаний принадлежит волевым процессам. От них зависит решимость свидетеля или потерпевшего сообщить неправильные сведения вопреки требованиям общественно-го, морального долга и несмотря на угрозу уголовной ответственности, а с другой стороны, от них зависит отсутствие решимости в соответствующих случаях противостоять воздействию со стороны, или — при борьбе мотивов — преодолеть побуждение к недобросовестности и отдать предпочтение мотивам, побуждающим к правдивым показаниям. Не меньшее значение волевые процессы имеют и при даче показаний. Успешность усилий следователя и суда, обвинения и защиты и применяемых ими тактических приемов допроса, направленных на преодоление недобросовестности свидетеля и получение правдивых показаний в значительной мере зависит от того, какое влияние они окажут на волевые процессы свидетеля или потерпевшего.

Таким образом, ложные показания, во-первых, всегда обусловлены теми или иными мотивами и направлены на соответствующую им цель. Эти мотивы и цели носят противоречащий советской морали, общественным и государственным интересам характер. Во-вторых, они являются результатом умозаключения свидетеля или потерпевшего, которым определяется как решение сообщить неправильное сведение, так и содержание показаний. В-третьих, в формировании недобросовестных показаний важное значение имеют волевые процессы.

Конечно, в формировании ложных показаний проявляются также другие стороны психической деятельности свидетеля и потерпевшего, их психического склада. Но непосредственное значение в их формировании имеют названные моменты.

Значение мотивов, которыми определилось отношение к своим показаниям свидетеля или потерпевшего, его умозаключения и волевых процессов несомненно и при формировании правдивых показаний. Это особенно рельефно выступает в тех случаях, когда правдивые показания являются результатом борьбы мотивов³⁶, но, конечно, относится не только к таким случаям. Правдивые показания всегда обусловлены чувством гражданского, общественного долга, стремлением помочь в раскрытии преступления и установлении исти-

³⁶ В таких случаях правдивые показания обусловлены мотивами, возобладавшими над другими мотивами, побуждавшими к ложным показаниям и соответствующим умозаключениям свидетеля или потерпевшего. Вместе с тем возобладание одного мотива и подавление другого невозможно без участия воли.

ны, чувством справедливости или опасениями ответственности за ложные показания и прочими мотивами. Другое дело, что для того чтобы сделать вывод о правдивости показаний, далеко не всегда необходимо выяснение таких мотивов, в то время как мотивы ложных показаний всегда требуют исследования. Однако нередко возникает необходимость и в исследовании мотивов, побуждающих к правдивым показаниям. Такая необходимость возникает обычно при оценке показаний, являющихся результатом борьбы мотивов, например противоречивых, измененных показаний или показаний лица, у которого по данным дела есть мотивы к ложным показаниям. Нельзя вместе с тем забывать, что мотивы ложных показаний могут быть трудно уловимы и отсутствие данных о них не всегда говорит о том, что таких мотивов действительно нет. В связи с этим для разрешения возникших по обстоятельствам дела сомнений в правдивости показаний может оказаться необходимым исследование мотивов, побуждающих свидетеля или потерпевшего к правдивым показаниям.

Правдивостью показаний еще не предопределяется их полнота и достоверность. Способность человеческого сознания объективно правильно отражать действительность не исключает возможности, в силу тех или иных причин, преднамеренного искажения действительности, неполноты и привнесений в показания свидетелей и потерпевшего. В связи с этим при решении вопроса о том, соответствуют ли действительности оцениваемые показания, необходимо также учитывать данные о факторах, могущих быть причиной непроизвольной односторонности и ошибок свидетелей и потерпевших, несмотря на правдивость их показаний. На предварительном следствии и в суде данные о таких факторах должны тщательно и всесторонне исследоваться.

Процесс формирования правдивых показаний состоит из следующих этапов: 1) восприятие, включая запечатление воспринятого; 2) сохранение в памяти; 3) воспроизведение в устной форме в условиях допроса сведений, известных дающему показания.

Полнота и точность восприятия, сохранения в памяти и воспроизведения зависят от многих факторов³⁷. К ним относятся как объективные условия (физического и психического характера), в которых протекают эти процессы, так и

³⁷ См. соответствующие главы в книгах: «Психология», под ред. А. А. Смирнова, П. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и Б. М. Теплова. М., Учпедгиз, 1962; В. А. Артемов. Курс лекций по психологии. Харьков, 1958; Т. Г. Егоров. Психология. М., Воениздат, 1955; П. И. Иванов. Психология. М., Учпедгиз, 1946; С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., Учпедгиз, 1940; его же. Бытие и сознание. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 31 и сл., стр. 307 и сл.

субъективные свойства свидетеля или потерпевшего и на его состояние.

В процессах восприятия и памяти даются различные представления все стороны психики дающего показания, и поэтому для формирования показаний на всех его этапах первостепенное значение, при прочих равных условиях, имеют индивидуальные особенности личности свидетеля и потерпевшего, их психического склада. В процессах формирования показаний проявляется направленность интересов и установки дающего показания, его нравственные и общественные идеалы, его социальные симпатии и антипатии. Не меньшее значение имеет уровень его мышления и тип памяти, его профессия и род занятия, наличие познаний, опыта и навыков в той или иной сфере. Процесс формирования показания зависит и от типа характера, волевых качеств дающего показания, его темперамента и эмоциональности, от его впечатлительности, подверженности внушению, склонности к преувеличению и фантазированию. Наконец, имеют значение и такие свойства свидетеля и потерпевшего, как степень чувствительности его органов чувств, глазомер, способность правильно определять течение времени и т. п. индивидуальные качества.

Поэтому вопрос о том, оказали ли влияние на показания те или иные факторы, должен решаться в связи с индивидуальными особенностями психического склада свидетеля и потерпевшего всех его свойств в совокупности, т. е. с учетом индивидуальных свойств личности как единого целого.

Рассмотрим факторы, влияющие на формирование показаний на всех названных его этапах. Эти факторы весьма разнообразны, неисчерпаемы, и поэтому мы остановимся на рассмотрении тех факторов, о которых, как нам представляется, чаще, чем о других, возникают вопросы в практике.

³⁸ Под установкой в психологии понимается своеобразная готовность воспринимать предмет или явление определенным образом, обусловленная предшествующими восприятиями; говоря иначе, установка складывается под влиянием непосредственно предшествующих восприятий («Психология», под ред. А. А. Смирнова и др., стр. 146—147). Физиологической основой установки является образование и функционирование динамического стереотипа.

Академик Узнадзе и его сторонники рассматривают установку как нечто целостное, характеризующее состояние личности в целом, ее мотус. На основе установки возникает деятельность определенного характера и определенной направленности, а в свою очередь, то или иное поведение лица всегда есть реализация определенной предуготовленности. Этим они объясняют и многие иллюзии — они есть «иллюзии установки».

Установка активизирует деятельность лица помимо его сознательных психических процессов, она протекает бессознательно. Понятие установки дает решение проблемы «бессознательного». (См. А. Г. Франг и ш в и л и. Общепсихологическая теория установки. Сб. «Психологическая наука в СССР», т. 2. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960, стр. 126 и сл.).

Восприятие свидетеля и потерпевшего. Восприятие есть первоначальный, чувственный этап познания, отражение в сознании человека предметов или явлений, непосредственно воздействующих на его органы чувств³⁹. Восприятие основывается на ощущениях⁴⁰, но не сводится к ним. Оно характеризуется целостностью, т. е. отражает предметы, события, ситуации как единое целое: в единстве их свойств и частностей, в определенном соотношении друг с другом, во взаимоотношении объекта восприятия с окружающей средой.

Восприятие связано с осмысливанием, осознанием объекта, оно включает акт понимания его. Восприятие есть единство ощущения и мышления, чувственного и рационального, взаимно обуславливающих друг друга. Этим определяется значение для восприятия прежнего опыта и знания, памяти и мышления.

Так, свидетель, давая показания о том, что в окнах второго верхнего этажа такого-то дома были видны языки пламени, из дверей валили клубы дыма, воспринял сообщаемое им обстоятельство как единое целое, а не как сумму зрительных и обонятельных ощущений, вызванных отдельными свойствами и частями этих предметов и явлений: формой и расположением дома и его окон, формой и цветом языков пламени, формой, цветом и запахом клубов дыма и другими явлениями, действующими на органы чувств.

Но, разумеется, значение ощущений для восприятия данных, сообщаемых свидетелем и потерпевшим, может быть различным; оно зависит от обстоятельств дела и предмета показаний. Так, обычно не возникает вопроса об ощущениях, на которых основано знание свидетелем данных, характеризующих личность обвиняемого. Вопрос о значении ощущений для восприятия устной речи возникает в тех случаях, когда есть основания сомневаться в том, мог ли дающий показания слышать или расслышать то, что он сообщает; но обычно не возникает, если таких оснований нет.

Полнота и точность восприятия зависят от многих при-

³⁹ Н. Н. Волков. Очерки по психологии восприятия. «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. «Вопросы психологии восприятия и мышления». М.—Л., Изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 9 и сл.; П. А. Шеварев. Исследования в области восприятия. «Психологическая наука в СССР», т. 1, М., Изд-во АПН РСФСР, 1959, стр. 114 и сл.; его же. К вопросу о структуре восприятия. «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. «Восприятие и мышление». М., Изд-во АПН РСФСР, 1962, стр. 7 и сл.; Д. Г. Элькин. Восприятие. «Психологическая наука в СССР», т. 1, стр. 193 и сл. См. также литературу, указанную в сноске на стр. 55.

⁴⁰ В курсах психологии различаются следующие виды ощущений: зрительные, слуховые, кожные, обонятельные, вкусовые, кинестетические (движения и положения органов тела), статические (равновесия), органические (голода, жажды, половые ощущения; связанные с дыханием и кровообращением). «Психология». М., Учпедгиз, 1962, стр. 106 и сл.

чин. Не всегда лицо, присутствующее при тех или иных событиях, объективно правильно и полно воспринимает их. Лицо может не заметить, не рассмотреть, не расслышать происходящее или воспринять односторонне, фрагментарно, искаженно. Нередко разные лица, присутствующие при одних и тех же событиях, по-разному воспринимают их.

К объективным условиям, от которых зависит качество восприятия, относятся следующие.

Условия, от которых зависит физическая возможность восприятия. Ясно, что если в показаниях сообщаются факты, которые не могли быть восприняты свидетелем или потерпевшим, вследствие темноты, отдаленности предмета восприятия и т. п. препятствий, то такие показания не могут быть признаны достоверными⁴¹. Они являются результатом заблуждения (если не недобросовестности). В тех же случаях, когда возникают сомнения в физической возможности восприятия тех фактов, о которых сообщается в показаниях, то это необходимо проверить. Так, по делу С. и Х., обвиняемых в том, что они, будучи грузчиками, похитили из кузова автомашины ситец и зарыли его в снег, одним из доказательств были показания свидетеля С. Она показала, что видела происходящее из окна типографии и опознала обвиняемых. Последние же утверждали, что из окна типографии нельзя видеть происходящее в том месте, где стояла автомашина, и разглядеть находящихся возле нее лиц. В связи с этим был произведен следственный эксперимент, в результате которого была установлена такая возможность. Не установив сомнения в возможности восприятия указанных фактов свидетелем, нельзя было бы его показания положить в основу приговора. Но, разумеется, что устранение этих сомнений не говорит еще о достоверности показаний.

С другой стороны, не проверив возможности восприятия фактов, о которых сообщается в показаниях, и не установив, что восприятие их невозможно, нельзя и отвергнуть показания по этим причинам. Так, отменяя приговор по делу Г., Верховный Суд СССР указал в своем определении, что утверждение суда основано на предположениях и не опирается на имеющихся в деле доказательств обвинения. Из показаний свидетелей Т. и М. видно, что они наблюдали за происшествием из соседнего подъезда, находящегося в 30 м от места преступления, и ни Г., ни его соучастники не могли их видеть. Суд неосновательно отверг эти доказательства, тогда

---

⁴¹ Но надо учитывать и константность восприятия. Она состоит в относительном постоянстве отражения в сознании воспринимающего размера, формы и цвета предметов при изменяющихся в определенных пределах условиях восприятия: оно соответствует объективным качествам предмета, но может не соответствовать отображению их.

как они нуждались в дополнительном времени, после которого только суд мог им дать правильное решение.

Продолжительность восприятия. Отрицательно отражается на восприятии его краткосрочность. Она может быть причиной как расплывчатости восприятия, так и фрагментарностью его: ввиду ограниченной возможности переключения внимания воспринимающий успевает заметить одни детали и не замечает другие. Характерно в этом смысле восприятие обстоятельств транспортных происшествий, наступающих обычно неожиданно и проходящих быстротечно.

Доступность для восприятия предмета по его свойствам. Нередко предметом показаний являются такие обстоятельства, которые недоступны для точного восприятия лица, не обладающего специальными познаниями или навыками (например, сортность и количество товаров, состав того или иного вещества, характер имеющихся повреждений и т. п.) или без соответствующих орудий наблюдения или измерения (например, расстояние, вес, скорость движения и т. п.). В последнем случае существенное значение имеет то, воспринимал ли свидетель или потерпевший, пользуясь какими-либо приспособлениями, в частности измерительными приборами, или невооруженным глазом. Например, по делу по обвинению С. по ч. 2 ст. 211 УК РСФСР скорость движения автомашины была установлена показаниями свидетеля Р.: суд признал его показания достоверными, так как свидетель ехал вслед за машиной, управляемой С., и определил скорость, исходя из скорости своей автомашины, которую он установил по спидометру.

Свойства предмета восприятия, влияющие на отношение к нему свидетеля или потерпевшего. Важное значение для восприятия имеют и такие свойства события и явления, в силу которых они привлекают внимание, вызывают интерес к себе. Существенным в этом смысле является отношение предмета восприятия с окружающей средой и к обычному ходу событий. Предметы и явления, неизвестные, необычные, яркие, выделяющиеся из окружающей среды и представляющие собой отступление от обычного хода вещей, бросающиеся в глаза или вызывающие повышенную эмоциональную реакцию, привлекают к себе внимание, активизируют восприятие и воспринимаются, как правило, полнее, детальнее.

Так, по делу о краже из магазина сельпо свидетель показывала, что в третьем часу ночи она заметила трех мужчин, идущих в сторону близлежащего села. Она обратила на них

внимание по следующим признакам: несмотря на зимнее время, были без пальто, все трое, увидев встречную машину, уклонились от света фар. Это показалось ей подозрительным. Примерно через два часа мужчины возвращались обратно, но все были в пальто. Они сгибались под тяжестью каких-то вещей.

По делу об убийстве важное значение имели показания свидетелей — сослуживцев подозреваемого Ш. о том, что 8 декабря он находился на работе в нетрезвом состоянии и был обут в хромовые сапоги. Свидетели обратили внимание на этот факт по двум причинам: 1) подозреваемый отпрашивался с ночного дежурства... и 2) была зима, а он, несмотря на старость, «держал форс» и ходил в сапогах.

Значение эмоциональной реакции, вызванной объектом восприятия, можно проиллюстрировать следующим примером. По делу о краже свидетелем-очевидцем была сторож. Из трех преступников ее внимание привлек один, и свидетель опознала его на предварительном следствии; внимание остановилось на нем, так как он обругал ее нецензурными словами.

В этой связи значение имеет также отношение предмета восприятия к интересам свидетеля и потерпевшего, в особенности к его жизненно важным интересам.

Связь предмета восприятия с предметами и явлениями, привлекавшими по тем или иным причинам внимание воспринимающего. Важное значение для качества восприятия могут иметь какие-либо свойства предмета, которые по ассоциации с другими предметами вызывают интерес и привлекают внимание свидетеля или потерпевшего.

Показательно в этом смысле восприятие дат и времени. Если на дату и время тех или иных событий далеко не всегда свидетель и потерпевший обращают внимание, то в случаях, когда они ассоциируются с какими-либо событиями, значимыми для дающего показания, они запоминаются точно. Так, по делу об ограблении и убийстве из шести свидетелей, дававших показания о пребывании в их доме потерпевшей и обвиняемого, только один смог назвать дату их пребывания, так как в этот день он уезжал в командировку в Москву.

Обстоятельства, сопутствующие восприятию, и обстоятельства, предшествующие ему. Полнота и точность восприятия могут зависеть от того, происходило ли оно в обычной для свидетеля или потерпевшего обстановке. Необычность обстановки может отвлечь внимание от предмета восприятия или отразиться на состоянии воспринимающего, например вызвать у него раздражение, испуг, отвращение, отчаяние и тому подобные переживания. Такое же значение могут иметь сопутствующие восприятию события.

На полноте и точности восприятия отражаются и такие сопровождающие его обстоятельства, которые могут быть источником внушения, например разговоры окружающих о происшествии, ажиотаж и паника, вызванные преступлением, и тому подобное. Слово (речь) имеет в этом смысле двойное значение: оно может оказать влияние на направление внимания и мысли при восприятии и активизировать их, а тем самым в одних случаях способствовать восприятию, а в других — служить источником внушения.

На качестве восприятия могут отразиться события и ситуации, предшествующие ему или предстоящие после него, связанные с предметом восприятия аналогией или по ассоциации. Например, только что совершившееся событие, причинившее вред лицу (кража, нападение, несчастный случай с близким человеком), нацеливает его внимание на аналогичные события и влияет на отношение к ним. Точно так же отражается на направленности внимания лица намерение совершить какие-либо действия (купить необходимую вещь, произвести ремонт дома и т. д. и т. п.).

Наконец, условия восприятия могут отразиться на степени чувствительности органов чувств воспринимающего (см. ниже стр. 64—65).

В связи со всем изложенным необходимо учитывать ту конкретную обстановку, в которой происходило восприятие свидетелем и потерпевшим обстоятельств преступления, имея в виду то, что обстоятельства преступления нередко воспринимаются в весьма специфических условиях.

Обстоятельства преступления часто по характеру своему привлекают к себе внимание, что способствует восприятию. Но, с другой стороны, они могут вызывать повышенную эмоциональную реакцию, ажиотаж и разговоры, а это может отрицательно отразиться на объективности восприятия каждого отдельного лица. Преступления нередко наступают неожиданно и происходят быстро, а по ряду категорий преступлений виновные выбирают наиболее удобные для себя, а потому наиболее неблагоприятные для восприятия место и момент преступления. Преступление не безразлично для личных интересов потерпевшего, а во многих случаях и свидетелей. Само присутствие свидетелей при преступлении нередко обусловлено теми или иными отношениями с потерпевшим или преступником; кроме того, в число свидетелей зачастую попадают лица, которые принимали меры к прекращению преступления или к устранению его последствий, оказывали помощь пострадавшему; принимали меры к изолированию и задержанию преступника. Отношение же к делу может иметь важное значение на всех этапах формирования показаний.

Объективные условия восприятия как факторы, влияющие на его полноту и достоверность, не могут рассматриваться вне связи с субъективными свойствами воспринимающего или его состоянием, безотносительно к ним. При одних и тех же условиях качество восприятия у различных лиц, в зависимости от их субъективных свойств (зрения, слуха, эмоциональности, направленности интересов и т. п.) и состояния, может быть весьма различным.

Рассмотрим субъективные свойства лиц, могущие повлиять на восприятие, и значение, в этом смысле, их отношения к предмету восприятия.

Преднамеренность или произвольность восприятия. Полнота и точность восприятия может зависеть от того, является ли оно преднамеренным или произвольным. Конечно, охарактеризованные выше специфические условия, в которых нередко протекает процесс восприятия обстоятельств преступления, не позволяют априорно, без учета обстоятельств каждого конкретного случая определить, какой из видов восприятия — преднамеренное или произвольное имеет преимущество: трафарета здесь быть не может. Однако при прочих равных условиях преднамеренное восприятие более продуктивно. Лицо заранее ставит перед собой цель наблюдать за теми или иными событиями или явлениями, и тем самым заостряет свое внимание на них, мобилизует свои органы чувств — не только смотрит и слушает, но и присматривается и прислушивается.

Так, по делу о хищении молочных продуктов на дружинников было возложено наблюдение за поступлением молока в магазины из базы. Они отмечали время доставки молока, номера автомашин, приметы лиц, сдававших и принимавших товары, считали количество бидонов с молоком, о чем составляли акт. Ясно, что преднамеренный характер восприятия обусловил его полноту и точность.

Вместе с тем необходимо учитывать причины, обусловившие преднамеренность восприятия и его цель. Это влияет на направленность и объем внимания, на отношение свидетеля и потерпевшего к объекту восприятия. В этой связи может иметь значение, вызвано ли наблюдение тем, что дающий показания знал (или хотя бы подозревал), что им воспринимаются преступные события и связанные с ними обстоятельства, или другими причинами.

В свою очередь, в первом случае наблюдение может быть обусловлено различными обстоятельствами — возложенным поручением, в силу служебных или общественных обязанностей, чувством служебного или профессионального долга (например, когда сотрудник милиции или следователь случайным образом становятся свидетелями преступления); чувством гражданского или общественного долга; эмоциональной реакци-

ей, вызванной преступлением. или нездо: этим интересом к замеченному; интересами потерпевшего (в частности, когда он или его близкие опомнились от неожиданного нападения меты преступника) и иными личными мотивами.

Самыми различными причинами может быть вызвано преднамеренное восприятие и в тех случаях, когда лицо на- блюдают за событиями не потому, что оно знает (или подоз- ревает) о преступлении, а в силу иных обстоятельств.

Так, по делу об аварии на транспорте преднамеренное восприятие свидетелем имеющихся на грузовике поврежде- ний, о которых он дал показания, было связано с трудовым процессом — свидетель ремонтировал этот грузовик. По делу о хищениях обуви из упакованных для отправки ящиков, преднамеренный характер восприятия свидетелями (сотруд- никами организаций, получавших обувь) состояния посту- пивших ящиков был обусловлен их служебными обязанно- стями и интересами, в силу которых они осматривали полу- ченные ящики. Они сообщили, что на ряде ящиков были сорваны ярлыки и имелись следы перебивки гвоздей.

Преднамеренное восприятие может быть вызвано и дру- гими причинами самого различного характера. Так, свиде- тели (по делу об убийстве) с уверенностью ответили на воп- рос следователя, что по дороге, в то время как они проезжа- ли на машине, не проходил подозреваемый П. Их увере- ность была обусловлена тем, что они в надежде встретить курящего (так как у них не было папирос) присматрива- лись к каждому проходившему по дороге.

Возможно и сочетание причин, обусловивших преднаме- ренность восприятия. Например, водители автотранспорта и инспектора ОРУДа наблюдают за обстановкой, сопутствующей движению транспорта в силу своих служебных обязан- ностей. После же аварии преднамеренный характер их вос- приятия обусловлен тем, что они предполагают возможность преступления.

Преднамеренный характер восприятия может иметь свои отрицательные стороны. Он может быть связан со сосредото- чением внимания на одном и отвлечением от другого, а так- же породить установку, предвзятость в восприятии.

Таким образом, придавая при оценке показаний свиде- телей и потерпевших должное значение преднамеренному ха- рактеру восприятия как фактору, способствующему его пол- ноте и точности, надо вместе с тем учитывать условия дан- ного конкретного случая, в частности причины и цель на- блюдения, а равно возможность отрицательного влияния его на объективность показаний.

Степень чувствительности органов чувств свидетеля и потерпевшего. Восприятие находится в прямой зависимости

от степени чувствительности соответствующих органов чувств воспринимающего, а следовательно, от порогов ощущения⁴³.

Использование данных о порогах ощущений может способствовать: 1) установлению недостоверности показаний, например, когда эти данные указывают на невозможность восприятия лицом тех фактов, сведения о которых он сообщает в показаниях; 2) устранению сомнений в возможности восприятия лицом тех или иных фактов, о которых он дает показания; 3) разъяснению причин противоречий между показаниями различных лиц, если они обусловлены различиями в порогах их ощущений или условий восприятия; 4) разъяснению причин противоречий в показаниях одного и того же лица, когда лицо сообщает данные об одних фактах и утверждает, что ему неизвестны другие сопутствующие им факты, или сообщает неточные сведения о них⁴⁴.

Необходимо при этом учитывать, что степень чувствительности того или иного органа чувств может зависеть от условия восприятия⁴⁵. В связи со свойственной органам чувств адаптацией чувствительность может значительно снизиться вследствие непрерывного воздействия в течение некоторого времени того или иного раздражителя: воспринимающий утрачивает ощущение запаха, тепла, холода, резкости света или шума.

Значение может иметь и контраст ощущений. В силу этого степень чувствительности изменяется под влиянием предшествующих или сопутствующих восприятию действий раздражителей противоположного качества: одни и те же свойства предмета могут быть по-разному ощущены воспринимающими, в зависимости от того, на фоне каких ощущений они воспринимаются. Так, доброкачественные продукты питания могут показаться горькими, если их про-

⁴³ Степень чувствительности определяется порогами ощущений, обратно пропорциональна им. Под нижним порогом ощущений понимается минимальная величина раздражителя (степень яркости света, громкости звука и т. п.), которая впервые вызывает ощущение. Под верхним порогом ощущения понимается максимальная величина раздражителя, вызывающая ощущение, при превышении которой он не действует на органы чувств.

Чувствительность характеризуется также и разностным порогом ощущений. Под ним понимается минимальное увеличение раздражителя по отношению к исходной ее степени, которое вызывает даже хотя бы минимальное изменение ощущений (например, при каком усилении яркости света оно становится заметным для воспринимающего).

⁴⁴ О значении данных о порогах ощущений при допросе и для оценки показаний см. Имрэ Кертэс. Ук. соч., стр. 14 и сл.

⁴⁵ При использовании данных о порогах ощущений необходимо учитывать их подвижность, изменчивость в связи с возрастом, приобретением тех или иных навыков, с болезненным или утомленным состоянием и другими причинами.

буют на фоне ощущения сладкого, обычное освещение может показаться чрезмерно ярким на фоне ощущений темно-ты и т. п.

Обстановка, в которой происходит восприятие, может отразиться на нем и в связи с тем, что степень чувствительности органа чувств может зависеть от воздействия того или иного раздражителя на другие органы чувств (например, красный цвет может понижать, а зеленый — повышать слуховую чувствительность, боль может обострять зрение и т. п.). Зависимость чувствительности от взаимосвязи ощущений выражается и в том, что одни ощущения могут по ассоциации вызывать другие ощущения, не вызываемые действиями⁴⁶. Каждое отдельное ощущение зависит от структуры чувственного состава, от всего их комплекса. Это наглядно проявляется в восприятии потерпевшими обстоятельств, связанных с нападением на него. «У страха глаза велики», и потерпевшие при неожиданном нападении на них, совершенном в опасных условиях, сплошь и рядом неправильно воспринимают те или иные признаки и явления, которые бы в других условиях были бы ими восприняты правильно (например, яркость света, направленного на них фонаря, силу прикосновения к ним грабителя, шум различных шорохов, следовавших за нападением, и т. п.).

Опыт и знания свидетеля и потерпевшего, направленность их интересов. От опыта и знаний воспринимающего и от его интересов зависит (о чем подробнее говорится далее) направленность его внимания на те или иные предметы и явления, на их отдельные свойства и стороны, понимание их значения и сущности. То, что не имеет значения по мнению одного и остается им незамеченным, представляется значимым для другого и привлекает его внимание в силу его профессии, рода занятий, жизненного опыта, навыков, направленности интересов. Опыт и знания воспринимающего способствуют уяснению, осмысливанию предмета восприятия, расширяют возможности восприятия⁴⁷. Предметы и явления, их отдельные признаки и свойства непонятные свидетелю или потерпевшему, и в связи с этим недоступные для восприятия ими, могут получить полное и точное отраже-

---

⁴⁶ Некоторым лицам свойственно явление так называемой синестезии, состоящее в том, что одно ощущение вызывает образ другого ощущения.

⁴⁷ Так, по делу об убийстве свидетель, фельдшер скорой помощи, выезжавший на место происшествия, показал, что он, как специалист, увидел у убитой «очки», т. е. такие синяки под глазами, которые говорят о переломе основания черепа. Эти показания (хотя впоследствии факт перелома основания черепа был установлен экспертизой) сыграли свою положительную роль в развитии следствия на его начальном этапе.

ние и восприятие других лиц и предметов и т.д.

Существенно эти качества восприятия и то, что лица с данным конкретным предметом, являются объектом восприятия. Оно может способствовать привлечению внимания к нему, его упоминанию, определенному общему характеризующим его признакам и свойствам. Но, с другой стороны, сложившиеся представления о предмете восприятия могут иметь отрицательное значение, так как под влиянием его воспринимающий может не обратить внимания на изменения тех или иных деталей или признаков этого предмета.

Опыт и знания свидетеля и потерпевшего могут отразиться на степени чувствительности их органов чувств. Например, профессиональная или любительская деятельность музыканта, художника, водителя транспорта, шифровальщика, дегустатора обостряет соответственно слух, цветоощущения, зрение, осязание, обоняние, вкусовые ощущения.

Состояние свидетеля или потерпевшего. Важное значение имеет и состояние свидетеля или потерпевшего в момент восприятия. Отрицательно сказывается на полноте и точности восприятия утомленность, болезненное состояние, опьянение, а также чувства испуга, раздражения, гнева, отвращения, состояние подавленности воспринимающего, его поглощенность какими-либо переживаниями, отвлекающими внимание от объекта восприятия.

Целостность восприятия. Причиной ошибочности восприятия может быть свойственная ему целостность. В силу целостности восприятия возникновение единого целостного образа воспринимаемого объекта имеет место и в тех случаях, когда на воспринимающего действуют лишь отдельные свойства и части предмета, а не весь комплекс их⁴⁸. Отсюда возможность заблуждения.

Но целостность восприятий не устраняет ощущений как таковых, и лицо обычно может дать себе отчет о каждом отдельном ощущении, вызванном теми или иными свойствами и частями объекта. Так, если свидетель или потерпевший даст показания о том, что ему была подана в столовой недоброкачественная колбаса, то он обычно может сообщить, какие зрительные, обонятельные и вкусовые ощущения, вызванные этой колбасой, послужили основанием к восприятию ее как недоброкачественной.

В связи с этим объективность восприятия может быть проверена путем выяснения тех конкретных ощущений дающего показания, на основе которых в его сознании сложился образ воспринимаемого предмета. При этом надо учитывать,

⁴⁸ Так, незамкнутую кривую мы можем воспринять как круг, расположенные по сторонам треугольника прямые, не соединенные между собой углами, как треугольник.

что для полноты и точности восприятия важное значение имеет, участвовало ли в восприятии одно или несколько органов чувств. Например, является ли оно результатом только зрительного ощущения или одновременно и зрительного, и слухового, и осязательного (но, как указывалось, для проверки показаний не всегда может иметь значение выяснение его чувственной стороны).

В процессе восприятия в равной мере, как и на всех других этапах формирования показаний (т. е. в процессах сохранения и воспроизведения), важное значение имеют внимание, мышление и эмоции⁴⁹.

Значение внимания. В восприятии, как и во всех других процессах, участвующих в формировании показаний, внимание выступает как регулирующий фактор, как фактор, влияющий на их направленность и интенсивность. Восприятие носит избирательный характер. Одни признаки или части явления находятся в центре внимания воспринимающего, они не только видит, но и рассматривает, не только слышит, но и прислушивается к ним, другим он уделяет меньшее внимание и воспринимает их неполно, нечетко, третьи остаются вне сферы его внимания, незамеченными. Причем сосредоточение внимания на одном приводит к тому, что остается незамеченным другое, не относящееся к нему. И это всегда находит то или иное выражение в восприятии лица, дающего показания по уголовному делу. Так, допрошенная по делу, возбужденному в связи со смертью донора после взятия у него крови, зам. главного врача института на вопрос следователя о том, исходил ли запах алкоголя от потерпевшего, ответила, что она сказать не может, исходил ли запах алкоголя из рта потерпевшего или от обработанного поля, так как не занималась исследованием этого вопроса, а в тот момент ее мысли были направлены на оказание помощи и принятие экстренных мер по оживлению.

Внимание свидетеля и потерпевшего, как и любого человека, привлекает то, что представляется для них значимым, то, что вызывает интерес. Это прежде всего то, что является объектом труда воспринимающего или его иных действий, связано с его производственной деятельностью или служебными обязанностями⁵⁰, с его профессией или родом занятий,

---

⁴⁹ Н. Ф. Добрынин. Основные вопросы психологии внимания. «Психологическая наука в СССР», т. 1, стр. 207, и сл.; П. И. Зинченко. Вопросы психологии памяти. См. там же, стр. 221 и сл.; А. Г. Комм. Реконструкция в воспроизведении (к вопросу о соотношении мышления и памяти). «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», вып. XXXIV. Л., 1940, стр. 191 и сл.; А. А. Смирнов. Проблемы психологии памяти. М., «Просвещение», 1966; см. также литературу, указанную в сноске на стр. 55.

⁵⁰ Так, по делу об убийстве перронные контролеры опознали в убитых пассажиров, прибывших поездом № 68 в 7 час. 45 мин., а так-

с его общественными и нравственными идеалами, с тем, что увлекает его в быту. Лицо, увлекающееся модными фасонами платья, всегда обратит внимание на одежду, автомобилист-любитель — на марку, состояние, особенности вождения автомашины, а мать новорожденного — на состояние и поведение грудного ребенка и т. п. Но ими могут быть замечены другие существенные факты. Потерпевший, внимание которого приковано к преступным действиям, наносящим ему ущерб, может не заметить многие, бросающиеся в глаза факты, сопутствовавшие преступлению, но не относящиеся к нему. Интерес зависит и от характера предмета и явления: необычное, новое, неожиданное вызывает, как правило, к себе больший интерес.

Направленность и интенсивность внимания зависят от того, произвольно ли оно или непроизвольно. Внимание к тем или иным обстоятельствам может быть обусловлено и воздействием со стороны — в частности указанием на них окружающих.

Отсюда при проверке и оценке показаний необходимо учитывать факторы, обуславливающие внимание дающего показания. Данные о таких факторах могут способствовать выяснению причин противоречий в показаниях различных лиц, неполноты освещения тех или иных обстоятельств, неточности и ошибок.

В связи с этим для обеспечения полноты и всесторонности исследования всех обстоятельств, связанных с преступлением, необходим допрос всех тех свидетелей, чьи показания могут иметь значение для дела, не опасаясь повторения сведений, уже освещенных в показаниях ранее допрошенных лиц. Повторения в показаниях обычно относятся к тем обстоятельствам, которые привлекают в силу своей яркости, необычности, эмоциональной напряженности всеобщее внимание. В то же время многие другие обстоятельства, могущие оказаться весьма существенными для дела, замечаются одними и остаются вне поля зрения других, ввиду различия в направленности интересов и внимания.

По этим же причинам необходимо учитывать факторы (как субъективного, так и объективного характера), влияющие на направленность и сосредоточенность внимания и при оценке показаний. А в процессе исследования показаний должны быть выяснены факторы, обусловившие внимание дающего показания к тем или иным обстоятельствам.

Значение мышления. Важное значение в восприятии, как и на других этапах формирования показаний, име-

же опознали их вещи. Свидетели обратили на них внимание, так как потерпевшая, выйдя из вагона с ребенком и вещами, задала им несколько вопросов о расположении камеры хранения, зала ожидания и т. п., а также воспользовалась их услугами в переноске вещей.

ет мышление. Оно реализует опыт и знания лица в процессе восприятия. «Орел, — писал Энгельс, — видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей»⁵¹.

Без мышления было бы невозможно осмысливание, понимание воспринимаемых объектов, их связей и отношений, а следовательно, и само восприятие. Всякое восприятие включает в себя суждение о воспринятом и часто связано с умозаключениями о нем. Участием мышления обуславливаются целостность восприятия, его широта и глубина. Восприятие находится в зависимости от уровня мышления, его направленности. То, что не доступно восприятию одного, доступно для восприятия другого, обладающего более высоким уровнем мышления. К тому же предметом показаний могут быть сведения о многих фактах, произошедших одновременно (например, по делам о крупных хищениях) и понятно, что в восприятии таких сведений роль мышления, как и памяти, еще более значительна.

При проверке и оценке показаний необходимо учитывать роль мышления в восприятии. Направленностью и уровнем мышления может быть объяснено, почему одним лицом события и явления были восприняты более полно и глубоко, чем другими, почему свойства и признаки предмета, воспринятые одними, остались не воспринятыми другими, а также могут быть объяснены причины противоречий в показаниях различных лиц. Вместе с тем надо иметь в виду, что участие мышления в восприятии может быть связано с одно-сторонностью его, привнесениями, ошибками; оно влияет на отбор материала, поскольку им определяется значимость его, определяет интерпретацию материала и является источником восполнения пробелов восприятия и памяти, а также подмены действительного обычным.

Так, примером восполнения воспринятого домыслами свидетеля может быть следующий случай. Свидетель дала показания о том, что обвиняемый, будучи в нетрезвом виде, вызвал нецензурными словами, дебоширил и оказал сопротивление работникам милиции, в связи с чем его связали полотенцами и отправили в отделение милиции. Последующим же допросом этого свидетеля было выяснено, что она не видела, как обвиняемый оказывал сопротивление работникам милиции, так как находилась в соседней комнате. Но она слышала, как он кричал и бранился, а затем видела,

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 490.

как милиционеры пронесли его, связанный полотенцами. Это и создало у нее впечатление, что он оказывал сопротивление работникам милиции.

Приведем пример неправильной интерпретации воспринятого. Потерпевший Б. скончался от большой потери крови, вызванной кровотечением из раны на ладони, которую он себе нанес при следующих обстоятельствах. Между Р. и М., родственником Б., завязался спор относительно собаки, которую М. держал на поводке. Во время спора М. резким движением вытащил из сапога нож. Б., наблюдавший спор, но не слышавший с достаточной конкретностью содержания их разговора, воспринял это движение М. следующим образом: он решил, что М. выхватил нож и занес его с тем, чтобы нанести удар Р. Б. схватил нож, поранив себе ладонь. Между тем, как было установлено следствием, умозаключение Б. не соответствовало действительности. М. утверждал, что он достал нож, чтобы отрезать поводок и отдать собаку Р., и это нашло свое подтверждение в других материалах дела, в частности в показаниях Р.

Значение эмоций. На процесс восприятия, а также сохранения в памяти и воспроизведения большое влияние оказывает эмоциональное отношение лица к происшедшему. Эмоциональная реакция, вызываемая преступным деянием, положением лица, совершившим преступление, и его семьи, состоянием потерпевшего и другими обстоятельствами, связанными с делом, направляет внимание свидетеля и потерпевшего на события, относящиеся к делу, и тем способствует восприятию и памяти. Эмоции имеют и отрицательное влияние на показания. Они могут придать одностороннюю направленность, соответствующую окраску показаниям, привести к существенным преувеличениям. Вместе с тем высокая степень эмоциональной напряженности поглощает внимание свидетеля и потерпевшего и отвлекает его от окружающего. Отвлекают внимание от предмета показания и эмоции, вызванные посторонними к нему явлениями⁵².

Важная роль в формировании показаний свидетелей и потерпевших принадлежит процессам памяти — запоминанию, сохранению в памяти воспринятого и воспроизведению⁵³.

Запоминание, запечатление образа воспринятого завершает восприятие и вместе с тем является исходным моментом процесса сохранения в памяти. Запоминание, указывает С. Л. Рубинштейн, «по существу не что иное, как реально

⁵² О влиянии эмоций на качество восприятия дающего показания см. А. Ф. Кони. Избранные произведения, т. 1. М., Госюриздат, 1959, стр. 163 и сл. (особенно стр. 164, 167, 180).

⁵³ См. литературу, указанную в сноске на стр. 55.

совершающийся процесс перехода — восприятия в память.⁵⁴ **Сохранение в памяти свидетелей и потерпевших воспринятых данных.** Сохранение в памяти воспринятого является необходимым условием формирования показаний. Причем предметом сохранения в памяти свидетелей и потерпевших является не образ, запечатленный в результате восприятия, а представления, складывающиеся в процессе воспроизведения, — мысленного или выраженного во внешнем мире. Потерпевшие, а часто и свидетели, еще до допроса их многократно мысленно обращаются к происшедшим событиям и воспроизводят их в своей памяти, а нередко и беседуют о них с окружающими.

Воспроизведение является повторением запечатленного и тем способствует прочности сохранения, но в то же время преобразующе воздействует на него. Представления в той или иной степени отличаются от образа воспринятого.

Полнота и точность сохранения воспринятого в известной мере зависит от срока, прошедшего с момента восприятия. Однако забывание не является простой функцией времени. Нередки такие случаи, когда то, что было совсем недавно, забывается, и, наоборот, давно прошедшие события прочно сохраняются в памяти. Здесь важное значение имеют многие другие факторы, в частности многие из рассмотренных выше факторов, влияющих на восприятие.

Существенно прежде всего то, сохраняет ли лицо в своей памяти материал непроизвольно или же сохранение носит преднамеренный характер. Причем в последнем случае может иметь значение, по каким причинам и с какой целью лицо стремится сохранить в памяти данные обстоятельства, когда оно поставило такую задачу (до или во время восприятия, немедленно после него или спустя тот или иной промежуток времени). Существенно и то, принимало ли оно меры к сохранению в памяти и если принимало, то какие именно, в частности, зафиксировало ли оно эти обстоятельства на бумаге и когда, при каких условиях, в какой форме. При непроизвольном сохранении воспринятого лицо может оказаться не в состоянии припомнить обстоятельств даже спустя небольшой срок. Так, подозреваемый в тяжелом преступлении, допрошенный всего через две недели после происшедшего, не смог дать правильные показания о своем времяпрепровождении в ночь с 30 на 31 мая. Между тем, как впоследствии было бесспорно установлено, он никакого отношения к преступлению не имел и, следовательно, не мог не понимать, что объективно правильные показания о его

⁵⁴ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, стр. 234.

⁵⁵ Представление — это образ предмета, воспроизводимый в отсутствие этого предмета на основе ранее имевшего место сенсорного воздействия его.

времяпрепровождении именно в эту ночь имели для него исключительно важное значение.

С другой стороны, когда лицо преднамеренно сохраняет в памяти те или иные обстоятельства, его показания, даже через много лет, могут полно и точно отразить воспринятые им. Так, по делу об убийстве выявленный в ходе следствия очевидец преступления, благодаря преднамеренности восприятия и сохранения, детально и точно изложил все воспринятые им обстоятельства спустя семь лет.

Важную роль в процессах памяти играют внимание, эмоции, мышление. Процессы памяти тоже носят избирательный характер. Лучше сохраняется в памяти то, что вызывает интерес дающего показания, представляется ему значительным или вызывает сильную эмоциональную реакцию. Так, по делу об отравлении свидетель, бывший близким другом потерпевшего, подробно сообщил все известное ему по делу, в частности содержание беседы с потерпевшим накануне его гибели, сказав: «Не удивляйтесь, что через четыре года я буду рассказывать вам много подробностей. Я не забыл их и не мог забыть. Всю жизнь я буду помнить их, это забыть нельзя».

Положительно отражаются на прочности сохранения в памяти те или иные обстоятельства, в силу которых было обращено внимание лица на данный предмет. Так, по делу об убийстве свидетельница опознала нож, кепку и портсигар (обнаруженные на месте убийства) и сообщила, кому они принадлежали, объяснив, что этим ножом она резала булку и редиску, кепку часто видела на А. и один раз надевала ее; портсигар ей показывал В.

Особенно хорошо сохраняется в памяти то, что было связано с действиями дающего показания, с его трудовым процессом: являлось предметом его деятельности или средством ее осуществления или, наоборот, препятствовало ей, а также то, что связано с профессией, родом занятий, служебными или общественными обязанностями. Так, по делу о хищении свидетель в своих показаниях от 4 января 1963 г. сообщил точные данные по следующим эпизодам: 1) О нескольких случаях перевозки железа по заданиям обвиняемого в 1960, 1961 и 1962 гг., причем он конкретно сообщил, сколько и при каких обстоятельствах он получал кровельного железа и как его грузил, указав, что каждые 5 листов он обернул мешковиной. 2) О том, как он осенью 1960 г., по просьбе обвиняемого, подал заявление от своего имени и получил для себя кровельное железо (б/у). Причем он точно воспроизвел обстоятельства, при которых обвиняемый просил его получить это железо, какого содержания он (свидетель) написал заявление, как он обращался к председателю местного комитета и какую резолюцию тот написал. 3) О том, что он

в конце июля или начале августа 1961 г. выполнял работу по укладке столбиков из кирпича для фундамента на даче у постороннего лица, указав точно, где и сколько дней он выполнял эту работу и что ему оплатили эту работу в следующем месяце. Если обстоятельства, связанные с выполнением свидетелем работы, он помнил подробно, то с другой стороны он не смог вспомнить, по какому наряду получил деньги за эту работу и какая работа была указана в наряде. Свидетель не смог указать этого наряда и по предъявлению ему всех нарядов, выписанных на него в тот период времени.

По этому же делу другой свидетель, допрошенный 1 февраля 1963 г. об обстоятельствах, имевших место в конце мая 1961 г., сообщил все существенное для дела. Свидетель показал, что когда он обратился к обвиняемому с просьбой помочь ему получить для ремонта своего дома кровельное железо (б/у), то обвиняемый сказал, чтобы он просил выписать большее количество листов, чем ему нужно, и значительную часть передал обвиняемому. Причем свидетель подробно и точно описал, при каких обстоятельствах ему было выписано кровельное железо, содержание поданного им заявления, порядок его рассмотрения и на какой машине он вез железо (самосвал ЗИЛ—150, номер оканчивается цифрой 64) и приметы шофера.

Сохранению и вместе с тем припоминанию может способствовать сопоставление обстоятельств, подлежащих выяснению по делу, но не привлечших внимание дающего показания, с другими обстоятельствами, представляющими для него интерес с тем, чтобы вызвать припоминание по ассоциации. Интересно в этом смысле дело по обвинению О., который утверждал, что в день преступления, 26 мая, он работал со своей бригадой и не мог быть в том месте, где было совершено преступление. В подтверждение своих слов он представил наряды на работу его бригады. При проверке его алиби было установлено, что время работы бригад указано в нарядах неправильно. Для того чтобы установить, начала ли работу бригада О. 26 или 27 мая, при допросе каждого свидетеля прежде всего выяснялось, какие события произошли в его жизни в конце мая и что могло запечатлеться в его памяти. Так, рабочие бригады Г. вспомнили, что они приступили к работе одновременно с бригадой О. и что последние кончили работу на два дня раньше их, а они окончили работу в понедельник. В равной мере и рабочие бригады О., забывшие в какие дни они работали, помнили, что приступили к работе одновременно с бригадой Г. Свидетели, в связи с различными событиями, сохранившимися в их памяти, смогли вспомнить, что бригада О. начала работу 27 мая.

Для полноты и точности сохранения в памяти индивидуальные особенности памяти каждого человека. Как тип памяти, так и ее качества. На полноту и точность остроты его состояния — физическое состояние, болевание, утомленность, оживание. А также положение его внимания вопросами, не связанными с предметом сохранения. На точности и полноте сохранения могут отразиться и внешние факторы, какие-либо события, стертые в памяти запечатленные сведения об обстоятельствах, могущих иметь значение для дела, разговоры окружающих, могущие быть источником реконструкции сохраняющихся в памяти данных и т. п.

Процессы памяти, в частности сохранение и припоминание, невозможны без активного участия в них мышления. Его значение определяется тем, что условием продуктивности этих процессов является осмысливание, понимание предмета памяти. Вместе с тем мышление регулирует отбор, систематизацию и обобщение материала, его уточнение и дополнение. В связи с этим мышление является и источником реконструкции сохраняемого материала, ошибок в припоминании.

Припоминание связано с сопоставлением материала как с другими событиями, так и его отдельных элементов между собой, с уточнением и дополнениями, с умозаключениями, выводами. Стремясь с наибольшей полнотой и точностью воспроизвести образ воспринятого, лицо восполняет забытое или расплывчато сохранившееся в памяти путем мыслительных операций. Это, с одной стороны, активизирует процессы памяти, а с другой — может привести к неточному, искаженному воспроизведению, к ошибкам и привнесениям. Источником привнесения здесь может быть фантазирование, подмена действительного обычным (привычными представлениями), внушение со стороны, вследствие чего сведения, воспринятые свидетелем, подменяются в его памяти тем, что он узнал из других источников (слышал со слов других лиц, прочел в газете и т. п.).

Воспроизведение свидетелями и потерпевшими в своих показаниях известных им данных. При даче показаний свидетели и потерпевшие воспроизводят воспринятые ими и сохранившиеся в их памяти обстоятельства.

Воспроизведение никогда не является механическим отоб-

⁵⁶ В зависимости от значения для запоминания и сохранения различных органов чувств различаются зрительный, слуховой, двигательный и смешанный тип памяти. Одни запоминают лучше то, что воспринято зрительно, другие при слуховом восприятии и т. п. По характеру материала и способу запоминания различаются наглядно-образный тип памяти (характеризующий лиц, лучше запоминающих предметы, картины и т. п.), словесно-отвлеченный (характеризующий лиц, запоминающих словесный материал, формулировки, понятия и т. п.) и промежуточный средний тип (см. «Психология», под ред. А. А. Смирнова и др., стр. 233—234).

ражением запечатленного при восприятии. Многое забывается, а сохранившийся в памяти материал в той или иной степени преобразуется. При воспроизведении, в том числе в процессе дачи показаний, лицо далеко не сразу реализует имеющийся в его памяти материал. Многое всплывает в памяти, вспоминается по мере дачи показаний. Процесс дачи показаний, как и всякое воспроизведение, носящее преднамеренный, целенаправленный характер и связанное с устным изложением материала, активизирует память, стимулирует припоминание.

В процессе воспроизведения, в особенности при припоминании, активно участвуют мышление и другие стороны психики, в частности важное значение имеют направленность интересов и эмоций свидетеля и потерпевшего. А это, с одной стороны, способствует продуктивности воспроизведения, а с другой — может быть источником реконструкции материала, ошибок и привнесений.

В связи с этими свойствами воспроизведения весьма важное значение для формирования показаний имеют особенности показаний как специфической формы воспроизведения. Эти особенности определяются следующим.

Во-первых, сознанием свидетеля и потерпевшего значимости своих показаний, тех последствий, с которыми они могут быть связаны. Если свидетели или потерпевшие не всегда понимают конкретное значение сообщаемых ими сведений, то каждый из них, за исключением, быть может, малолетних и психически неполноценных лиц, сознает (хотя бы потому, что он вызван на допрос), что его показания существуют для исхода дела; как для государственных интересов раскрытия преступления и изобличения виновного, так и для судьбы отдельных граждан, а в ряде случаев и для его собственной судьбы.

Во-вторых, отношением дающего показания к делу и к заинтересованным в деле лицам. Причем оно определяется не только личной заинтересованностью и личными взаимоотношениями свидетеля или потерпевшего, но и другими факторами: отношением к преступлению, пониманием или, наоборот, непониманием общественной опасности его, отношением к судебной репрессии, социальными симпатиями и антипатиями, национальными и религиозными пережитками, профессиональной круговой порукой, эмоциональной реакцией на само преступление или на положение причастных к нему лиц и тому подобное.

В-третьих, особенности показаний как формы воспроизведения определяются процессуальными условиями, в которых даются показания, процедурой и обстановкой допроса.

Все это имеет весьма существенное значение для формирования показаний.

Сознание значимости своих показаний, чувство ответственности свидетеля и потерпевшего, их отношение к исходу дела и к заинтересованным в деле лицам в сильной степени активизирует память, а в связи с этим мыслительную деятельность, соответственно направляет внимание и активизируют другие психические процессы. В свою очередь, допрос, если он проведен в соответствии с законом и тактически правильно, создает условия для активизации памяти и объективного изложения материала.

Но, с другой стороны, специфика условий воспроизведения при даче показаний может и отрицательно отразиться на их полноте и точности. Состояние взволнованности в той или иной степени, свойственная каждому дающему показания⁵⁷, а также необычная для него обстановка допроса может отрицательно отразиться на работе памяти, повысить степень внушаемости свидетеля и потерпевшего и их склонность к фантазированию. Отношение дающего показания к исходу дела и к заинтересованным в нем лицам, а также его эмоциональная реакция являются факторами, могущими определить соответствующую направленность, придать соответствующую окраску как припоминанию, так и изложению обстоятельств дела.

Процесс дачи показаний не сводится к функции памяти. В процессе дачи показаний мышление, эмоции и другие психические процессы являются факторами не только сопутствующими работе памяти, но имеют и самостоятельное значение. Конечно, идеальной является такая ситуация, когда показания являются продуктами только памяти, когда в формировании показаний другие психические процессы участвуют лишь постольку, поскольку это необходимо для продуктивной работы памяти. Однако практически это не так.

Свидетели и потерпевшие, правдиво сообщаящие известные им сведения, как правило, не относятся безразлично к выполняемой ими функции дачи показаний. В связи с этим мысленно воспроизведенные ими обстоятельства далеко не всегда непосредственно излагаются в показаниях. Свидетели и потерпевшие в процессе свободного рассказа излагают обычно не все известное им, а только то, что представляется им имеющим значение для следствия. Причем, прежде чем изложить те или иные обстоятельства или ответить на поставленный вопрос, свидетели и потерпевшие стремятся осмыслить значение сообщаемых ими сведений и обдумывают, как именно их изложить; какую направленность и очеред-

⁵⁷ А. Ф. Кони рассказывает, как он «был смущен и взволнован», когда он давал показания в качестве свидетеля «в той самой зале», в которой «сам в течение 10 лет допрашивал в качестве прокурора и председателя суда огромное число свидетелей» (А. Ф. Кони. Ук. соч., стр. 158).

ность придать излагаемым обстоятельствам, на что обратить внимание, а что оставить в тени, какими соображениями и аргументами прокомментировать излагаемые обстоятельства. К тому же правдивые показания могут быть результатом долгих раздумий над сложившейся ситуацией, результатом борьбы мотивов. Вместе с тем, для того чтобы не отступить от объективности в показаниях и не поддаться вольным или невольным попыткам внушения со стороны допрашивающих лиц, нередко необходимы усилия мысли и воли дающего показания. Если содержание показаний регулируется мышлением, то, в свою очередь, направленность мышления зависит от интересов и установок свидетеля или потерпевшего и от других сторон его психического склада, от его эмоционального отношения к обстоятельствам дела и участвующим в нем лицам, а также от его состояния. Показания свидетеля, как и потерпевшего, не являются обычно сухим, бесстрастным фотографированием мысленно воспроизведенных им представлений.

Фактором, влияющим на формирование показаний и могущим отразиться на достоверности их, является внушение. Со стороны лиц, внушающих что-либо дающему показания, оно может быть преднамеренным или непреднамеренным. В одних случаях это лицо по тем или иным соображениям ставит своей целью внушить что-либо свидетелю⁵⁸. В других случаях оно своими рассказами, вопросами, репликами непроизвольно влияет на содержание представлений, сохраняющихся в памяти свидетеля.

Внушение может иметь место не только в момент восприятия и в процессе сохранения, но и в процессе воспроизведения. Причем в последнем случае оно может иметь место как до допроса, так и во время допроса со стороны допрашивающих или участвующих в допросе лиц. В наибольшей степени, как известно, внушению подвержены несовершеннолетние. Но внушаемость может быть свойственна и взрослым.

Подверженность внушению свидетеля или потерпевшего зависит как от индивидуальных свойств личности и его состояния в момент допроса, так и в известной мере от сложившейся по делу ситуации, отношения к делу дающего по-

---

⁵⁸ В последнем случае внушение близко соприкасается с подговором к ложным показаниям, однако отличается от него. При подговоре дающий показания сознает, что он по просьбе того или иного лица сообщает заведомо неправильные, ложные сведения, а подговаривающий откровенно просит его об этом. При внушении же дающий показания не сознает это, а лицо, оказывающее влияние, преднамеренно внушая ему неправильные сведения, стремится, не открывая своего намерения, воздействовать на него. Однако практически различия между неправильными показаниями, являющимися результатом внушения и результатом подговора, во многих случаях неуловимы.

казания и значения для его интересов. Лицо, безразлично относящееся к делу и не связанное какими-либо отношениями с заинтересованными в нем лицами, легче поддается внушению. Для того чтобы снискать расположение представителей власти или хотя бы не портить с ними отношения, либо для того чтобы скорее избавиться от обременительных обязанностей, связанных с участием в процессе, либо просто в силу своей индифферентности, обывательски настроенное лицо уклоняется от истины и дает показания, которые, по его мнению, угодны допрашивающему.

Вместе с тем вероятность внушения возрастает, если оно направлено на получение сведений, благоприятных для интересов дающего показания; в частности в связи с этим потерпевшие нередко подвержены внушению в большей мере, чем свидетели. Наконец, способствует внушению неполнота и неточность знания свидетелем или потерпевшим тех обстоятельств, о которых они дают показания, их неуверенность в своих знаниях.

В связи со всем изложенным важное значение как фактор, влияющий на полноту и достоверность показаний, имеют порядок и условия допроса, а также порядок очных ставок и опознания: неуклонное соблюдение закона и надлежащая обстановка при проведении этих следственных действий, своевременная постановка тех или иных вопросов допрашиваемому, содержание и форма вопросов, их полнота, своевременное ознакомление допрашиваемого с имеющимися в деле доказательствами, а равно правильное применение всех других тактических приемов.

Процессуальный закон, устанавливая порядок допроса, предусматривает наиболее благоприятные условия для полноты и достоверности показаний и для ограждения лиц, дающих показания от влияния с чьей бы то ни было стороны.

Свидетели и потерпевшие допрашиваются порознь и в отсутствии других свидетелей (на предварительном следствии) или в отсутствии недопрошенных свидетелей (в суде), причем следователь обязан принимать меры для того, чтобы они не общались между собой. Свидетелям и потерпевшим разъясняется их долг показывать только правду и они предупреждаются об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Дача показаний свидетелями и потерпевшими начинается со свободного рассказа об известных им обстоятельствах. И лишь по окончании свободного изложения допрашиваемым ставятся вопросы следователем, а в судебном заседании — судьями и представителями обвинения и защиты и другими участниками судебного разбирательства. При этом закон запрещает наводящие вопросы. В полном соответствии с законом должны

находиться и тактические приемы допроса. В частности, не допустимы не только какие бы то ни было методы понуждения к показаниям, но и такие приемы допроса, которые могут повлечь внушение тех или иных данных допрашиваемому. Нельзя забывать, что в силу указанных выше специфических особенностей воспроизведения при даче показаний возможность внушения, его опасность в условиях допроса значительно возрастает.

При оценке показаний нужно учитывать, что ненадлежащая обстановка допроса или опознания, а равно преждевременное ознакомление свидетеля или потерпевшего с имеющимися в деле доказательствами, постановка вопросов допрашиваемому до окончания свободного рассказа, направленность и характер вопросов могут отразиться на показаниях. Все это может придать одностороннее направление мышлению и памяти свидетеля и потерпевшего и соответствующую окраску освещения ими обстоятельств дела, привести к искажению действительности.

При допросе свидетелей и потерпевших нельзя задавать им наводящие вопросы. Поставленный вопрос должен быть сформулирован таким образом, чтобы из него свидетель или потерпевший не могли бы извлечь какие-либо сведения об обстоятельствах, составляющих предмет их показаний. Недопустимы подсказывание дающему показания и уговаривание его дать показания такого содержания, которые по мнению допрашивающего соответствуют действительности. В равной мере недопустимо проведение допроса (или опознания) в такой обстановке, которая может привести к внушению.

Такие «приемы допроса», все еще иногда встречающиеся в практике, независимо от того, применяются ли они преднамеренно или в результате неопытности или небрежности допрашивающего, являются грубейшими нарушениями закона. Они несовместимы с требованием объективности, полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела и наносят ущерб, подчас непоправимый интересам установления истины.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу М., осужденного за убийство, в качестве одного из оснований к отмене приговора указано: «...как утверждал М., при выезде с ним на место происшествия и фотографии в ровании он показывал, как якобы совершил убийство Л. по подсказке К. и следователя Б. Эти объяснения М. не лишены некоторых оснований и подлежат тщательной проверке»⁵⁹.

В определении Верховного Суда СССР по делу осужденного О. к основаниям к отмене приговора отнесено, наряду

⁵⁹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 3, стр. 17.

с прочим, следующее: «Свидетель А. показала о всех обстоятельствах, предшествовавших опознанию О., и самого опознания, которые свидетельствуют о том, что расследование проводилось с нарушением ст. ст. 111—112 УПК РСФСР. Опознание О. за лицо, совершившее ограбление и убийство З., было произведено после настоячивых требований лиц, расследовавших дело, которые убеждали А. в том, что при первом опознании она ошиблась и что доказана виновность О.»⁶⁰.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР, отменившем приговор по делу осужденного С., указывается, в частности, следующее: «С. утверждал далее, что когда на шестой день после задержания в отделении милиции производили опознание, то его сначала показали потерпевшему, а потом поставили среди других лиц, приглашенных с улицы. Потерпевший Х. в судебном заседании подтвердил, что он видел С. в отделении милиции до того, как произвели опознание»⁶¹.

Внушающее воздействие могут оказать также поправки и реплики допрашивающего, а равно другие формы выражения его отношения к тому, что сообщает свидетель или потерпевший. Значение в этом смысле может иметь и неоднократное повторение вопросов, так как это может создать впечатление, что допрашивающий не удовлетворен тем, что сообщено в показаниях.

В связи с изложенным при оценке показаний следует учитывать обстановку и весь процесс допроса, в условиях которого были даны показания.

На достоверности показаний могут отразиться и индивидуальные особенности речи дающего показания. Не каждое лицо умеет достаточно ясно, полно и конкретно выражать свои мысли и в показаниях лица могут быть неточно изложены известные ему сведения. Неточность изложения или же неправильное понимание сообщенного в показаниях может быть связано с применением дающим показания местных или специальных (профессиональных) выражений и оборотов речи.

Необходимым условием объективно правильной оценки показаний свидетеля или потерпевшего является уяснение следователем и судьями всего сообщенного каждым из них. Между тем встречаются случаи, когда ошибки в оценке доказательств были допущены вследствие того, что следователь или судьи неправильно поняли показания или упустили какие-либо содержащиеся в них данные. Для того чтобы

⁶⁰ «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР». М., Юриздат, 1955, стр. 150.

⁶¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1958, № 4, стр. 36; см. также примеры на стр. 44 и 123—126 данной работы.

избежать такие ошибки, необходимо в процессе допроса по возможности устранить все то, что может препятствовать как правильному пониманию свидетелем или потерпевшим вопросов, которые ставятся перед ними, так и правильному пониманию их показаний и уточнить все неясное, недосказанное, двусмысленное в них.

При использовании же протоколов допроса свидетелей и потерпевших следует учитывать, что полнота и точность зафиксированных показаний во многом зависит как от качества проведенного допроса, так и от качества протоколирования.

В связи с изложенным важное значение для оценки показаний может иметь применение звукозаписи при допросе (разумеется, если она производилась в условиях, отвечающих требованиям закона). Она может способствовать уяснению показаний, выяснению обстановки и условий, в которых проходил допрос, установлению причин противоречий между ранее данными и новыми показаниями.

Таким образом, недостоверность добросовестных показаний может быть обусловлена различными причинами. К ним относятся следующие: 1) неблагоприятные условия (физические) восприятия, 2) физические или психические недостатки свидетеля или потерпевшего и его состояние, 3) избирательность, свойственная восприятию и памяти, а также предвзятость, односторонность отношения к тем или иным объектам, обусловленная направленностью личности, ее установкой или иными причинами, 4) подмена действительного обычным (привычными представлениями), домыслы, фантазирование и, в частности, восполнения за счет этого пробелов восприятия и памяти, 5) внушение со стороны, в частности во время допроса, 6) эмоциональная реакция на преступление и на поведение или состояние причастных к нему лиц и на другие обстоятельства, сопутствующие преступлению.

Ввиду всего изложенного выяснение условий, в которых происходило формирование показаний, и индивидуальных свойств дающего их лица необходимо в тех или иных пределах для оценки показаний любого свидетеля и потерпевшего, имеющих значение для дела. Но объем и пределы исследования этих обстоятельств зависят от конкретной ситуации каждого данного случая.

Вместе с тем при оценке показаний свидетелей и потерпевших должны учитываться изложенные далее особенности каждого из этих видов источников доказательств.

Глава четвертая

ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ

Показанием свидетеля является сообщение лица, привлеченного к участию в деле в качестве свидетеля, сделанное органам расследования или суду в установленном законом порядке об известных ему фактических обстоятельствах, могущих иметь значение для дела.

Свидетель — это лицо, привлеченное к участию в деле органами расследования или судом для того, чтобы сообщить известные ему сведения о фактических обстоятельствах, могущих иметь значение для дела (которыми оно располагало до привлечения его к делу в качестве свидетеля)⁶², и не участвующее в данном деле в качестве потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого.

В положение свидетеля в уголовном процессе лицо ставится решением органа расследования или суда о вызове его в качестве свидетеля. В силу такого решения лицо приобретает обязанности и права свидетеля и вступает в процессуальные отношения с судом, органами расследования и прокурорского надзора, а также с участниками процесса. В распорядительном и в судебном заседаниях это решение принимается в форме определения, а при предании суду судьей единолично — в форме постановления⁶³. В стадии предварительного расследования это решение не оформляется в каком-либо процессуальном акте, оно находит выражение в направлении повестки (телеграммы, телефонограммы)

---

⁶² Конечно, свидетель может сообщить и какие-либо сведения, ставшие ему известными после того как он вызван. Однако основанием для его вызова являются данные, указывающие на то, что он располагает сведениями об обстоятельствах, имеющих значение для дела (т. е. наличие у него таких сведений еще до его вызова).

⁶³ В стадии предания суду вопрос о лицах, подлежащих вызову в суд в качестве свидетелей, решается в том же определении (постановлении), в котором решается вопрос о предании суду.

о вызове свидетеля. При этом, поскольку решение о вызове того или иного лица в качестве свидетеля принимается органами расследования и судом на основе предположительных данных об его осведомленности об обстоятельствах дела, нередко лицо, дающее свидетельские показания, не сообщает никаких сведений, имеющих значение для дела. Но в таких случаях лицо не утрачивает процессуального положения свидетеля.

При решении вопроса о вызове того или иного лица в качестве свидетеля органы следствия и суд исходят из того, могут ли ему быть «известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу», причем свидетелем допускается любой, независимо от его отношения к делу (за исключением лиц, указанных в пп. 1 и 2 ст. 72 УПК). В соответствии с требованиями закона о полноте, всесторонности и объективности исследования каждое лицо, располагающее сведениями, могущими иметь значение для дела, должно быть вызвано в качестве свидетеля. В частности, органы следствия и суд должны удовлетворить ходатайство участника процесса о вызове свидетеля, если обстоятельства, для выяснения которых они просят его вызвать, имеют значение для дела (ст. ст. 131 и 276 УПК).

Свидетельские показания как источник доказательств отличаются от показаний потерпевших, подозреваемых и обвиняемых как по субъекту, так и по процессуальной природе и по предмету (содержанию).

Свидетель в отличие от потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, не является участником процесса и не обладает его правами. Роль и правовое положение свидетеля обуславливается тем, что он привлечен к участию в деле только для того, чтобы сообщить известные ему сведения.

В связи с этим специфика свидетельских показаний, их отличия от показаний других лиц проявляется при решении вопроса о том, могут ли иметь значение для дела показания того или иного лица и подлежит ли оно вызову в качестве свидетеля. Если для свидетеля дача показаний является обязанностью, то для потерпевшего это не только обязанность, но и право, а для подозреваемого и обвиняемого только право, но не обязанность. Потерпевшие, подозреваемые и обвиняемые используют это право для защиты своих интересов, и органы следствия и суд обязаны обеспечить возможность реализации его.

Вместе с тем показания названных лиц всегда имеют значение для дела, если не в целом, то в той или иной части. Поэтому как на предварительном следствии, так и в стадии судебного разбирательства вызов этих лиц на допрос и представление им возможности дать показания всегда обязательны. В отличие от этого вопрос о значении для дела

свидетельских показаний тех или иных лиц и о вызове их в качестве свидетелей, в том числе лиц опрошенных на предварительном следствии, решает органами следствия и судом в зависимости от обстоятельств данного дела.

С этой точки зрения свидетельские показания должны быть оценены следователем при составлении обвинительного заключения и судом в стадии предания суду при определении списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, а также судом в судебном заседании при решении вопроса о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей. В этом же смысле следователь и суд должны оценивать показания тех или иных лиц и в процессе исследования доказательств при решении вопроса о вызове новых свидетелей по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из участников процесса. Важность объективно правильной оценки свидетельских показаний в таком аспекте определяется тем, что допрос всех тех свидетелей, чьи показания имеют значение для дела, является необходимым условием полноты и всесторонности исследования обстоятельств этого дела.

По этим же причинам отличие показаний свидетелей от показаний потерпевших и обвиняемых проявляется и при оценке всего исследованного доказательственного материала по делу — при решении вопроса о полноте и всесторонности исследования его. Показания каждого потерпевшего и каждого обвиняемого должны обязательно содержаться в материалах как предварительного, так и судебного исследования, если только нет предусмотренных законом оснований к отсутствию их. Отсутствие показаний потерпевшего в материалах предварительного расследования оправдано лишь в тех случаях, когда допрос его по каким-либо причинам невозможен; а в материалах судебного разбирательства — в тех случаях, когда он, будучи вызван, не явился «по причинам, исключающим возможность его явки в суд» (ст. 287 и п. 2 ст. 286 УПК), или если судом будет признано возможным (при неявки его) «в отсутствие потерпевшего полное выяснение всех обстоятельств дела и защита его прав и законных интересов» (ст. 253 УПК)⁶⁴, что практически возможно в редких случаях. Показания же какого-либо обвиняемого могут отсутствовать в материалах дела лишь в случае его смерти, приостановления о нем дела, отказа его от дачи показаний и разбирательства дела судом в его отсутствие при условиях, предусмотренных пп. 1 или 2 ст. 246 УПК. При иных условиях отсутствие в деле показаний потерпев-

⁶⁴ Дела так называемого частного обвинения (если по делу не проводилось предварительного расследования) могут по ходатайству подсудимого рассматриваться в отсутствие потерпевшего, в случае его неявки без уважительной причины (ч. 2 ст. 253 УПК).

шего или обвиняемого. Это требование закона о полноте, всесторонности и объективности исследования и лишает возможности следователя и суд сделать выводы по делу.

В отличие от этого вопросы о том, исследованы ли по делу показания всех тех свидетелей, о которых необходимо, и не повлекло ли за собой односторонность или нестепену следствия отсутствие в деле свидетельских показаний тех или иных лиц, решаются органами следствия и судом применительно к каждому конкретному показанию соответственно с обстоятельствами данного дела. Оценка имеющихся в деле свидетельских показаний с этой точки зрения необходима по каждому делу как при окончании предварительного следствия, так и при постановлении приговора (а также при пересмотре приговора вышестоящим судом). Ибо полнота и всесторонность исследования является обязательным условием формирования объективно правильных выводов по делу в целом и решения вопроса о достоверности или недостоверности каждого отдельного показания. Нельзя дать объективно правильную оценку показаний каждого отдельного свидетеля, если остались неисследованными показания других свидетелей, имеющие значение для дела.

Решая вопрос о вызове того или иного свидетеля, а равно о том, отразилось ли на полноте и всесторонности исследования отсутствие в деле показаний тех или иных лиц, органы следствия и суд должны оценивать показания только с точки зрения того значения, которое могут иметь для дела сообщаемые в них сведения, и их допустимости. Но при этом они не вправе предвосхищать вопрос о доказательственной силе показаний того или иного лица: до тех пор пока свидетель не допрошен тем органом, который дает оценку его показаний, нельзя делать никаких выводов, даже предположительного характера, о достоверности или недостоверности его показаний.

Особенности показаний свидетелей в сравнении с показаниями других лиц, связанные с различиями их субъектов, имеют существенное значение и для решения вопроса о достоверности или недостоверности свидетельских показаний. Процессуальное положение свидетеля не может, как правило, оказать влияние на его отношение к делу или отразиться на других факторах, влияющих на достоверность показаний. В этом проявляется одна из существенных отличительных черт показаний свидетеля от показаний как подозреваемых и обвиняемых, так и потерпевших. Акт привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого отражается на его отношении к делу и на его процессуальном положении. В связи с этим он может породить те или иные факторы, отрицательно влияющие на достоверность показания или

стимулировать их развитие или способствовать отрицательному влиянию их на достоверность показаний. Значение в этом смысле может иметь и процессуальное положение потерпевшего.

В отличие от этого само по себе положение свидетеля в процессе не может, как правило, породить каких-либо факторов, отрицательно отражающихся на достоверности показаний, или стимулировать развитие таких факторов, или способствовать их отрицательному влиянию на показания.

Но сказанное, конечно, не означает, что процессуальным положением свидетеля предопределяется его отношение к делу. То или иное положение лица в процессе является, как указывалось, далеко не единственным фактором, обуславливающим его отношение к делу. Заинтересованность свидетеля в исходе дела возможна по самым различным причинам, лежащим вне сферы процессуальных отношений. А вопрос о вызове того или иного лица в качестве свидетеля решается в соответствии с законом независимо от его отношения к делу. Между тем заинтересованность в исходе дела лица, дающего показания, является одним из важных факторов, могущих отразиться на достоверности его показаний. Вывод же об отношении свидетеля к делу может быть сделан лишь на основе обстоятельств данного дела. В связи с чем этот вопрос может потребовать тщательного исследования.

В связи с изложенным нельзя, по нашему мнению, согласиться с определением свидетельского показания как сообщения «непричастного к совершению расследуемого преступления лица»⁶⁵. Закон не предъявляет подобного требования к свидетелям, и в практике в качестве свидетелей допрашиваются лица, участвовавшие (по данным следствия) в преступлении, но не привлеченные к уголовной ответственности (например, по возрасту, за истечением давности, по амнистии) или освобожденные от нее в порядке ст. 6—9 УПК. Такое требование ограничивало бы возможности расследования и практически было бы неосуществимо, так как обязывало бы следствие и суд, прежде чем вызывать то или иное лицо в качестве свидетеля, убедиться в его непричастности к преступлению. Нельзя также забывать, что вопрос о вызове того или иного лица в качестве свидетеля решается в процессе производства по делу, в ходе которого не всегда может быть точно выяснено его отношение к преступлению. А кроме того в качестве свидетеля подчас допрашиваются лица, в отношении которых есть данные, указывающие на их участие в преступлении, не дающие, однако, достаточ-

⁶⁵ Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в советском уголовном процессе, стр. 36.

ных оснований для привлечения их к уголовной ответственности. Следовательно, процессуальное положение лица, дающего показания в качестве свидетеля, не может служить основанием для того, чтобы предрешать вопрос об его отношении к делу, об его отношении к преступлению. Это со всей наглядностью выступает в следующем деле. В момент убийства на месте преступления находились Г. и С., и, по данным дела, удар ножом потерпевшему был нанесен одним из этих лиц. В качестве обвиняемого по делу был привлечен Г., а С. давал показания в качестве свидетеля. Ясно, что при такой ситуации отношение к С., как к лицу непричастному к преступлению, было бы предубеждением, причем не только в невинности С. и в правдивости его показаний, но и в виновности Г. — презюмированием его виновности и предвзятым отношением к его показаниям. А это несовместимо с интересами установления истины и принципами социалистического правосудия. И, как оказалось в результате дополнительного расследования, убийство совершил «свидетель» С., а не обвиняемый Г.

По делу подсудимых А. и К., преданных суду по обвинению в незаконном отстреле лося, суд вынес оправдательный приговор по следующим мотивам. Основанием для обвинения подсудимых послужили показания свидетелей Ш., Д. и В. Они утверждали, что в феврале месяце около двух часов ночи они встретили подсудимых в районе реки Шлина, которые везли завернутое в мешке мясо, а, проехав метров пятьсот по следу санок, свидетели обнаружили в кустарнике шкуру лося. На основании показаний этих свидетелей суд не считал возможным сделать обвинительные выводы, так как, по мнению суда, свидетели дали показания из опасения личной ответственности за браконьерство. Они сообщили об этом случае лишь после того, как шкура лося была обнаружена школьниками и по поселку пошел разговор, что лося отстреляли Ш. и Д. До этого же они никому не сообщили, а в момент, когда, по их словам, они встретили А. и К., они даже не пытались их задержать, хотя, по утверждению Ш., они пошли в лес для того, чтобы как общественные инспекторы проверить, на кого охотится К.

По делу Ч., осужденного за хулиганство и за неосторожное убийство Ч-ва, вышестоящий суд отменил приговор в кассационном порядке, в частности в связи с тем, что материалы дела давали основания подозревать в убийстве Ч-ва свидетеля-очевидца Л., уличавшего в этом осужденного. Свидетель утверждал, что Ч-в упал от толчка и удара осужденного, после чего умер. В результате дополнительного расследования было установлено, что в убийстве виновен не Ч., а свидетель Л., который и был осужден за это при новом рассмотрении дела.

Особенности свидетельских показаний в сравнении с показаниями потерпевших, подозреваемых и обвиняемых выражаются и в их процессуальной природе. Показания свидетелей — только источник показаний. В отличие от этого показания подозреваемых и обвиняемых, а также потерпевших являются не только источником доказательств, но и средством защиты их интересов. А это придает соответствующую направленность их показаниям, отражается на содержании их показаний.

Отсюда отличия свидетельских показаний и по их предмету (содержанию). Предмет свидетельских показаний может быть определен на основании ст. 74 УПК. Его составляют сведения о «любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу». К ним относятся сведения как о любом из обстоятельств, указанных в ст. 68 УПК, так и о доказательственных фактах, в том числе о фактах, могущих способствовать проверке и оценке доказательств, а равно обнаружению новых доказательств. Предмет свидетельских показаний составляют также данные, которые могут иметь значение для обнаружения и задержания подозреваемого или обвиняемого, местопребывание которых неизвестно, а также обнаружения ценностей и иного имущества, укрываемого от следствия и суда. Содержанием свидетельских показаний могут быть не только сведения о фактах, но и сведения об отсутствии тех или иных фактов, т. е. об отрицательных фактах.

Предметом свидетельских показаний могут быть также сведения справочного характера, необходимые для выяснения существенных по делу фактов, для их проверки и оценки. Например, о существующей в данном предприятии или организации системе учета и отчетности, о должном порядке проведения тех или иных мероприятий в данном учреждении, о технически правильном обращении с тем или иным агрегатом или продуктами и по многим другим вопросам.

Предмет свидетельских показаний ограничен лишь по источнику знания свидетелем сообщаемых им данных. Его составляют сведения, известные свидетелю благодаря восприятию: сведения, воспринятые им либо непосредственно, либо из определенного указанного им источника (со слов указанного им лица, из указанного им документа и т. п.)⁶⁶. Предметом свидетельских показаний не могут быть, помимо сведений, источник которых не известен свидетелю: 1) обстоятельства, которые стали известны данному свидетелю в связи с выполнением им обязанностей защитника обвиняемого и 2) обстоятельства, которые данное лицо не спо-

⁶⁶ Как указывалось, согласно ст. 74 УПК: «Не могут служить доказательством фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности».

способно правильно воспринять или о которых оно не способно давать правильные показания в силу физических и психических недостатков (ст. 72 УПК).

Предмет показаний свидетеля составляют только фактические данные, известные ему, но не доводы и объяснения фактов и не предположения (версии), могущие составлять предмет показаний как подозреваемых и обвиняемых, так и потерпевших⁶⁷.

Свидетелем в процессе изложения показаний, конечно, могут быть сообщены сведения, источник которых ему неизвестен и приведены объяснения фактов, высказаны догадки и предположения. Причем в некоторых случаях это может способствовать правильному построению следственных версий и изысканию путей к обнаружению и проверке доказательств. Однако все это не входит, по нашему мнению, в предмет свидетельских показаний.

Предмет (содержание) свидетельских показаний составляет, по нашему мнению, только то, что, с одной стороны, будучи облечено в процессуальную форму этих показаний, имеет соответствующее ей процессуальное значение, порождает обязанности и права, а, с другой стороны, вне этой формы лишено процессуального значения. Показания свидетелей — это только источник доказательств. Следовательно, процессуальное (в данном случае доказательственное) значение имеет в них только сообщение свидетеля об известных ему фактических данных: оно порождает обязанности и права проверить эти данные, дать им оценку и, если они подтвердятся, положить их в основу выводов по делу. В то же время вне процессуальной формы свидетельских показаний они не могут быть использованы в качестве доказательств. Содержащиеся же в показаниях предположения свидетеля, а также сведения, источник которых ему неизвестен, не порождают таких обязанностей и прав: они не только не могут быть положены в основу выводов по делу, но сами по себе не обязывают проверить их и не могут служить юридическим основанием для производства тех или иных следственных действий. Они могут быть использованы при построении версий, но и могут быть, если они не имеют почвы в фактических обстоятельствах дела, оставлены без последствий. В то

⁶⁷ В УПК Латвийской ССР соответствующая статья сформулирована так: «Свидетель может быть допрошен исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле, в том числе о личности обвиняемого и потерпевшего» (ст. 52). В УПК некоторых союзных республик, помимо нормы, соответствующей ст. 74 УПК РСФСР, в главе, посвященной порядку допроса свидетеля, содержится статья, гласящая, что «свидетеля можно допрашивать о фактах, касающихся данного дела, а также о личности обвиняемого и потерпевшего» (ст. 167 УПК УССР, см. также ст. 177 Литовской ССР). Такая же норма содержалась в УПК РСФСР 1923 г. (ст. 166).

время как версии, выдвинутые обвиняемым или потерпевшим, не могут быть оставлены без проверки. Если они отвергаются без проверки, как не имеющие оснований в материалах дела, то это должно быть мотивировано следствием и судом (в приговоре, обвинительном заключении и т. п.). А вместе с тем использование предположений свидетеля при построении версии возможно независимо от того, высказаны ли они им в процессе дачи показаний или вне допроса.

Всем этим определяется значение вопроса о суждениях и умозаклечениях свидетеля.

В связи с той ролью, которую играет мышление на всех этапах формирования показаний, любое показание свидетеля о любом обстоятельстве, воспринятом им, как и всякое сообщение того или иного лица о каком-либо факте, является (по своей логической природе) суждением свидетеля о сообщаемом им факте⁶⁸. Выраженное в показаниях свидетеля знание тех или иных фактов, в том числе непосредственно им воспринятых, неизбежно включает суждение свидетеля об этих фактах. Но суждения свидетеля, как и сами представления, воспроизводимые им в своих показаниях, могут быть и результатом его умозаклчений⁶⁹.

Следует различать, с одной стороны, показания, содержащие умозаклечения свидетеля о наличии или отсутствии фактов, которые им не восприняты или забыты, т. е. о которых он не располагает сведениями, удовлетворяющими требования закона по своему источнику — вывода свидетеля, сделанные на основе других, известных ему фактов. С другой стороны, показания, которые, хотя и включают умозаклечения свидетеля о сообщаемых им фактах, основанные на его опыте и знаниях, но содержание которых составляют сведения об известных ему фактах, им воспринятых и сохраненных в памяти.

Выводы свидетеля о фактах, им не воспринятых или забытых, не допускаются как доказательство и не могут составлять предмет его показаний. Они являются большей или меньшей степени вероятности предположениями, а подчас догадками свидетеля, но не знанием фактов, могущих удовлетворить правосудие⁷⁰. Такого характера умозаклечения и

⁶⁸ См. М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, стр. 229.

⁶⁹ О суждениях и умозаклечениях см. «Логика», под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца. М., Госполитиздат, 1956, стр. 69 и сл., стр. 124; В. И. Кириллов, П. Г. Зыков, А. А. Старченко, Ю. Д. Чураков. Логика. М., «Высшая школа», 1964, стр. 52, 90; М. С. Строгович. Логика. М., Госполитиздат, 1949, стр. 144 и сл., 207 и сл.; Бела Фогараш. Логика. Перев. с немец. М., ИЛ, 1959, стр. 217 и сл., стр. 251 и сл.

⁷⁰ О такого рода суждениях и умозаклечениях в показаниях свидетеля, обладающего специальными познаниями, см. ниже стр. 96.

трактуются в судебной практике как предположения свидетеля, не имеющие доказательственного значения. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу осужденного К. говорится: «Обвинение К. в том, что он эту сумму присвоил совместно с Б., основано на оговоре его Б. и на предположениях Л., Р. и П.

Когда Л., Р. и П. были допрошены в качестве свидетелей, они дали показания, основанные на умозаключениях: Л. показал, что «кассир делать такие операции один не мог, это дело не минуло рук старшего бухгалтера»; Р., что «кассир мошенничать без посторонней помощи никак не мог, так как документы хранились у бухгалтеров»; П., что «Б. сам брать деньги не мог, а ему способствовали те лица, которые принимали отчеты».

«Из таких показаний этих свидетелей, — указывается далее в постановлении, — вовсе нельзя прийти к выводу, что им что-либо известно о том, что К. оказывал помощь Б. в расхищении средств, а затем от него получал половину похищенного»⁷¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Б. указывается следующее: «Свидетель Г. на допросе 14 декабря 1959 г. в стадии предварительного следствия показала: «О том, что в упомянутом ведре имелось горючее вещество, я знаю потому, что заведующая магазином ранее того, когда Б. опрокинул ведро с водой, сказала: «Ах, ужас, опрокинул это горючее вещество». Кроме того, она сказала, что там находится керосин. В тот момент, когда заведующая магазином сказала, что в ведре находится горючее вещество, Б. находился ближе всего к нам обоим и, по моему мнению, он это должен был слышать...

Таким образом, утверждение свидетеля Г. о том, что Б. мог предполагать, что в ведре не вода, само, в свою очередь, предположительное и, кроме того, не подтверждается какими-либо материалами дела, в том числе и показаниями потерпевшей»⁷².

При проверке и оценке показаний свидетелей необходимо: 1) мысленно отделить такого рода умозаключения свидетеля от сообщаемых им фактических данных и отсеять их из доказательственного материала; 2) с максимальной конкретностью и точностью выяснить у свидетеля, на каких воспринятых им фактических данных основаны его умозаключения

Верховного Суда СССР.

⁷¹ Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., Юриздат, 1955, стр. 134—135.

⁷² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 1, стр. 23. См. также «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий по уголовным делам Верховного Суда РСФСР», М., Юридическая литература, 1964, стр. 370—371; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 7, стр. 9; 1952, № 2 стр. 3—4; 1953, № 4, стр. 11; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 6, стр. 23—24; 1965, № 1, стр. 21—22.

и использовать эти данные как доказательства и (если они получают подтверждение) сделать из них выводы.

Но грань между сообщением свидетеля об известных ему фактах и его умозаклЮчениях практически может быть трудно уловима. Проблемы восприятия и памяти, как это указывалось выше, свидетель восполняет, подчас сам того не сознавая, путем умозаклЮчений. Поэтому для того, чтобы было бы возможно при оценке показаний в таких случаях отделить умозаклЮчения свидетеля от известных ему фактов, необходимо в процессе исследования показаний выяснить у свидетеля с максимальной конкретностью и детальностью, что именно им было воспринято, при каких условиях и на каких ощущениях было основано восприятие сообщаемых данных⁷³.

Другого отношения к себе требуют умозаклЮчения свидетеля о воспринятых им и сохраненных в памяти фактах, в частности умозаклЮчения оценочного характера. Но и эти умозаклЮчения следует дифференцировать.

Не имеют доказательственного значения умозаклЮчения свидетеля, выраженные в обобщающей и неконкретизированной характеристике тех или иных событий, явлений или предметов и их свойств, признаков и состояний, например «учет и отчетность были запущены» или «обвиняемый вел себя плохо, неправильно» и тому подобные.

Иное значение могут иметь умозаклЮчения свидетеля, посредством которых он определяет конкретные свойства или признаки объекта восприятия, его состояние, принадлежность его к тому или иному виду или роду. Такие умозаклЮчения свидетеля являются результатом реализации им в процессе восприятия его знаний и опыта, и они способствуют осмысливанию, уяснению воспринимаемого объекта. Так, свидетель, дающий показание о том, что он «видел, как проехала шестиместная легковая автомашинна черного цвета, такой-то фирмы, такого-то года выпуска», не считал, сколько в этой

⁷³ Нельзя, по нашему мнению, согласиться с Л. М. Карнеевой, которая пишет: «Если высказанное мнение базируется на фактических данных, оно имеет доказательственное значение. Так, мнение потерпевшего о причастности к совершенной у него краже определенного лица, потому что у того видели похищенные вещи, в совокупности с другими доказательствами, является средством изобличения преступника. В равной мере имеет доказательственное значение объяснение свидетеля Ч., например, о том, что подделку документов совершил гр-н Н., так как только он имел к ним доступ, что подтверждают и другие свидетели». (См. Л. Карнеева. Показания свидетелей и потерпевших как средство доказывания. «Советская юстиция», 1964, № 18, стр. 14).

Доказательственное значение имеют здесь не мнения свидетелей и потерпевших, а те фактические данные, на которых они основаны, т. е. в первом случае тот факт, что потерпевший видел у определенного лица похищенную вещь, а во втором — что кроме гр. Н. никто не имел доступа к документам, в которых учинена подделка.

машине мест, не видел ее фирменного знака и клейма даты выпуска. Эти данные он определил благодаря своему опыту и знаниям по внешнему виду автомашины, сделав соответствующие умозаключения. Такие умозаключения свидетеля сопутствуют процессам восприятия и формирования представлений, являются составной частью этих процессов и неотделимы от них. Они входят в сами сведения о фактах свидетеля, т. е. знание свидетеля этих фактов включает умозаключения о них.

Показания свидетеля, являющиеся результатом такого рода умозаключений, как и всякое иное его суждение, могут быть истинными или ложными. Как и каждое показание, оно подлежит проверке и оценке по существу на основе всех обстоятельств дела в их совокупности. При этом необходимо наряду с прочим выяснить те признаки, по которым свидетель определил принадлежность предмета восприятия к тому или иному виду или роду и свойства предмета, а равно выяснить степень осведомленности свидетеля в этих вопросах. Однако с точки зрения доказательственного значения знание свидетеля, связанное с такого характера умозаключениями, не отличается от всякого иного знания свидетелем тех или иных фактов. Доступность для свидетеля тех сведений, которые он получил путем умозаключений, обусловлены его прежним опытом и знаниями (хотя они и не носят характер специальных познаний). Но любое восприятие свидетелем любого предмета предполагает знание им признаков его. И, давая оценку показаний свидетеля, связанного с такого характера умозаключениями, следствие и суд в основу своих выводов по делу (если признают показания достоверными) кладут не отдельные признаки, по которым свидетель определил свойства этого предмета, а сообщение свидетеля как таковое, т. е. в приведенном примере сведения о том, что проехала шестиместная автомашина такой-то фирмы, такого-то года выпуска. Строго говоря, и показание свидетеля о цвете автомашины является в определенной части его выводом. Он видел автомашину лишь с одной стороны и по ее окраске пришел к умозаключению о цвете другой стороны автомашины. Его показания были бы точнее, если бы он сказал «я видел, что проехавшая автомашина с правой стороны была черного цвета, а другую сторону я не видел». Однако показание, что «проехала автомашина черного цвета» не вызывает обычно необходимости таких уточнений, если по данным дела это обстоятельство не приобретает специального значения.

На умозаключении всегда основаны показания свидетеля о времени, весе, расстоянии, скорости движения и других данных, связанных с единицами измерения. Такие данные являются результатом умозаключения либо самого свидетеля

ля, либо других лиц. Однако они могут быть предметом свидетельских показаний. II вопрос об их доказательственном значении и силе решается в зависимости как от тех условий, в которых свидетель воспринимал их, и от индивидуальных качеств свидетеля (глазомера, способности определять течение времени и другие единицы измерения), так и от той степени точности, которая необходима по расследуемому делу⁷⁴.

Предметом свидетельских показаний могут быть обстоятельства, доступные для восприятия лишь лицам, обладающим специальными познаниями. Разумеется, что показания свидетеля, обладающего такими познаниями, не освобождают от необходимости назначения экспертизы. При исследовании обстоятельств, выяснение которых требует применения специальных познаний в науке или технике, искусстве или ремесле назначение экспертизы обязательно. Однако этим не предрешается вопрос о достоверности и доказательственной силе заключения эксперта и не лишается доказательственного значения показания свидетеля, обладающего специальными познаниями.

Реализуя свои специальные познания в процессе формирования показаний, свидетель делает на их основе соответствующие умозаключения. В связи с этим показания такого свидетеля по своему содержанию также могут быть двоякого характера.

В одних случаях они могут содержать сведения о фактах, воспринятых им и сообщенных следствию и суду благодаря своим специальным познаниям и недоступным для восприятия неспециалиста. Так, в показаниях врача-хирурга может сообщаться о переломе такой-то кости у больного, обнаруженном им путем медицинского осмотра больного и проведенной рентгеноскопии, в показаниях свидетеля — квалифицированного инженера могут содержаться конкретные технические данные, характеризующие состояние того или иного агрегата (наличие у него повреждений, отсутствие у него тех или иных приспособлений и т. п.), свидетельские показания товароведа могут содержать точные сведения о сорте, качестве и состоянии товара и т. п.

В других случаях в показаниях свидетеля могут сообщаться основанные на его специальных познаниях умозаключения об обстоятельствах, которые он не воспринял. Например, ревизор сообщает свои выводы о причинах недостачи, свидетель-инженер о причинах несчастного случая на производстве; врач, наблюдавший больного, — о причинах его смерти и т. д. и т. п.

⁷⁴ О тактических приемах допроса по этим вопросам и о путях проверки точности показаний свидетелей об этих данных см. Имре Кертэс. Ук. соч., стр. 52 и сл., 61 и сл., 73—74.

Показания свидетеля, обладающего специальными познаниями, содержащие лично им воспринятые сведения, ничем в этом смысле не отличаются от всякого иного свидетельского показания. Такого характера показания могут служить источником доказательств относительно сообщаемых в них фактов. Содержащиеся в них фактические данные могут быть использованы экспертом при даче заключения. В тех же случаях, когда нет достаточных данных для дачи заключения эксперта по тем или иным вопросам вследствие ли неповторимости исследуемых обстоятельств и отсутствия о них материальных следов или по другим причинам, показания свидетеля, обладающего специальными познаниями, после их надлежащей проверки и оценки, могут быть положены в основу выводов следствия и суда. Вместе с тем при помощи показаний таких свидетелей может быть проверено заключение экспертизы, а при наличии к тому оснований и отвергнуто следствием и судом.

Так, по делу о хищении, совершенном путем завышения объема работ, подсудимые оспаривали выводы экспертизы о том, что гранитные плиты для облицовки порталов получались в готовом виде и не нуждались в обработке. Это имело существенное значение для дела, так как на выполнение такой обработки плит были выписаны наряды и значились израсходованными соответствующие суммы денег. Возникла необходимость проверить, в каком состоянии поступали плиты. Ясно, что показания относительно этого обстоятельства могли дать только специалисты. В качестве свидетеля был вызван главный инженер комбината, поставлявшего плиты, ст. инженер и зав. складом комбината, которые показали, что плиты действительно нуждались в указанной обработке. В связи с этим экспертиза в соответствующей части изменила свое заключение.

По другому эпизоду этого же дела — о выписке фиктивных нарядов на бурение отверстий в плитах в целях раскола их — необходимо было выяснить, требовалась ли эта операция. По этому вопросу были допрошены в качестве свидетелей гранитчики, обрабатывавшие указанные плиты; они показали, что плиты не нуждались в бурении отверстий, так как были тонкими (10—12 см толщины) и что их раскалывали без бурения отверстий. Показания этих свидетелей суд положил в основу своих выводов.

Конечно, достоверность показаний свидетеля о фактах, воспринятых им благодаря его специальным познаниям, подлежит тщательной и всесторонней проверке и оценке. Необходимо, в частности, проверить, на чем основаны суждения свидетеля о таких обстоятельствах, которые недоступны для восприятия неспециалиста (например, что у больного был перелом такой-то кости или что агрегат характеризуется та-

лим то сообщением). Но проверка подлежит каждый источник доказательств — и любое показание свидетелей, и заключение эксперта, причем при проверке и оценке последнего также должны быть выяснены его основания.

Иного отношения к себе требуют показания свидетеля, содержащие основанные на его специальных познаниях выводы о невоспринятых им фактах. Они представляют собой своеобразный вид свидетельских показаний. Разумеется, что такие показания свидетеля не могут заменить заключение эксперта и на основе их следствие и суд не могут признать доказанными обстоятельства, о которых свидетель сделал выводы. Но своеобразие таких показаний выражается в том, что умозаключения свидетеля, обладающего специальными познаниями, не могут быть и отсеяны, как отсеиваются умозаключения иных свидетелей о невоспринятых ими фактах. Нельзя забывать, что такой свидетель может быть квалифицированным специалистом, а иногда даже значительно превышать эксперта по уровню своей квалификации в данной области познаний. Вместе с тем он может быть лицом, не заинтересованным в исходе дела, добросовестно и объективно выполняющим свои обязанности в процессе. Давая оценку всей совокупности обстоятельств дела, следствие и суд не могут оставить без внимания такого характера умозаключения свидетеля, обладающего специальными познаниями. Они должны быть учтены при формировании выводов по делу, в частности при оценке заключения эксперта относительно этих обстоятельств. И более того, опираясь на такие показания свидетеля, следствие и суд могут не согласиться с заключением экспертизы⁷⁵.

*

*   *

В соответствии с законом свидетель может быть допрошен и обязан давать показания о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу. Причем из этого правила закон не предусматривает никаких исключений, в частности свидетеля в преступлении.

Типичным для показаний свидетелей является сообщение сведений о действиях и поступках других лиц. Однако в практике сплошь и рядом лица, вызванные в качестве сви-

---

⁷⁵ Более подробно соображения автора об умозаключениях свидетеля и о показаниях свидетеля, обладающего специальными познаниями см. в его статье «Предмет свидетельских показаний». «Вестн. Моск. ун-та», сер. право, 1967, № 2.

детелей, допрашиваются и дают показания о своих поступках и действиях. Причем встречаются случаи, когда в качестве свидетеля допрашиваются лица, в отношении которых следствие располагает данными, указывающими на их виновность. И нередко допрос их как по содержанию, так и по форме ставящихся вопросов ничем не отличается от допроса подозреваемых и обвиняемых. Между тем подозреваемый и обвиняемый не обязаны давать показания и не несут ответственности ни за отказ от дачи показания, ни за дачу заведомо ложных показаний, в то время как свидетели несут уголовную ответственность за это и предупреждаются об ответственности в начале допроса. Такое искусственное превращение подозреваемых, а подчас и обвиняемых, на время допроса в свидетелей, вызывает справедливые возражения в нашей уголовно-процессуальной теории⁷⁶. Но в то же время в практике нередки такие ситуации, когда допрос свидетелей об обстоятельствах, связанных с их поступками и действиями, необходим и правомерен.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть вопрос о том, могут ли составлять предмет свидетельских показаний обстоятельства, связанные с поступками и действиями самого допрашиваемого свидетеля, об обстоятельствах, указывающих на причастность или, наоборот, на непричастность свидетеля к расследуемому преступлению. В зависимости от того, допустимы или недопустимы показания свидетеля о такого рода обстоятельствах, и если допустимы, то при каких условиях, должно определяться отношение следователя и суда к сообщаемым свидетелем сведениям об этих обстоятельствах при оценке их показаний.

Вопрос этот требует, по нашему мнению, рассмотрения в трех аспектах: 1) с точки зрения прав свидетеля, 2) с точки зрения обязанностей свидетеля и его ответственности, 3) с точки зрения прав допрашивающего лица.

Представляется бесспорным, что свидетель имеет право давать показания по такого рода обстоятельствам, причем как оправдывающего, так и самообличающего характера.

Если лицо, дающее показание в качестве свидетеля, является в действительности виновным в расследуемом преступлении и по тем или иным причинам изъявляет желание

⁷⁶ См. Н. Я. Калашникова. Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в советском уголовном процессе. Изд-во МГУ, 1966, стр. 6—7; Э. Ф. Куцова. Расширить процессуальные права свидетеля. «Советская юстиция», 1965, № 22, стр. 12; Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в советском уголовном процессе, стр. 16—17; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, стр. 306—307; М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., Юриздат, 1951, стр. 278; то же в отношении допроса и показаний потерпевшего см. В. М. Савицкий, И. И. Петеружа. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1963, стр. 137.

сообщить об обстоятельствах совершенного деяния, то никаких оснований лишать его этой возможности нет. Другое дело, что такие самообличающие показания свидетеля, как и всякие показания, существенные для дела, нуждаются во всесторонней и тщательной проверке и оценке по существу.

С другой стороны, нельзя отрицать права свидетеля сообщить данные о своих поступках и действиях, ограждающие его от угрожаемого ему, по его мнению, обвинения. В практике нередко встречается такая ситуация, когда лицо, вызванное в качестве свидетеля (обоснованно или необоснованно), опасается привлечения к уголовной ответственности. Причиной такого опасения могут быть обстоятельства, при которых совершено преступление, или должностное положение свидетеля, или имеющиеся у него сведения о материалах дела. В связи с этим свидетель может считать необходимым в своих показаниях сообщить сведения об обстоятельствах дела, указывающих на его непричастность к расследуемому преступлению, и, более того, в подтверждение этих обстоятельств сослаться на тех или иных свидетелей или на документы. Никаких правовых оснований воспрепятствовать свидетелю в сообщении таких сведений и в приведении ссылок на другие доказательства, по нашему мнению, нет. И, следовательно, не может вызвать сомнения, что в этом смысле такого рода обстоятельства могут составлять предмет показания свидетеля.

Но вменение в обязанность свидетеля давать показания об обстоятельствах, указывающих на его причастность к преступлению, представляется нам неправильным. Подозреваемый и обвиняемый не обязаны давать показания и не несут ответственности ни за отказ от дачи показаний, ни за дачу ложных показаний. Нельзя обязывать и свидетеля к самообличающим показаниям, да еще под страхом уголовной ответственности. Свидетель должен обладать правом отказаться от дачи показаний о таких обстоятельствах и не отвечать на соответствующие вопросы. Это представляется необходимым предусмотреть в законе⁷⁷.

Такого характера нормы известны истории нашего уголовно-процессуального законодательства. Так, Положение о полковых судах от 10 июля 1919 г. предусматривало, что «свидетель не обязан отвечать на вопросы, уличающие его самого в каком бы то ни было преступном деянии» (ст. 75).

⁷⁷ См. Н. Я. Калашникова. Ук. соч., стр. 6—7; Э. Ф. Куцова. Ук. соч., стр. 12; Я. О. Мотовиловкер. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Изд-во Томского ун-та, 1966, стр. 40 и сл.; И. Д. Перлов. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1958, стр. 219.

Эта же норма предусматривалась в Подзаконных актах
следователях от 30 сентября 1919 г. (ст. 681⁷⁸).

Наше последующее законодательство отказалось от такого характера норм; не знает его и наше современное законодательство. Однако в нашей следственной и судебной практике всегда действовало и действует неписаное правило, не допускающее уголовной ответственности лица, допрошенного в качестве свидетеля, за уклонение от дачи показаний или за ложные показания относительно обстоятельств, уличающих его самого в преступлении. В нашей практике не было и нет случаев привлечения к ответственности за лжесвидетельство (а равно за уклонение от дачи показаний) лиц, изобличенных в преступлении, совершение которого они категорически отрицали в своих показаниях, даваемых ими в качестве свидетелей еще до привлечения в качестве обвиняемых. Такие случаи невозможны в нашем уголовном процессе. По мнению И. Д. Перлова, и в условиях действующего советского законодательства «свидетель не обязан отвечать на вопросы, уличающие его в совершении какого-либо преступления»⁷⁹.

Нормы, освобождающие свидетелей от обязанностей давать показания относительно обстоятельств, указывающих на их виновность в преступлении, содержатся в уголовно-процессуальном законодательстве большинства зарубежных социалистических государств⁸⁰. Вместе с тем между кодексами указанных государств в регулировании этого вопроса есть определенные различия большего или меньшего значения. Они выражаются как в характеристике тех обстоятельств, о которых свидетель не обязан давать показания, так и в том, формулируется ли это положение как отсутствие у свидетеля обязанности отвечать на вопросы о такого рода обстоятельствах, или как право свидетеля не отвечать на такие вопросы, или же как право свидетеля вообще отказаться от дачи показаний в соответствующих случаях.

Так, по УПК Болгарии «свидетель не обязан отвечать на те вопросы, ответы на которые уличали бы его в преступлении» (ст. 56). Несколько иначе это положение выражено в УПК ГДР: «Каждый свидетель может отказаться от дачи объяснений по таким вопросам, ответы на которые могут

⁷⁸ «История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917—1954», под ред. С. А. Галунского. М., Госюриздат, 1955, стр. 95, 108.

⁷⁹ И. Д. Перлов. Ук. соч., стр. 219.

⁸⁰ «Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических государств». М., Госюриздат, 1956, стр. 100, 238—239, 417, 623, «Бюллетень чехословацкого права», 1962, № 3—4, стр. 242—244; «Службени лист», 1960, № 5, ст. 49 (единый текст УПК Югославии).

подвергнуть его самого... опасности уголовного судебного преследования» (ст. 49)⁸¹.

Еще шире круг вопросов, на которые свидетель не обязан отвечать, определен УПК Югославии: «Свидетель не должен отвечать на отдельные вопросы, если у него есть основания полагать, что этим он навлечет на себя... большой позор, значительный материальный ущерб или уголовное преследование» (ст. 222).

В УПК Чехословакии это право свидетеля формулируется как право вообще отказаться в таких случаях от дачи показаний. Согласно п. 2 ст. 100 «свидетель вправе отказаться дать свидетельские показания, если показаниями он причинил бы опасность уголовного преследования себе...»⁸². УПК Чехословакии, в отличие от УПК других названных государств, предусматривает обязанность разъяснить свидетелю его право отказаться в таких случаях от показаний (п. 1 ст. 101)⁸³.

Соответствующие правила следует, по нашему мнению, установить и в советском законодательстве. Представляется необходимым предусмотреть в процессуальном законе: 1) что свидетель имеет право не давать показания относительно обстоятельств, указывающих на его виновность в преступлении и не отвечать на вопросы, касающиеся таких обстоятельств; 2) что следственные органы и суд обязаны разъяснить свидетелю в начале допроса это его право; 3) что неразъяснение свидетелю этого права относится к числу таких существенных нарушений закона, которые лишают процессуального значения показания свидетеля о названных обстоятельствах. Соответственно и ст. 181 и 182 УК РСФСР следует дополнить указанием на то, что ответственность свидетеля за уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний не распространяется на его показания относительно обстоятельств, указывающих на его виновность в преступлении.

Обращаясь к вопросу, вправе ли следователь допрашивать свидетеля об обстоятельствах, указывающих на его причастность (или непричастность) к расследуемому преступлению, необходимо прежде всего подчеркнуть, что при-

---

⁸¹ Аналогично эта норма сформулирована в УПК Польши: «Свидетель имеет право не отвечать на вопросы, касающиеся обстоятельств, обнаружение которых могло бы повести к привлечению к ответственности его самого...» (ст. 96).

⁸² См. «Бюллетень чехословацкого права», 1962, № 3—4, стр. 243 (87).

⁸³ Обращает на себя внимание то, что УПК большинства названных государств, предусматривая обязанность предупреждения свидетеля об его праве отказаться от дачи показаний по иным, предусмотренным законом, причинам не обязывает разъяснить свидетелю такое право в данном случае.

знание за свидетелем права отказаться давать показания относительно таких обстоятельств не предпрещает ответа на этот вопрос.

В нашей уголовно-процессуальной теории и в практике указывалось на недопустимость допроса в качестве свидетелей лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. При наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения тому или иному лицу оно должно быть привлечено к ответственности и допрашиваться в качестве обвиняемого.

«Когда следователь, — указывает Р. Д. Рахунов, — приходит к выводу о необходимости привлечения в качестве обвиняемого определенного лица, он не вправе его предварительно вызвать в качестве свидетеля и не может ставить ему вопросы изобличающего характера»⁸⁴. Это правильное, на наш взгляд, положение в свете нового уголовно-процессуального законодательства следует дополнить указанием на неправомерность допроса в качестве свидетеля также и лиц, признаваемых в соответствии со ст. 52 УПК подозреваемыми — они должны допрашиваться только в качестве подозреваемых.

Недопустима и постановка свидетелю вопросов, содержащих в той или иной форме, прямо или косвенно утверждение о его виновности в расследуемом преступлении. Так, Верховный Суд СССР в определении по делу К., указал как на одно из грубых нарушений закона на следующее: «...следователь, допрашивая В. в качестве свидетеля, задавал ему вопросы как обвиняемому. Например, «расскажите, какие вы совершили уголовные преступления за период пребывания на ст. Рапля?», «При каких обстоятельствах Вы совершили кражу денег у стрелочника ст. Рапля — В.?» или «при каких обстоятельствах Вами была совершена кража денег у машиниста водокачки ст. Рапля — Л.?». При этом К. был предупрежден об ответственности по ст. ст. 92 и 95 УК РСФСР за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний»⁸⁵.

Допрос в качестве свидетелей лиц, при наличии достаточных данных для привлечения их в качестве обвиняемых, а равно при наличии предусмотренных ст. 52 УПК условий и равно при наличии предусмотренных ст. 52 УПК условий для признания их подозреваемыми, является нарушением закона. Это лишает возможности допрашиваемого реализовать права, которыми наделен подозреваемый и обвиняемый для своей защиты. Вместе с тем, поскольку в действующем законодательстве не предусмотрено, что свидетель освобождается от обязанности давать показания относительно обстоя-

⁸⁴ Р. Д. Рахунов. Ук. соч., стр. 16.

⁸⁵ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1954, № 3, стр. 16.

тельств, связанных с его участием в преступлении при допросе таких лиц в качестве свидетелей, они предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний.

Недопустимость допроса в качестве свидетелей подозреваемых и лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, не означает, однако, что свидетеля нельзя допрашивать о его поступках и действиях связанных с преступлением, об обстоятельствах, указывающих на его причастность (или непричастность) к расследуемому преступлению. Допрос свидетеля о такого рода обстоятельствах необходим в тех случаях, когда наряду с обвиняемым в преступлении участвовали лица, не достигшие возраста, по наступлению которого возможна уголовная ответственность. Последние допрашиваются в качестве свидетелей и предметом как допроса, так и показаний их в числе прочих обстоятельств являются совершенные ими действия. Аналогичное положение имеет место в тех случаях, когда кто-либо из участников преступления по тем или иным причинам освобожден от уголовной ответственности и дело о нем прекращено. Например, взяточдатель, освобожденный от ответственности, в связи с тем что после дачи взятки он добровольно заявил о случившемся; лицо, в отношении которого дело прекращено по амнистии или за истечением давности, или в порядке ст. 6—9 УПК.

Вместе с тем Р. Д. Рахунов правильно указывает, говоря о недопустимости допроса лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности в качестве свидетелей, что «речь идет, конечно, о тех случаях, когда необходимость привлечения данного лица у следователя не вызывает сомнений»⁸⁶. Между тем в ходе расследования, когда еще нет данных для вывода о том, кем совершено преступление, а во многих случаях, когда нет условий и для признания того или иного лица подозреваемым, постоянно возникает необходимость в допросе лиц, виновность которых в расследуемом преступлении в той или иной степени возможна. Было бы совершенно неправильно исключать из числа свидетелей таких лиц из опасения, что они впоследствии могут оказаться изобличенными в преступлении или хотя бы подозреваемыми, и тем ограничивать возможность раскрытия истины и нарушать требования закона о полноте и всесторонности расследования. Но при этом нередко допрос таких свидетелей был бы бесцелен и практически невозможен, если бы в ходе его не затрагивались обстоятельства, связанные с поступками и действиями самого свидетеля.

⁸⁶ Р. Д. Рахунов, Ук. соч., стр. 16.

Проиллюстрируем это на примерах. По делу об убийстве путем нанесения потерпевшему ножевого ранения в область сердца было с несомненностью установлено, что в момент убийства на месте преступления находились (помимо потерпевшего) три лица, но что убийство совершено одним из них; всякая иная версия исключалась. Из показаний свидетелей, слышавших происходившее, было очевидно, что на потерпевшего напал один из присутствовавших, а другие не принимали в этом никакого участия. Они пытались уговорить убийцу прекратить свои действия в отношении потерпевшего. Но свидетели не могли указать, кто именно совершил преступление, так как они не расслышали имен, а голоса им были незнакомы... Понятно, что при таких обстоятельствах допрос каждого из этих трех лиц необходим. Но первоначально их можно допрашивать только как свидетелей; привлечение всех троих в качестве подозреваемых было бы неправомерно, так как по данным дела двое из них непричастны к убийству. Допрашивая каждого из этих свидетелей, нельзя не поставить вопроса о том, кто нанес удар ножом потерпевшему, нельзя не выяснить во всех деталях, что в это время делали остальные присутствующие. Ясно, что при такой ситуации эти вопросы относятся к действиям и поступкам всех присутствовавших, в том числе и допрашиваемого свидетеля.

Аналогичное положение имеет место нередко по делам о нанесении телесных повреждений и убийствах в драке, в которой участвовало большое число лиц.

По делам, возбужденным в связи с выявлением недостачи и злоупотреблений в магазинах, столовых, на складах, на базах и т. п., обычно в начале следствия необходим допрос материально ответственных лиц, виновность которых вероятна. Но далеко не всегда первоначальные материалы дают основания для привлечения их в качестве подозреваемых. Аналогичное положение часто имеет место и по другим делам о должностных преступлениях, возбужденным по материалам ревизии, а также по делам о производственных травмах. В таких случаях обычно в начале расследования должны быть допрошены должностные лица, могущие в связи со своим должностным положением оказаться причастными к преступлениям.

Во всех подобных ситуациях допрос лиц, виновность которых в какой-то степени вероятна, необходим для расследования. Причем во многих случаях при допросе их неизбежна постановка вопросов относительно обстоятельств, связанных с поведением и действиями самого допрашиваемого. А поскольку нет оснований для допроса их как подозреваемых, они могут быть допрошены только в качестве свидетелей и в законе нет каких-либо норм, препятствующих это-

му. Запрет же такого допроса в подобных ситуациях либо привел бы к необоснованному привлечению граждан в качестве подозреваемых, либо парализовал бы деятельность органов расследования в осуществлении возложенных на них обязанностей, в частности требования полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела.

Вместе с тем далеко не всегда представляется возможным принять обоснованное решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, не выслушав его, не зная его показаний по существу обстоятельств преступления. В показаниях этого лица могут быть приведены данные, коренным образом меняющие перспективу дела или хотя бы ставящие под сомнение намечающиеся обвинительные выводы. Между тем если это лицо не является подозреваемым (согласно ст. 52 УПК), то оно может быть допрошено и в этих случаях только как свидетель, закон не знает иного пути получения его показаний. Отказ же от допроса его до привлечения в качестве обвиняемого может повлечь за собой неполноту и односторонность расследования, необоснованность обвинения, т. е. ущемление прав и законных интересов личности⁸⁷.

Важное значение в рассматриваемом аспекте имеет не только содержание, но и форма, и направленность вопросов. На допросе перед свидетелем не должны ставиться вопросы, в той или иной форме прямо или косвенно содержащие утверждение о его виновности. Вопросы такого характера недопустимы прежде всего потому, что они являются незаконной формой предъявления обвинения (или подозрения), формой, не предусмотренной законом и прямо ему противоречащей. Они выражают отношение следователя к свидетелю как к лицу виновному, по его мнению, в преступлении, т. е. по существу как к обвиняемому или хотя бы подозреваемому. Если такое мнение обосновано, то допрос лица в качестве свидетеля неправомерен. Если же оно не обосновано, а покоится на непроверенных, предположительных данных или на не заслуживающих доверия источниках, то такого характера воп-

⁸⁷ Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических стран, признающее за свидетелем право не отвечать на вопросы относительно обстоятельств, выяснение которых может повлечь привлечение его к ответственности, не запрещает постановку такого характера вопросов свидетелю. И более того, поскольку законы этих государств закрепляют за свидетелем право не отвечать на такие вопросы, то тем самым предполагается допустимость указанных вопросов. Это со всей очевидностью подтверждается тем, что УПК Польши (п. 1 ст. 93), УПК Чехословакии (ст. 99) и УПК Югославии (ст. 220), предусматривая, с одной стороны, запрет допроса свидетелей по тем или иным вопросам (например, об обстоятельствах, составляющих предмет государственной тайны), а с другой — право свидетеля отказаться от показаний по тем или иным вопросам, не относят вопросы об обстоятельствах, указывающих на виновность свидетеля к числу запрещенных, а предоставляет лишь право свидетелю не отвечать на них.

росы выражают необъективность, предвзятое отношение следователя, недопустимую для него предубежденность.

Вместе с тем такого характера вопросы, при отсутствии оснований для обвинения, унижают достоинство личности допрашиваемого и морально его травмируют. Они запугивают свидетеля и в связи с этим могут служить средством незаконного воздействия на него, незаконным методом понуждения к тем или иным показаниям. Они неправильны и с тактической точки зрения, ибо реакция свидетеля на них может отразиться на полноте и достоверности его показаний. Под влиянием такого рода вопросов из опасения ответственности все внимание и усилия свидетеля в процессе дачи показаний могут быть направлены на то, чтобы избежать привлечения к ответственности, что может вольно или невольно придать соответствующую окраску, одностороннюю направленность всем его показаниям.

Таким образом, обстоятельства, указывающие на причастность или непричастность допрашиваемого свидетеля к расследуемому преступлению, сведения об его поведении и действиях могут быть предметом свидетельских показаний. Показания свидетеля о таких обстоятельствах, полученные в установленном законом порядке, допустимы и подлежат оценке на общих основаниях как и все имеющиеся в деле доказательственные материалы.

Если же допрос свидетеля был проведен с нарушением закона, то это надо учитывать при оценке его показаний. В частности, такие нарушения закона, как допрос в качестве свидетеля лица, являющегося подозреваемым или подлежащего привлечению к ответственности и допросу в качестве обвиняемого, тем более, если он по содержанию и форме вопросов имел характер допроса подозреваемого или обвиняемого, могут существенно отразиться на полноте и точности показаний. Это, конечно, не дает оснований предпринимать вопрос о доказательственной силе и о значении показаний, полученных в условиях таких нарушений закона, безотносительно ко всей совокупности обстоятельств дела и к содержанию показаний. Они могут иметь как уличающий, так и реабилитирующий допрашиваемого характер, а также содержать доказательственные факты. Но, как правило, данные, содержащиеся в показаниях, полученных в таких условиях, не могут быть, по нашему мнению, использованы как доказательства, уличающие допрошенного, и должны быть отсеяны из доказательственного материала, обосновывающего обвинение его.

Наше законодательство не предусматривает ни запрета допроса свидетелей, ни право свидетеля отказаться от дачи показаний относительно обстоятельств, составляющих предмет государственной, служебной или профессиональной тай-

ны⁸⁸, т. е. не ограничивает в этом смысле предмета показаний свидетеля⁸⁹. Это представляется нам правильным.

Такого рода ограничения предмета свидетельских показаний для советского уголовного процесса, по нашему мнению, неприемлемы. Они были бы не оправданы и шли бы во вред интересам законности и правосудия. Охрана государственной тайны обеспечивается обязанностью суда рассматривать дело или отдельные эпизоды дела при закрытых дверях, когда этого требуют интересы государственной тайны. Ограждение интересов отдельных лиц — не разглашение интимных сторон их жизни — также гарантируется возможностью закрытого разбирательства дела или отдельных его эпизодов. Причем суд обязан неуклонно обеспечивать такие интересы участвующих в деле лиц. Ограничение же возможности допросить свидетеля по тем или иным обстоятельствам, будь то в интересах охраны государственной тайны или профессиональной тайны, было бы препятствием объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств дела и установления истины. К тому же право отказать от дачи показаний под предлогом «сохранения служебной тайны» создавало бы возможность для должностных лиц препятствовать разоблачению их незаконных, преступных действий.

Таким образом, предметом свидетельских показаний может быть любое обстоятельство, имеющее значение для дела. Закон не предусматривает в этом случае никаких ограничений. В основу выводов следствия и суда могут быть положены данные, сообщенные свидетелем (если, конечно, они получили подтверждение в результате проверки), о любых обстоятельствах, имеющих значение для дела. Закон ограничивает предмет свидетельских показаний лишь по источнику информации.

---

⁸⁸ Если защитник обвиняемого не может быть допрошен в качестве свидетеля относительно обстоятельств, ставших ему известными в связи с исполнением функции защиты, то это не значит, что закон ограждает профессиональную тайну адвоката. Эта норма призвана обеспечить осуществление права обвиняемого на защиту, она имеет в виду лиц, выполняющих процессуальную функцию защиты в конкретном деле, независимо от его профессиональной принадлежности, и охватывает лишь те обстоятельства, которые относятся к этому делу, а не весь комплекс вопросов, связанных с профессиональной деятельностью адвоката.

⁸⁹ Иначе этот вопрос решается в законодательстве большинства зарубежных социалистических государств, где предусматриваются такие запреты. См. ст. 48 УПК ГДР, ст. 93 УПК Польши, п. 2 ст. 141 УПК Румынии, ст. 99 УПК Чехословакии, п. 1 ст. 222 УПК Югославии.

Глава пятая

ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШИХ

Показания потерпевшего являются сообщением лица, признанного потерпевшим, сделанное органам расследования или суду в установленном законом порядке об известных ему фактических обстоятельствах, могущих иметь значение для дела и вместе с тем средством защиты потерпевшим своих законных интересов в процессе.

Показания потерпевшего по своим процессуальным, доказательственным свойствам имеют много общих черт со свидетельскими показаниями, во многом напоминают их. В своих показаниях потерпевший, как и свидетель, сообщает сведения о преступлении, в котором обвиняется другое лицо, и которыми он располагал до привлечения его для дачи информации. Он несет уголовную ответственность за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний и допрашивается по правилам, установленным для допроса свидетелей (ст. ст. 161 и 287 УПК).

Однако между показаниями потерпевшего и свидетелей есть и различия. И если законодательство, действовавшее до 1958 г., не знало показаний потерпевшего как особого источника доказательств, предусматривая допрос потерпевших в качестве свидетелей, то Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. выделили их в самостоятельный источник доказательств (ст. 16 Основ и ст. 69 УПК).

Показания потерпевшего отличаются от свидетельских показаний по своему субъекту. Они даются лицом, которому, по данным дела, расследуемым преступлением причинен моральный, физический или материальный вред и которое занимает процессуально-правовое положение участника процесса. Потерпевший наделен правами, обеспечивающими ему возможность искать удовлетворения своих законных

интересов, погрязших в преступлении. В частности, дача показаний не только обязанность, но и право потерпевшего.

Показания потерпевшего отличаются от показаний свидетеля в связи с этим и по своей процессуальной природе. Они не только источник доказательств, но и средство защиты интересов потерпевшего в уголовном процессе. Отсюда их отличие и по предмету, и по содержанию.

Доказательственное значение в показаниях потерпевшего, как и любого лица, имеют только сообщенные им фактические данные. Однако это не дает оснований согласиться с тем, что «предмет показаний потерпевшего не отличается от предмета показаний свидетеля»⁹⁰. Помимо фактических данных в показаниях потерпевшего может быть выражено его отношение к совершенному преступлению (что особенно важно по делам так называемого частного и частно-публичного обвинения) и могут содержаться его объяснения тех или иных фактов, выдвигаемые им версии и приведенные в их обоснование аргументы⁹¹, а также его ходатайства. УПК ряда союзных республик предусматривают, что потерпевший «вправе давать объяснения о фактических данных, являющихся доказательствами по делу»⁹², или что потерпевший может быть допрошен «по поводу имеющихся в деле доказательств»⁹³.

Вместе с тем УПК многих союзных республик предусматривают обязанность следователя разъяснить потерпевшему перед началом допроса его права⁹⁴. УПК Литовской ССР в статье 181 «Порядок вызова и допроса потерпевшего» предусматривает, что «следователь не вправе отказать потерпевшему в допросе свидетелей, производстве экспертизы и в собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, могут иметь значение для дела». Несомненно, что этим предопределяется возможность реализации потерпевшим в процессе дачи показа-

⁹⁰ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962, стр. 168.

⁹¹ См. Ц. М. Каз. Доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во Саратовск. ун-та, 1960, стр. 76; Л. Д. Кокорев. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Изд-во Воронежск. ун-та, 1964, стр. 26; его же. Оценка и проверка показаний потерпевшего в суде. «Советская юстиция», 1963, № 19, стр. 10; М. Л. Якуб. Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. Изд-во МГУ, 1963, стр. 7.

⁹² Ст. 54 УПК Эстонской ССР, ст. 55 УПК Латвийской ССР, ст. 60 УПК Киргизской ССР, ст. 61 УПК Армянской ССР, ст. 68 УПК Азербайджанской ССР.

⁹³ Ст. 61 УПК Молдавской ССР, ст. 82 УПК Литовской ССР.

⁹⁴ Ст. 135 УПК Эстонской ССР; ст. 150 УПК Киргизской ССР, ст. 152 УПК Армянской ССР, ст. 157 УПК Казахской ССР, ст. 159 УПК Грузинской ССР, ст. 161 УПК Белорусской ССР, ст. 161 УПК Туркменской ССР, ст. 162 УПК Латвийской ССР, ст. 180 УПК Азербайджанской ССР.

ний соответствующих прав, в частности прав на представление доказательств и заявление ходатайств.

Если ст. 75 УПК РСФСР, как и соответствующие статьи УПК ряда других союзных республик, не содержат таких положений (согласно ст. 136 УПК РСФСР права потерпевшему могут быть разъяснены при его явке не на допрос) и не предусматривают, что в показаниях потерпевшего могут приводиться доводы, объяснения фактов и версии, то это не значит, что потерпевший не вправе приводить их в своих показаниях. Следователь и суд обязаны обеспечить потерпевшему возможность осуществления его прав (ст. ст. 58, 136 УПК), а основной формой общения потерпевшего со следователем является общение на допросе и было бы неправомерным препятствовать реализации потерпевшим своих прав как участника процесса при даче показаний. Вместе с тем версии, аргументы и ходатайства потерпевшего обычно по существу органически связаны с его сообщением об известных ему фактах. Если все эти элементы в показаниях потерпевшего не имеют доказательственного значения, то они влияют на процесс доказывания и его пределы: следствие и суд обязаны проверить объяснения, версии и доводы потерпевшего как участника процесса, выполнить его ходатайства, заслуживающие удовлетворения.

Если свидетель дает показания главным образом о поступках и действиях других лиц и вопрос о том, могут ли быть предметом свидетельских показаний поведение и действия самого свидетеля, потребовал специального рассмотрения, то применительно к предмету показаний потерпевшего такого вопроса не возникает.

Преступные действия, инкрименируемые обвиняемому, могут быть так или иначе связаны с поведением и поступками потерпевшего. Нередко обвиняемый объясняет свои действия поведением и поступками самого потерпевшего. Необходимость освещения в показаниях потерпевшего его пошлость и действий со всей очевидностью выступает в тех случаях, когда возникает вопрос о состоянии аффекта обвиняемого или о состоянии необходимой обороны (и, конечно, при превышении ее пределов). Поэтому выяснение поведения и поступков потерпевшего может иметь значение для исследования обстоятельств расследуемого деяния — в одних случаях для разрешения вопроса о противоправности совершенных обвиняемым действий, в других — для установления степени его вины. Потерпевший вправе давать о них показания и может быть о них допрошен в тех пределах, в которых это необходимо по обстоятельствам дела. Но, разумеется, что при исследовании этих обстоятельств должны быть ограждены интересы потерпевшего от неосновательных, оскорбительных, унижающих достоинство выпадов. Они мо-

тут имеет место обвинение со стороны обвиняемого, пытающегося доказать правдивость своих действий путем декриминации потерпевшего (что встречается, например, по делам об изнасиловании).

В нашей литературе правильно указывалось на то, что встречающиеся в практике необоснованные выкладки в адрес потерпевшего недопустимы. «Иногда защитники обвиняемых, — пишет Н. Д. Перлов, — прилагали немалые усилия для того, чтобы очернить в суде потерпевшего и тем самым обелить подсудимого, представить потерпевшего в неблагоприятном свете, пытались иногда искать причину совершенного преступления не в обвиняемом, а в потерпевшем. Разве нельзя было наблюдать на некоторых судах допросы потерпевших «с пристрастием», при которых потерпевший чувствовал себя хуже подсудимого? А сколько черных красок употреблялось в защитительных речах отдельных адвокатов для того, чтобы в кривом зеркале изобразить жертву преступления и такими недозволенными средствами для советского адвоката добиться смягчения вины и ответственности подсудимого»⁹⁵.

В то же время потерпевшему, как и свидетелю, должно быть, по нашему мнению, предоставлено право отказаться от освидетельствования в своих показаниях обстоятельств, могущих указывать на его причастность к расследуемому преступлению и от ответа на соответствующие вопросы. Вместе с тем следует предусмотреть обязанность разъяснения потерпевшему этого права при предупреждении его об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УК.

Для потерпевшего в отличие от свидетеля дача показаний не только обязанность, но и прежде всего право⁹⁶. Органы расследования и суд обязаны допросить потерпевшего, независимо от того, считают ли они это необходимым по существу обстоятельств дела или нет. Потерпевший вправе требовать допроса его на любом этапе расследования, а если проведенный допрос его не удовлетворяет — вторичного допроса. Требования потерпевшего подлежат удовлетворению.

Право потерпевшего давать показания имеет значение и для характеристики предмета его показаний. Потерпевший, по нашему мнению, вправе давать показания о любых обстоятельствах, о которых он найдет нужным сообщить органам расследования и суду. Причем последние не вправе

⁹⁵ Н. Д. Перлов. Об основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В сб. «Важный этап в развитии советского права». М., Госюриздат, 1960, стр. 61.

⁹⁶ См. В. М. Савицкий. Потерпевший. В кн. «Демократические основы советского социалистического правосудия». М., «Наука», 1965, стр. 260.

воспрепятствовать освещению потерпевшим в своих показаниях тех или иных обстоятельств по тем мотивам, что они, по мнению следователя или суда, не относятся к делу. Разумеется, что следователь или суд могут указать потерпевшему на то, что сообщаемые им обстоятельства не относятся к делу и разъяснить почему. Однако если потерпевший, несмотря на такие разъяснения, сочтет необходимым сообщить их, то было бы неправомерно лишать его такой возможности.

Специфические черты показаний потерпевшего дают основание характеризовать их как особый, самостоятельный источник доказательств. Они могут отразиться на процессе формирования показаний, а потому должны учитываться при исследовании и оценке их. В связи с этим нельзя согласиться с тем, что показания потерпевшего являются разновидностью свидетельских показаний и что выделение их самостоятельный источник доказательств неоправдано.

*
*   *

В указанных выше свойствах проявляются не только отличия показаний потерпевшего от свидетельских показаний, но и черты сходства их с показаниями обвиняемого. Последние также даются лицом, заинтересованным в деле и занимающим процессуально-правовое положение участника процесса; они являются не только источником доказательств, но и средством защиты интересов их субъекта и помимо фактических данных могут содержать объяснения фактов, версий и аргументы, а также ходатайства. Иногда возможны даже такие ситуации, при которых показания потерпевшего по своим свойствам как источник доказательств весьма близки к показаниям обвиняемого. Это может иметь место по делам частного обвинения при наличии встречной жалобы обвиняемого. Такая ситуация возможна и по другим делам в тех случаях, когда для потерпевшего показания служат не только средством обличения обвиняемого, но и защиты от угрожаемого ему самому (по его мнению) обвинения. Например, если обвиняемому вменяется в вину преступление, совершенное с превышением пределов необходимой обороны, вызванной действиями потерпевшего.

Но, разумеется, что показания потерпевшего, несмотря на черты сходства их с показаниями обвиняемого, существенно от них отличаются. Это отличие обусловливается различным положением в деле их субъектов. В связи с этим различно и отношение к делу потерпевшего и обвиняемого. Оно существенно отличается как по направленности и форме интересов, так и по степени заинтересованности в исходе дела.

Нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что заинтересованность потерпевшего носит односторонний характер: направлена на привлечение к ответственности и наказанию лица, которое, по мнению потерпевшего, виновно в совершении преступления, на то, чтобы обосновать ущерб, причиненный преступлением, и добиться его возмещения⁹⁷.

Такой схематизм в характеристике отношения к делу потерпевшего не основан на практике, а потому неправилен по существу⁹⁸. Мотивы, которыми определяется отношение потерпевшего к делу и его позиция в процессе, крайне разнообразны. Причем эти мотивы зависят не только от характера и степени причиненного вреда. Они зависят и от условий, в которых было совершено преступление, и во многом от индивидуальных свойств потерпевшего, условий его жизни и деятельности, отношения к виновному и других причин.

В связи с этим и отношение потерпевшего к интересам открытия истины по делу может быть различным. В одних случаях потерпевший заинтересован в раскрытии истины, в других — для его интересов безразлично, будет ли по делу установлена истина, в-третьих, он заинтересован в том, чтобы воспрепятствовать раскрытию преступления и изобличению виновных, т. е. установлению истины, и, наконец, в-четвертых — потерпевший заинтересован в доказывании обстоятельств, заведомо для него, не имевших места в действительности, что также является формой воспрепятствования раскрытию истины.

Интересы потерпевшего полностью соответствуют задаче установления истины в тех случаях, когда потерпевший заин-

---

⁹⁷ См. В. М. Савицкий, И. И. Петеружа. Ук. соч., стр. 152. Также характеризует отношение к делу потерпевшего В. А. Дубриный, он указывает на, «как правило, враждебное отношение потерпевшего к обвиняемому и его особую заинтересованность в деле», что «потерпевший, как правило, заинтересован в наказании обвиняемого» (В. А. Дубриный. Доказательственное значение показаний потерпевшего на предварительном следствии. «Уч. зап. Саратовск. юрид. ин-та», вып. 10, 1962, стр. 108, 118). Но вместе с тем он указывает и на возможность иного отношения потерпевшего к обвиняемому (там же, стр. 108).

⁹⁸ На неправильность трафаретного предвзятого подхода к показаниям потерпевшего как лица, заинтересованного в исходе дела, правильно указывает Л. Д. Кокорев. Но он ограничивается классификацией потерпевших в этом смысле на две группы: 1) потерпевших, находящихся в неприязненных отношениях с обвиняемым, что в какой-то мере повлияло на преступление и 2) потерпевших, которые не были связаны с обвиняемым какими-либо отношениями, указывая при этом, что «их заинтересованность, как правило, сводится к тому, чтобы преступление как можно более быстро и полно было раскрыто, а преступник понес наказание» (Л. Д. Кокорев. Ук. соч., стр. 28; его же. Оценка и проверка показаний потерпевших судом. «Советская юстиция», 1963, № 19, стр. 10—11). Такая классификация представляется нам недостаточной, не отражающей многообразия форм отношения потерпевшего к делу.

тересован в раскрытии преступления и изобличении подлинного виновника его.

Безразличное отношение потерпевшего к интересам раскрытия истины возможно в различных формах. Потерпевший, нередко будучи заинтересован в осуждении определенного лица, безразлично относится к тому, действительно ли оно виновно в преступлении. Это может быть, например, из-за личных взаимоотношений с ним или из соображений материальной заинтересованности, когда осуждение данного лица обеспечивает реальное возмещение ущерба, причиненного преступлением, в то время как осуждение другого лица или же необходимость дальнейших мер по обнаружению виновного может оставить без результатов притязания потерпевшего. При таком отношении к делу потерпевшего его интересы соответствуют задаче установления истины лишь в тех случаях, когда лицо, в осуждении которого он заинтересован, действительно виновно в преступлении.

Возможна и такая ситуация, когда потерпевшему безразлично, кто будет осужден. Ему важно лишь признание того, что причиной причиненного ущерба является преступное посягательство. Такая ситуация встречается, например, в тех случаях, когда потерпевшему необходимо снять с себя ответственность за повреждение или пропажу вверенных ему ценностей, либо обеспечить возмещение причиненного ему ущерба, либо объяснить причины своих поступков, не соответствующих правилам социалистического общежития.

Наконец, безразличное отношение потерпевшего к задаче установления истины может выразиться и в отсутствии у потерпевшего какого бы то ни было интереса к делу. Это имеет место, например, в случаях, когда он заинтересован только в том, чтобы оградить себя по возможности от обременительных обязанностей, связанных с участием в процессе, и от угрозы мести со стороны виновного и его близких.

В различных формах возможна и заинтересованность потерпевшего в воспрепятствовании раскрытию истины. Он может быть заинтересован в воспрепятствовании либо установлению отдельных обстоятельств, связанных с преступлением, либо установлению самого события преступления, либо изобличению виновного в нем лица. Как справедливо указывает Р. Д. Рахунов, «в практике встречаются случаи, когда потерпевший, исходя из каких-либо личных побуждений и в противоречии с объективной действительностью, выгораживает подсудимого и мешает установлению истины»⁹⁹.

Такое отношение к делу потерпевшего может быть вызвано, например, характером взаимоотношений с виновным, а

⁹⁹ Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., Госюриздат, 1961, стр. 219.

также чувством жалости к нему и к его семье, чувством стыда и опасения за свою репутацию, опасениями ответственности.

По делу по обвинению К. и др. по ч. III ст. 117 и ст. 15 УК потерпевшая Б-ва после того, как она давала показания об обстоятельствах преступления, подала заявление с просьбой прекратить дело, указывая, что дело отражается на ее учебе и морально «на ее молодой жизни» и просила повестку о вызове в суд не присылать.

В отделение милиции был доставлен гр. Т., обнаруженный избитым и ограбленным. Как было установлено, он выпивал с двумя женщинами, с которыми он познакомился на улице, а затем они его избили и ограбили. Они похитили у него полученную за отпуск зарплату и путевку в санаторий. Все эти факты гр. Т. отрицал, опасаясь огласки своих поступков перед коллективом, в котором он работал.

В протесте заместителя Генерального Прокурора СССР по делу Л. и других, осужденных за ограбление, поставлена под сомнение достоверность показаний потерпевшего, положенных в основу приговора, ибо «не исключено, что потерпевший дал показания об ограблении его Л. и другими, чтобы уйти от ответственности за причиненные тяжкие телесные повреждения»¹⁰⁰.

С другой стороны, потерпевший может быть заинтересован в осуждении невинного, заведомо зная, что преступление совершено не этим, а другим лицом. Это может быть вызвано как указанными выше причинами, в силу которых потерпевший заинтересован в осуждении данного лица, так и стремлением оградить от ответственности лицо, действительно совершившее преступление.

Потерпевший нередко заинтересован в преувеличении степени вины преступника и размера причиненного ущерба. Это может иметь место, например, из корыстных соображений или из опасения личной ответственности, когда преступление является реакцией на действия самого потерпевшего, в частности по делам о телесных повреждениях, совершенных с превышением пределов необходимой обороны.

Наконец, практике известны случаи, когда лицо стремится предстать перед следствием и судом в качестве потерпевшего, в то время как в действительности никакого посягательства не было. Примером этого могут быть инсценировки ограблений и разбойных нападений на магазины, склады, палатки, кассы с целью сокрытия совершенных хищений. Такие ситуации возможны и по другим делам.

Заинтересованность потерпевшего отличается от заинтересованности обвиняемого и по степени ее. Исход дела

¹⁰⁰ «Социалистическая законность», 1958, № 4, стр. 94—95.

обычно не имеет для потерпевшего такого значения, которое он имеет для обвиняемого. К тому же нередко к моменту рассмотрения дела заинтересованность потерпевшего сведена до минимума. Она может быть смягчена временем, действиями обвиняемого по заглаживанию причиненного вреда или полным возмещением ущерба. А подчас потерпевший вообще безразлично относится к делу, будучи заинтересован только в том, чтобы его не обременяли обязанности, связанные с участием в деле.

Все эти особенности показаний потерпевшего необходимо учитывать при исследовании и оценке их.

Если при решении вопроса о вызове того или иного лица в качестве свидетеля необходимо определить, относятся ли его показания к делу, то в отношении потерпевшего такого вопроса не возникает. Потерпевший обязательно должен быть допрошен в стадии предварительного расследования, если к этому нет непреодолимых препятствий и в суде, если нет предусмотренных законом оснований к рассмотрению дела в отсутствие неявившегося потерпевшего. Это объясняется, во-первых, процессуальным положением потерпевшего: поскольку он является участником процесса, дача показаний—одно из гарантированных законом его прав, и, во-вторых, тем, что сведения, сообщаемые в показаниях потерпевшего, полностью или в той или иной части всегда являются относящимися к делу. Лицо, признанное потерпевшим, если оно признано таковым не ошибочно, не может не располагать теми или иными сведениями, имеющими значение для дела¹⁰¹. И более того, во многих случаях потерпевший обладает большими и более точными сведениями, чем свидетель. Нередко он является единственным очевидцем преступления или единственным лицом, которое может описать внешние признаки преступника или предмета посягательства и опознать их или подробно и точно сообщить об ущербе, причиненном преступлением.

Потерпевшему должно быть разъяснено право и обеспечена возможность не только сообщить все известные ему фактические данные, но и изложить свои соображения по делу, сообщить возникшие у него версии и свои объяснения относительно тех или иных данных дела, привести соответствующие аргументы, а также заявить ходатайства. При этом у потерпевшего необходимо выяснить со всей полнотой и конкретностью все те известные ему фактические данные, на которых основаны его версии и доводы, а также возможные

¹⁰¹ См. В. М. Савицкий, И. И. Петеружа. Ук. соч., стр. 146—147. Допрос потерпевшего имеет значение и в тех случаях, когда в его результате оказалось, что потерпевший не располагает какими-либо сведениями, относящимися к делу, ибо это может указывать на ошибочность решения о признании его потерпевшим.

пути и источники установления их. В противном случае это будет потерпевшего рельефно доказывать факты, относящиеся к делу, данные, сообщенные им, от его версий, мнений и т. п.

Версии и доводы потерпевшего, а равно его показания не могут быть оставлены без внимания или формально отвергнуты. Потерпевший — участник процесса, его показания субъект, и в связи с этим его объяснения и доводы, его ходатайства возлагают соответствующие обязанности на следствие и суд¹⁰². Они обязаны принять решение об удовлетворении или отклонении ходатайств потерпевшего (ст. ст. 131, 223, 276 УПК) и проверить посредством других доказательств выдвинутые им версии и доводы в таких пределах, в которых это необходимо для того, чтобы либо отвергнуть их, либо, наоборот, признать их обоснованными. В тех случаях, когда эти версии и доводы не нашли подтверждения, должны быть приведены мотивы, по которым они отвергаются. В равной мере должны быть приведены мотивы, по которым следствие и суд нашли возможным не проверять их ввиду явной необоснованности.

Потерпевший обязательно должен быть допрошен, наряду с прочим, об имеющихся у него сведениях относительно: 1) обстоятельств самого преступного деяния и его существенных признаков (времени, места и т. п.); 2) участвовавших в нем лиц и роли каждого из них; 3) характера и размера вреда, причиненного преступлением; 4) взаимоотношений его с обвиняемым¹⁰³. У потерпевшего должны быть получены четкие и ясные ответы не только о том, какими сведениями он располагает, но и о том, какими он не располагает относительно указанных обстоятельств, что должно быть четко и полно зафиксировано в протоколе.

Со всей тщательностью и возможной полнотой на основе исследования обстоятельств дела, личности потерпевшего, его взаимоотношений с обвиняемым, его поведения в связи с совершенным преступлением должно быть выяснено отношение потерпевшего к делу, наличие или отсутствие у него личной заинтересованности, ее направленность и степень. Необходимо также выяснить обстановку преступления и реакцию потерпевшего на него в момент восприятия. Все это имеет значение для оценки показаний¹⁰⁴.

¹⁰² Поэтому нельзя признать правильным мнение Р. Д. Рахунова о том, что при допросе потерпевшего нужно ограничиваться выяснением фактов ему известных, но не выяснять его предположения (см. Р. Д. Рахунов. Некоторые вопросы доказательственного права в свете Основ уголовного судопроизводства. В сб. «Важный этап в развитии советского права». М., Госюриздат, 1960, стр. 83):

¹⁰³ См. В. М. Савицкий, И. И. Петеружа, Ук. соч., стр. 146.

¹⁰⁴ Разумеется, что при выяснении отношения потерпевшего к делу, и в частности его взаимоотношений с обвиняемым, нельзя ограничиться показаниями самого потерпевшего. Нельзя признать правильным мнение

Оценивая факт показаний потерпевшего, суд должен учитывать не только достоверность, как и в отношении свидетеля, но и то, что он не желает, но и либо под давлением, либо из сострадания, может быть результатом известного заблуждения. Поэтому при оценке показаний потерпевшего нужно иметь в виду все те факторы, которыми может быть обусловлена ложность показаний любого лица или его добросовестное заблуждение и учитывать при этом охарактеризованные выше особенности показаний потерпевшего. В этой связи следует учитывать отношение к делу потерпевшего, его правовое положение в процессе, специфичность условий, в которых потерпевшим нередко воспринимались обстоятельства преступления, возможность большей внушаемости потерпевшего, чем свидетеля, и большую вероятность воздействия на него со стороны, чем на свидетеля.

Как указывалось, положение потерпевшего нередко порождает его заинтересованность в исходе дела, а это может послужить причиной недостоверности его показаний — ложных показаний, в одних случаях, заблуждения — в других.

Значение в этом смысле может иметь и процессуальное положение потерпевшего. Активная защита потерпевшим своих интересов в процессе — реализация им прав по представлению доказательств, заявлению ходатайств и участию в исследовании доказательств в суде — в силу «логики борьбы» может отразиться на объективности его показаний и придать соответствующую направленность освещению со-

---

С. П. Бекешко, утверждающего, что у потерпевшего не может быть причин скрывать свои взаимоотношения с тем, кто причинил ему вред совершенным преступлением (см. С. П. Бекешко. Права и обязанности участников процесса по Основам уголовного судопроизводства. В сб. «Вопросы уголовного права и процесса». Минск, 1960, вып. 2, стр. 113).

¹⁰⁵ Предположения потерпевшего, как и свидетеля, не имеют значения доказательства и не могут быть положены в основу приговора. На это неоднократно указывалось Верховным Судом СССР и Верховным Судом РСФСР. См. «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952, Судом РСФСР. См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1952, № 2, стр. 21; 1954, № 4, стр. 17; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1958, № 4, стр. 35; 1960, № 5, стр. 33—34; 1964, № 6, стр. 23—24; «Сборник постановлений президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1957—1959 гг.». М., Госюриздат, 1960, стр. 380.

Но в практике все еще встречается неправильное отношение к предположительным показаниям потерпевшего. Так, Л. М. Карнеева приводит следующий случай: суд сослался на показания потерпевшей Ч. как на прямое доказательство обвинения П., в то время как потерпевшая обосновывала свое утверждение, что нападение совершил П., следующим образом: «Было темно и кто был нападавший мужчина, я не рассмотрела... В тот момент, когда все это произошло, мой разум не ставил таких вопросов: «кто? и за что?, я только инстинктивно спасала свою жизнь, и, когда я убежала от машины далеко и взойшла на гору Курзун, мой разум сразу ответил, что это сделал П.» («Советская юстиция», 1964, № 18, стр. 14).

общаемых им данных. Нельзя не упомянуть также, что потерпевший по окончании предварительного следствия вправе, в отличие от свидетеля, ознакомиться с материалами дела. Использование им этого права способствует наиболее благоприятному для его интересов освещению обстоятельств дела в его показаниях.

Однако все это ни в какой мере не может служить основанием к априорному, предубежденному подходу к показаниям потерпевшего. Нельзя, по нашему мнению, характеризовать особенности показаний потерпевшего, утверждать, что специфика положения потерпевшего в уголовном процессе, хотя и не препятствует использованию его показаний в качестве доказательств, но требует особо тщательного и осторожного подхода к их оценке и что «показания потерпевшего, не проверенные и не подтвержденные другими доказательствами, не могут быть положены в основу обвинительного приговора»¹⁰⁶. С таким утверждением согласиться нельзя, ибо в этом нет специфики показаний потерпевшего: требование критического отношения, тщательной и всесторонней проверки относится ко всем источникам доказательств и ни один из них — ни показания свидетелей, ни заключение эксперта, ни другие источники доказательств, взятые изолированно, не могут служить основанием для обвинения, если они не находят объективного подтверждения во всей совокупности обстоятельств дела. Ст. 70 УПК обязывает к тщательной и всесторонней проверке любого доказательства, ст. 71 УПК предусматривает, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и нет никаких оснований выделять в этом смысле показания потерпевшего. Вместе с тем представляется неправильной и сама постановка вопроса о необходимости особого подхода к показаниям потерпевшего. Разумеется, что при оценке показаний потерпевшего, как и каждого источника доказательств, должны учитываться их специфические черты, в частности отношение к делу потерпевшего. Но это вовсе не значит, что для оценки показаний потерпевшего (или иного источника доказательств) необходимы какие-либо особые правила, что их оценка должна подчиняться какому-либо особому режиму.

Показания потерпевшего являются обычным рядовым источником доказательств и на них распространяются общие для оценки всех источников доказательств положения: они должны оцениваться в соответствии с требованиями ст. 71 УПК.

Процессуальным положением потерпевшего не предопределяется его отношение к делу, а заинтересованность потерпевшего (если он заинтересован), в свою очередь, не предоп-

¹⁰⁶ В. М. Савицкий, И. И. Петеружа. Ук. соч., стр. 153.

ределяет недостоверности его показаний. Вопрос об отношении к делу потерпевшего, а при его заинтересованности в исходе дела — об ее направленности, форме и степени, а равно вопрос о том, оказала ли его заинтересованность влияние на показание и какое именно, должны решаться сообразно с конкретными обстоятельствами данного дела.

Ясно, что в тех случаях, когда потерпевший не заинтересован в деле или интересы потерпевшего соответствуют интересам раскрытия истины, его отношение к делу, как правило, не влияет отрицательно на достоверность показаний. Более того, в практике встречаются такие ситуации, при которых заинтересованность потерпевшего не только не обуславливает недостоверность его показаний, но, наоборот, побуждает его к особой тщательности и максимальной добросовестности в сообщении тех или иных сведений. Причиной этому может быть как сознание значимости своих показаний, так и справедливое желание изобличения и наказания подлинного преступника, надругавшегося над правами и достоинством потерпевшего¹⁰⁷. А с другой стороны, далеко не каждый потерпевший в угоду своим личным интересам станет на путь недобросовестных показаний.

Каждое показание потерпевшего подлежит тщательной и всесторонней проверке и оценке по существу. Ни одно показание не может быть ни отвергнуто без достаточных к тому оснований, ни принято на веру, а равно оставлено без оценки. Недопустимо встречающиеся в практике как предвзятое недоверие к показаниям потерпевшего, так и некритическое отношение к ним. Так, например, «гр. Е. обвинялся в том, что он нанес потерпевшему М. ранение, превысив пределы необходимой обороны. Версия обвинения была основана на

---

¹⁰⁷ Приведем для иллюстрации следующий случай. У двух граждан, прибывших в Москву из Узбекской ССР, неизвестный им гражданин мошенническим путем, обещая помочь купить ковер, взял тысячу рублей, с которыми скрылся. Не зная ни фамилии преступника, ни места его работы и жительства, потерпевшие в течение 16 дней разыскивали преступника и нашли его.

Другой случай. Во втором часу ночи супруги С. возвращались домой по слабо освещенной и безлюдной в этот час улице. К ним подошли двое неизвестных Т. и И. И. набросился на гр. С., стал наносить ему удары и душить. В это время Т., воспользовавшись тем, что И. лишил возможности гр. С. оказать помощь своей жене, схватил последнюю, нанес ей удар кулаком по правому виску и силой завел во двор, отобрал деньги и изнасиловал ее. В течение трех дней после случившегося гр. С. тяжело переживал происшедшее, винил себя, что не мог защитить жену, и в результате покончил жизнь самоубийством.

Совершенно ясно, что при таких обстоятельствах заинтересованность потерпевшей С. не только не может быть причиной недобросовестности показаний и служить основанием для сомнений в их достоверности, а, наоборот, побуждает ее к особой добросовестности, тщательности в опознании и изобличении преступника, что имело место в действительности.

показания обвиняемого, что он ударил потерпевшего М. в момент, когда тот находился в состоянии сна. Потерпевший об этом не сообщил. Суд признал показания обвиняемого подтвержденными показаниями свидетелей, которые имелись по делу Е. Потерпевший утверждает, что обвиняемый нанес кровопотерю, а также нанес побои, что обвиняемый несет уголовную ответственность. Суд признал показания потерпевшего органами следствия не принятыми до конца значения. В суде при помощи экспертизы было установлено, что ранение потерпевшему нанесено в спину, подол, глубиной около 20 см» и «что потерпевший в момент нанесения ранения стоял спиной к нападающему»¹⁰⁸.

Предвзятое недоверие показаниям потерпевшего недопустимо и в тех случаях, когда он сообщает сведения, говорящие в пользу обвиняемого. Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу осужденного Е. признал необоснованными выводы суда о виновности Г. в разбойном нападении, которое подтверждалось показаниями свидетелей, но опровергалось потерпевшим. Он утверждал, что подсудимым не применялось насилие, хотя по обстановке преступления и по всем обстоятельствам дела не было оснований не доверять показаниям потерпевшего. В связи с этим Пленум изменил приговор и признал доказанным лишь «хищение чужого личного имущества, совершенное по предварительному сговору», мотивировав свое решение тем, что, «поскольку потерпевший А. о применении физического насилия или об угрозе применения насилия Е. или бывшими с ним другими лицами не показывал, надлежит признать, что перечисленные свидетели, наблюдая происшествие через окно кухни квартиры, добросовестно заблуждались, неправильно восприняли и оценили действия Е.»¹⁰⁹.

Столь же неправильно и встречающееся в практике некритическое отношение к показаниям потерпевшего. Оно неправильно независимо от того, вызвано ли оно поверхностным или формальным подходом к их оценке или тем впечатлением, которое оказало поведение и состояние потерпевшего, чувством сострадания к нему.

Обвинительные выводы не могут быть признаны соответствующими действительности, если они основаны на непроверенных или оставляющих по совокупности всех обстоятельств дела сомнение в своей достоверности показаниях потерпевшего.

Так, Пленум Верховного Суда СССР отменил приговор в отношении Ш., осужденного за разбойное нападение, и дело о нем производством прекратил за недоказанностью обвинения. Причиной этому послужило то, что, как указано в

¹⁰⁸ См. В. Божьев, М. Сухарев. Защита прав потерпевших. «Советская юстиция», 1963, № 1, стр. 8.

¹⁰⁹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1958, № 3, стр. 5.

протесте Генерального Прокурора СССР, приговор по делу Ш. основан на противоречивых показаниях потерпевшего А., объективных же доказательств выводов Ш. в деле нет»¹¹⁰. По другому делу Президиум Верховного Суда Армянской ССР изменил приговор в отношении осужденных Л. и др. в части обвинения их в ограблении Б., признав это недоказанным, ввиду того, что, как указано в протесте заместителя Генерального Прокурора СССР, «вывод суда о том, что Л. и его спутники ограбили Б., отобрав у него 720 рублей, основывается только на показаниях потерпевшего, не подкрепленных другими объективными доказательствами. Допрошенные по делу свидетели... не подтвердили, что Б. был ограблен»¹¹¹. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу А. приведены следующие мотивы к отмене приговора: «обвинительный приговор суда, которым А. признан виновным в попытке изнасилования С., основан только на показаниях последней. Никаких других доказательств, подтверждающих вину А. в столь тяжком преступлении, по делу не добыто...»¹¹².

Показаниям потерпевшего нельзя отдавать предпочтение перед другими доказательствами при отсутствии к этому объективных оснований. И если неправильно не критическое отношение к показаниям потерпевшего, то тем более недопустимы обвинительные выводы, основанные на показаниях потерпевших, опровергаемых другими доказательствами по делу или при наличии обстоятельств, ставящих под сомнение их достоверность.

Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу Г., осужденного за разбойное нападение на Л., признал недоказанным обвинение в части вменяемого ему в вину разбойного нападения. Пленум указал, что версия обвинения основана исключительно на противоречивых и малоубедительных показаниях потерпевшего и что «правдоподобность показаний потерпевшего Л. в той части, где он утверждает, что Г., якобы под угрозой оружия, помимо обнаруженных у него при задержании вещей похитил мужской пиджак и 1450 руб. денег, вызывает серьезные сомнения, так как показания его в этой части противоречат приведенным выше доказательствам»¹¹³.

В другом случае по делу С., осужденного за разбойное нападение, по которому приговор был отменен и производст-

¹¹⁰ «Социалистическая законность», 1960, № 9, стр. 86.

¹¹¹ «Социалистическая законность», 1958, № 4, стр. 95.

¹¹² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 3, стр. 24. См. также «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 4, стр. 14—15; № 5, стр. 20; 1953, № 3, стр. 11; 1956, № 2, стр. 16—17; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 1, стр. 16.

¹¹³ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1957, № 6, стр. 22.

во прекращено за недоказанностью обвинений. По требованию заместителя Генерального Прокурора СССР в последнем приведены следующие основания: «С. признан виновным и осужден на основании показаний потерпевших Г. и Р., утверждавших, что одним из преступников был С., которого они опознали... Из показаний же свидетелей К., Г. и других... явствует, что в то время, когда на потерпевших было совершено нападение, «С. вместе с ними находился в клубе... где происходило комсомольское собрание, а затем были танцы и что С. в тот вечер руководил духовым оркестром... и что после танцев С. вместе с ними пошел домой»¹¹⁴.

При оценке показаний потерпевшего надо учитывать ту обстановку, в условиях которой было совершено посягательство на потерпевшего и его реакцию на преступление. Потерпевший как лицо, против которого направлено преступление, часто воспринимает его обстоятельства в условиях, вызывающих у него чувство страха, глубокой досады, ненависти к преступнику и другие переживания, которые могут отразиться на достоверности восприятия. Впечатление, оставшееся у потерпевшего от восприятия, может отразиться и на процессах сохранения в памяти и воспроизведения.

Вместе с тем потерпевший, если он травмирован совершенным на него посягательством и глубоко переживает происшедшее или если он ищет удовлетворения своих интересов, обычно в большей мере, чем свидетель, подвержен внушению и поддается воздействию со стороны окружающих, в особенности близких ему людей. Потерпевший часто в большей мере, чем свидетель, подвержен внушению и при производстве следственных действий, ибо он «склонен видеть в следователе своего союзника, стремящегося вместе с ним изобличить виновного, поэтому на наводящие вопросы он обычно отвечает в аспекте, кажущемся правильным следователю, полагая, что именно такие ответы необходимы в интересах дела»¹¹⁵.

---

¹¹⁴ «Социалистическая законность», 1963, № 2, стр. 83. См. также «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса». М., Госюриздат, 1964, стр. 105—106 и стр. 107; «Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР». М., Госюриздат, 1960, стр. 336—337; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 9, стр. 19—20; 1954, № 4, стр. 11; 1956, № 2, стр. 16—17; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 29—30; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 11, стр. 6; «Социалистическая законность», 1959, № 6, стр. 92; 1960, № 1, стр. 85—86.

¹¹⁵ В. М. Савицкий, И. И. Петеружа. Ук. соч., стр. 163—164. На это же указывает В. Куликов. Оценка показаний потерпевшего. «Советская юстиция», 1958, № 1, стр. 52.

В связи с этим, как правильно отмечалось в нашей литературе, «ни в коем случае нельзя перед опознанием лица, подозреваемого в совершении преступления, «подказывать» потерпевшему приметы путем наводящих вопросов, предъявлять потерпевшему фотокарточки подозреваемого»¹¹⁶.

И в то же время в отношении потерпевшего в большей мере, чем свидетеля, вероятно стремление воздействовать на него со стороны близких ему или заинтересованных в деле лиц. Это объясняется, с одной стороны, тем, что близких потерпевшему лиц беспокоит его судьба, его состояние и репутация, а равно его материальные интересы. А с другой стороны, тем, что от показаний потерпевшего, как лица часто наиболее осведомленного об обстоятельствах преступления, во многом зависит исход дела, тем более что по некоторым категориям преступлений возбуждение дела обусловлено жалобой потерпевшего (ст. 27 УПК).

Примером влияния на достоверность восприятия состояния потерпевшего, вызванного обстановкой, в которой было совершено нападение на него, и внушаемости потерпевшего, может быть следующее дело.

В ночь на 25 декабря 1962 г. на гр-ку Л. напал неизвестный, который сперва пытался снять с нее туфли, а затем отобрал сумку. Потерпевшая немедленно после ограбления обратилась к сотрудникам милиции, проезжавшим на дежурной машине, и последними вскоре были задержаны трое совместно идущих граждан, причем один из них гр.-н Я. пытался убежать. Присутствовавшая при этом потерпевшая узнала в последнем грабителя и трижды в своих показаниях подтверждала это. Между тем 28 декабря в ЦУМе был задержан при попытке кражи дамских туфель с витрины гр. Б. и при обыске у него на квартире была обнаружена сумка гр-ки Л. Б. был опознан Л. (которая поняла свою ошибку в опознании гр-на Я.) и с несомненностью изобличен другими данными. Причиной ошибки потерпевшей явилось как ее состояние в момент нападения, помешавшее ей воспринять внешние признаки преступника, так и условия опознания, которые оказали на нее внушающее воздействие.

На значение состояния потерпевшего в момент посягательства на него как фактора, препятствующего правильности восприятия, указывается в определении Верховного Суда СССР по делу Ф. «Потерпевшая на предварительном следствии на следующий день после преступления не опознала Ф. среди других предъявленных ей подростков. В протоколе по этому поводу отмечено, что «она осмотрела вышеперечисленных лиц и сказала, что она не может опознать, так как она испугалась и в лицо точно не помнит».

¹¹⁶ В. Куликов. Ук. соч., стр. 52.

При таких обстоятельствах представляется, что методическая доказательственная ценность показаний П-вой Ф-ва на суде, то есть через два с половиной месяца после происшествия»¹¹⁷.

По другому делу, отменяя приговор в отношении С., осужденного за то, что он вместе с неустановленными следствием соучастниками совершил нападение на охранников Швейкомбината, Верховный Суд СССР привел наряду с прочим следующие мотивы: «Так, на предварительном следствии при допросе 7 сентября П. заявил, что на него напали два неизвестных грабителя, накрыли плащом и связали. Это обстоятельство он подтвердил и на очной ставке с С. На вопрос следователя к П., может ли он опознать лица преступников, напавших на него, П. ответил, что опознать их он не может, так как нападение на него было внезапным и он даже не мог заметить, в чем они были одеты. Только лишь на допросе 11 ноября П. стал показывать против С.»¹¹⁸.

Не меньшее значение придается Верховным Судом СССР возможности внушения потерпевшему или иных форм воздействия на него как обстоятельству, ставящему под сомнение достоверность его показаний. Так, отменяя приговор по делу Д., опознанного потерпевшей, Верховный Суд СССР указывает в определении: «Установлено, что до опознания Лидой Я. Д-ва в органах следствия он был ей показан работниками больницы, причем мысль о внешнем сходстве осужденного с насильником впервые была высказана не самой потерпевшей, а работниками больницы»¹¹⁹.

В определении Верховного Суда СССР по делу осужденных Д. и К. приведены следующие мотивы к отмене приговора: «На допросе у следователя 10 августа 1963 г. Н. категорически утверждала, что она вышла замуж добровольно и никто ее не похищал и не принуждал к вступлению в брак с Д. В показаниях Н., подробно рассказывая об обстоятельствах, при которых она вышла замуж за Д., заявила, что она о похищении ее Д. и К. и об изнасиловании ее никому не жаловалась и никуда не сообщала и что родственники ее, прибыв в дом Д. с работниками милиции, доставили ее в отделение милиции вместе с Д. за то, что она вышла замуж, не поставив их в известность и без их согласия.

Кроме того, из показаний Н. и ее отца А. видно, что Н. с 17 по 24 августа 1963 г. находилась у себя дома в К-ском районе. Она и ее отец стали давать показания о похищении

¹¹⁷ «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР». М., Госюриздат, 1955, стр. 148.

¹¹⁸ Там же, стр. 159—160.

¹¹⁹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 2, стр. 34—35; см. также 1965, № 3, стр. 28.

и изнасиловании лишь 24 августа 1963 г., то есть после возвращения ее из К-ского района в гор. Фрунзе.

Органы же следствия и суд, не поверив объяснениям Д. о том, что Н. подавала заявления не по своей воле, «не установили причин изменения показаний потерпевшей и ее родственников»¹²⁰.

Аналогичные соображения приведены Верховным Судом РСФСР в определении по делу М., осужденного по ч. 3 ст. 117 УК. Потерпевшая заявила об изнасиловании только после того, когда мать узнала о ее встречах с М.

«...Объясняя причины, побудившие ее рассказать об изнасиловании, Л. заявила, что она боялась родителей, которые могли ее выгнать за связь с М. из дома. Других каких-либо объективных доказательств, подтверждающих совершение М. изнасилования, следствием не добыто»¹²¹.

В равной мере и при наличии данных, указывающих на возможность внушения потерпевшему во время производства тех или иных следственных действий, достоверность его показаний ставится под сомнение. Так, отменяя приговор по делу осужденного Л., Пленум Верховного Суда СССР привел в своем постановлении следующие мотивы: «При производстве опознания подозреваемого потерпевшей следователь допустил ряд неправильных действий, оказав явное влияние на потерпевшую.

Мать потерпевшей, присутствовавшая на опознании, показала в суде, что «когда у следователя проводилось опознание подозреваемого, то на вопрос следователя, кто из трех мужчин угощал ее конфетами, увел в пещеру, Таня, опустив голову, молчала. После этого следователь, подойдя к Л. и взяв его за воротник, спросил у Тани: «Этот был дядя?» Она ответила «да». Когда я с Таней вышла из кабинета следователя, Таня мне сказала «Обманула, был не этот дядя»¹²².

Одним из оснований к отмене приговора по делу осужденных Л. и К. послужило следующее: «М. до задержания Л. и К. в заявлении не описывал их внешности и особых примет и об опознании их заявил лишь после того, как ему уже стало известно, что они допрашиваются по обвинению в его ограблении. При таком положении дела опознание М. обвиняемых нельзя признать правильным и имеющим доказательственную силу»¹²³.

¹²⁰ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 29—30; см. также, 1966, № 1, стр. 29—32.

¹²¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 6, стр. 11.

¹²² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 3, стр. 27—29.

¹²³ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1956, № 2, стр. 16; см. также постановления и определения Верховного Суда СССР, приведенные на стр. 79—80 данной работы.

Потерпевшим является лицо, признанное таковым в данном уголовном деле органом расследования или судом в установленном законом порядке. Лицо приобретает положение потерпевшего в процессе — его процессуальные права и обязанности в силу признания его потерпевшим (ч. 2, стр. 53 УПК). Актом признания потерпевшим является либо постановление лица, производящего дознание, следователя или судьи, либо определение суда (ч. 1, ст. 53 УПК).

Весьма существенна для успешного расследования дела своевременность выявления лиц, потерпевших от преступления, и признания их потерпевшими. Допрос потерпевшего целесообразно обычно производить в начале расследования дела, так как это может способствовать наиболее эффективной и целеустремленной организации расследования. При этом важно, чтобы лицо допрашивалось именно в качестве потерпевшего, а не свидетеля. Это может способствовать полноте показаний и иметь значение для их оценки. Своевременное признание лица потерпевшим необходимо и для обеспечения его прав и законных интересов.

В этой связи важное значение имеет вопрос о том, при наличии каких данных лицо подлежит признанию потерпевшим. Согласно ст. 136 УПК следователь выносит постановление о признании потерпевшим, «установив, что преступлением причинен материальный, физический или моральный вред гражданину». Как понимать это требование закона? Означает ли оно, что условием признания лица потерпевшим является наличие данных, дающих основание следователю признать с несомненностью установленным как факт преступления, так и причинение им вреда тому или иному лицу? Такое понимание требования ст. 136 УПК было бы, по нашему мнению, неправильным.

Признание доказанным самого факта преступления по ряду категорий дел во многих случаях неотделимо от признания того, что данное преступление совершено определенным лицом. Например, по делам о преступлениях на транспорте разрешение вопроса о том, является ли наезд на пострадавшего результатом преступления, часто органически связан с решением вопроса о виновности водителя автомашины, находится в прямой зависимости от него. Аналогичное положение имеет место нередко по делам об изнасиловании, о причинении телесных повреждений, о мошенничестве и о некоторых других преступлениях.

Таким образом, если бы признание потерпевшим обуславливалось доказанностью факта преступления, причинившего ему вред, то оно в приведенных случаях было бы неотдели-

мо от признания обоснованности обвинения того или иного лица в этом преступлении. А это значит, что признание потерпевшим могло бы иметь место лишь в конце следствия и во всяком случае не ранее привлечения обвиняемого. В противном случае оно должно было бы рассматриваться как предрешение вопроса о привлечении в качестве обвиняемого, как выражение предубежденности следователя.

Между тем решение вопроса о признании лица потерпевшим не следует относить к концу расследования дела, ибо это ограничивает права потерпевшего и может отрицательно отразиться на результативности следствия¹²⁴.

В связи со сказанным важное значение имеет различие между понятиями потерпевшего в материальноправовом смысле и в процессуальном смысле¹²⁵.

Потерпевшим в материальноправовом смысле является лицо, которому преступлением причинен вред, что установлено в соответствии с действительностью, несомненно. Причем вопрос о причинении вреда тому или иному лицу, поскольку он не отделим от вопроса о виновности определенного лица в этом преступлении, может быть разрешен положительно только приговором суда¹²⁶. Выводы же следователя по этому вопросу, как и о виновности обвиняемого (несмотря на убежденность следователя) имеют предположительный характер.

Потерпевшим же в процессуальном смысле является лицо, занимающее правовое положение потерпевшего в процессе по соответствующему решению следствия или суда, принятого в связи с наличием данных, указывающих на причинение ему вреда расследуемым преступлением. Но признание лица потерпевшим не означает, что факт причинения ему вреда считается установленным. Нельзя согласиться с Л. Д. Кокоревым, по мнению которого, решая вопрос о признании

---

¹²⁴ См. Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву, стр. 247. Он пишет: «... лицо должно признаваться потерпевшим на ранней стадии процесса. Медлить с допущением потерпевшего в качестве участника процесса не следует, ибо это ограничивает потерпевшего в его правах и может отразиться на эффективности следствия».

¹²⁵ На необходимость такого различия понятия потерпевшего в материальноправовом и в процессуальноправовом смысле указывают В. П. Божьев (В. П. Божьев. К вопросу о понятии потерпевшего в советском уголовном процессе. «Уч. зап. ВЮОН», вып. 15. М., 1962, стр. 176 и сл.) и Р. Д. Рахунов (Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву, стр. 246). Но первый освещает вопрос о том, каким требованиям должно отвечать лицо (которому преступлением причинен вред) для того, чтобы он мог быть признан потерпевшим в процессе, но не останавливается на вопросе, при каких данных дела лицо подлежит признанию потерпевшим.

¹²⁶ См. Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности..., стр. 246—247.

того или иного лица потерпевшим «следователь, лицо, производящее дознание, суд должны убедиться, что лицу, которое следует признать потерпевшим, действительно причинен или мог быть причинен вред»¹²⁷.

Достаточным основанием для признания лица потерпевшим в соответствии со ст. 136 УПК должно, по нашему мнению, считаться наличие данных, указывающих на то, что преступлением причинен ему моральный, физический или материальный вред¹²⁸. Это не только представляется нам по существу правильным, но и соответствует интересам своевременного признания лица потерпевшим и не связывает этот акт ни с предубеждением в виновности заподозренного, ни с решением вопроса о привлечении того или иного лица в качестве обвиняемого.

Такое понимание ст. 136 УПК находит подтверждение в ст. 27 УПК, предусматривающей круг дел, возбуждаемых не иначе как по жалобе потерпевшего (дела о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130, ст. 131, ч. 1 ст. 117 и ст. 141 УК). Поскольку условием возбуждения дела и производства по нему по всем этим преступлениям является жалоба потерпевшего, то постановление о признании лица потерпевшим должно быть вынесено немедленно после акта возбуждения дела, практически одновременно с ним. Если же нет такого постановления, то нет и потерпевшего, а значит, нет и жалобы потерпевшего; отсутствие же ее является обстоятельством, исключающим производство по делу.

Таким образом, признание лица потерпевшим здесь должно иметь место до начала исследования обстоятельств дела. Между тем на этом этапе производства по делу не может быть признано установленным ни само событие преступления, ни тем более совершение преступления тем или иным лицом. Следовательно, основанием для признания лица потерпевшим являются здесь лишь «достаточные данные (полученные еще до начала производства по делу. — М. Я.), указывающие на признаки преступления» (ч. 2 ст. 108 УПК), послужившие основанием к возбуждению дела и вместе с тем указывающие на то, что жалобщику причинен вред.

¹²⁷ Л. Д. Кокорев. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Изд-во Воронежск ун-та, 1964, стр. 11; указание автора на возможность причинения вреда связано с тем, что, по его мнению, лицо является потерпевшим и в случаях покушения на преступление, которым мог быть ему причинен вред.

¹²⁸ В иной форме, чем в ст. 136 УПК РСФСР, условия признания лица потерпевшим сформулированы в УПК Литовской ССР и в УПК Эстонской ССР. Первым из них установлено, что «следователь, усмотрев из дела, что преступлением причинен вред... гражданину», выносит постановление о признании его потерпевшим (ст. 154). В ст. 114 УПК Эстонской ССР указано, «если преступлением причинен лицу... ущерб, следовательно выносит постановление о признании его потерпевшим».

Цена 44 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

